

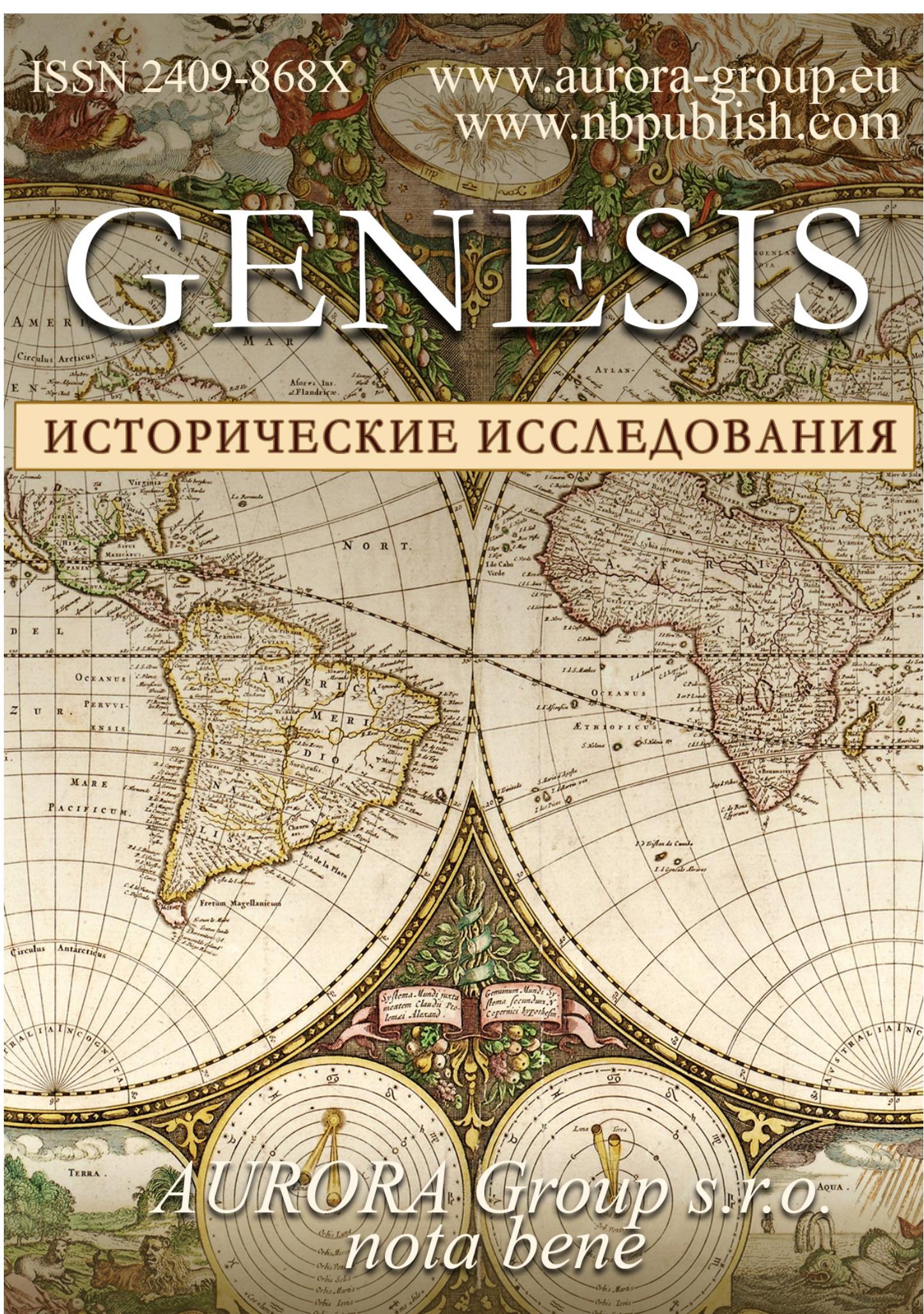
ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 30-09-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 30-09-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

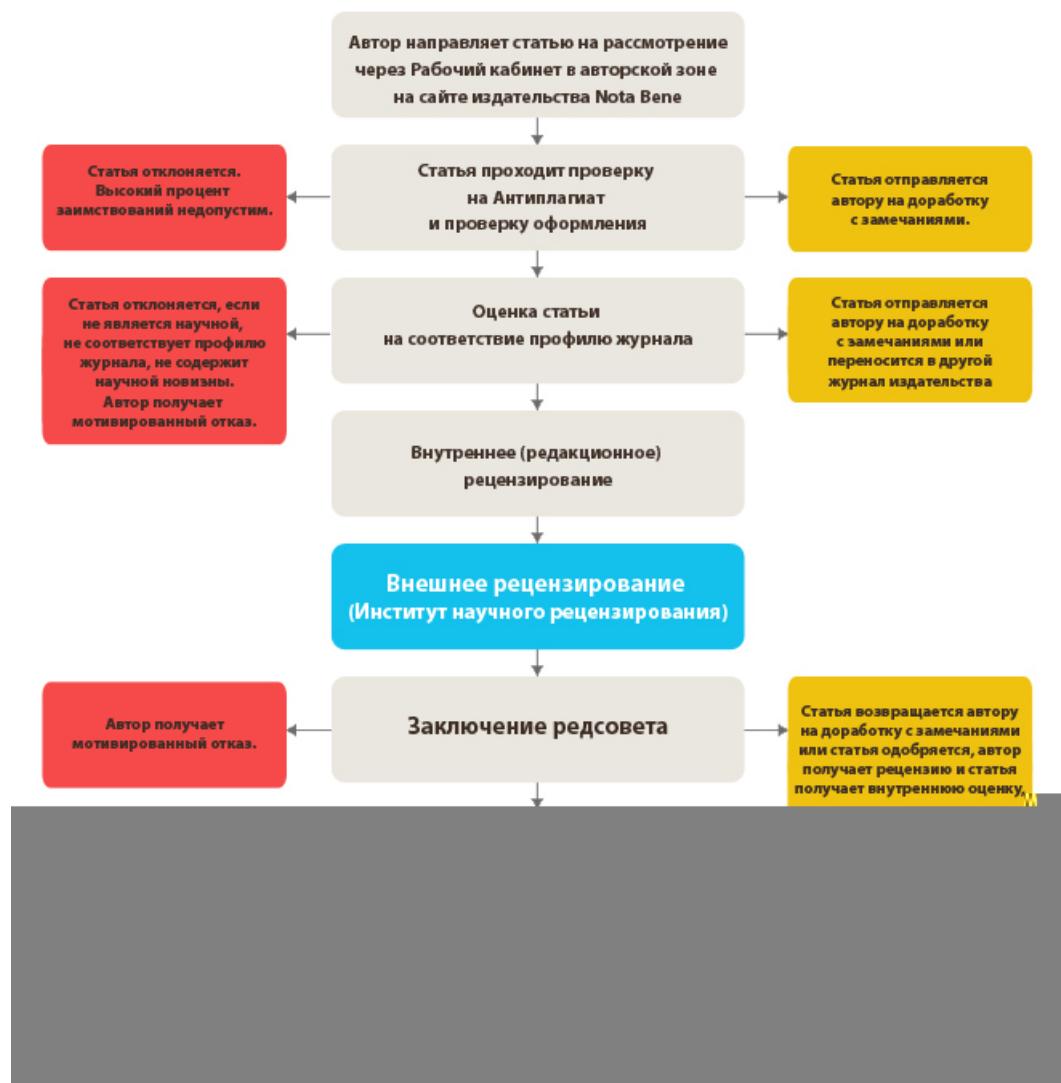
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Саввинов П.О. Судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в конце XIX – начале XX вв.	1
Усатюк Д.В. Основы и факторы развертывания в США в 1913-1917 гг. военно-морского строительства.	10
Михайлов А.М. Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли	22
Боровков Д.С. Эффект «аберрации памяти» в воспоминаниях М.Т. Калашникова о Великой Отечественной войне.	45
Ильичев А.В. Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью	57
Англоязычные метаданные	79

Contents

Savvinov P.O. Judicial complaints about the activities of magistrates of the Yakut region in the late XIX — early XX centuries	1
Usatiuk D. Fundamentals and factors of deployment in the United States in 1913-1917 Naval construction	10
Mikhailov A.M. Formation and Development of the Doctrine of Rule of Law in English Legal Thought	22
Borovkov D. The effect of "memory aberration" in M.T. Kalashnikov's memoirs about the Great Patriotic War.	45
Ilyichev A.V. The Russian Army on the Eve of the Crimean War: Between Myth and Reality	57
Metadata in english	79

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Саввинов П.О. — Судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в конце XIX – начале XX вв // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.44055 EDN: YGXIMJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44055

Судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в конце XIX – начале XX вв

Саввинов Павел Олегович

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>

младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Якутия, г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ pavel_sawinov@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.44055

EDN:

YGXIMJ

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2023

Аннотация: Предметом исследования выступают Судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в конце XIX – начале XX в. Объектом исследования служит коммуникативная практика, связанная с развитием судопроизводства в Якутской области указанного периода. В статье автором анализировались судебные жалобы на деятельность мировых судей и их рассмотрения в Якутском окружном суде. Исследование проведено на основе методологических принципов фронтирного модернизационного подхода И.В. Побережникова, которая применяется для анализа периферийных регионов Российской империи. В качестве инструмента познания применен сравнительно-исторический метод, позволяющий раскрывать причинно-следственные связи и закономерности исторического процесса. В статье впервые предпринято специальное изучение судебных жалоб на деятельность мировых судей в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда, которое понимается как система многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными участниками коммуникации. Автор приходит к выводу, что жалобы на деятельность мировых судей играли большую роль в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в рассматриваемый период как

канал связи между обществом и судебной властью, которая регулировалась Судебными уставами 1864 г. Обращения обвиняемых, ответчиков в судебную власть выступали как коммуникативный канал, по которому Якутский окружной суд мог осуществлять надзор за деятельностью мировых судей. Якутский окружной суд рассматривал поступающие жалобы на мировых судей независимо от тяжести преступления обвиняемого.

Ключевые слова:

судебные жалобы, жалоба на медленность, исковая просьба, апелляционная жалоба, судебный устав, судопроизводство, коммуникативный канал, окружной суд, мировые судьи, Якутская область

Институт жалоб — традиционный канал коммуникативной связи между властью и обществом. Законодательная основа института жалоб постоянно совершенствовалась, рационализировался порядок их прохождения. Это привело к трансформации челобитной в административную жалобу, следствием чего стало включение института жалоб во все уровни иерархии с целью коррекции принимаемых решений. Актуальность темы обусловлена тем, что специально осуществляется изучение судебных жалоб на деятельность мировых судей в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда. Заполнение этого пробела поможет определить место региона в правовом поле дореволюционной России, даст возможность проследить процесс общей модернизации края. Целью данной работы является анализ жалоб на деятельность мировых судий Якутской области и их рассмотрения в окружном суде в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в конце XIX – начала XX вв.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято специальное изучение судебных жалоб на деятельность мировых судей в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда, которое понимается как система многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными участниками коммуникации. Профессиональное сообщество создало свое социальное коммуникативное пространство, агентами которого выступали отдельные люди, группы людей и окружные и мировые суды [3, с.16]. Предметом исследования выступают Судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в конце XIX – начале XX в. Объект исследования служит коммуникативная практика, связанная с развитием судопроизводства в Якутской области выше указанного периода.

С 1897 г. территория Сибири делилась на две судебные палаты: Омскую и Иркутскую. В состав вновь образованной Иркутской судебной палаты входило семь окружных судов, в территориях Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской, Амурской и Приморской с Камчаткой, о. Сахалином и Якутской области, а также линия КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) [4, с.91]. Якутский окружной суд охватывал пять округов области (Якутский, Вилюйский, Верхоянский, Колымский и Олекминский), за исключением Олекминской и Витимской золотопромышленных систем. В 1904 г. золотые прииски, расположенные по верхнему течению реки Алдан в Якутской области, были прикреплены к Благовещенскому окружному суду [4, с.91]. Судебные округа делились на мировые участки по таким признакам, как площадь территории, плотность населения, количество дел, совпадение границ мировых участков с соответствующими административными районами [1, с.112–117]. Всего в Якутской области было образовано семь судебно-мировых

участков: г. Якутск, 1-й и 2-й участки Якутского округа, Вилюйский, Олекминский, Верхоянский, Колымский округа [10, л.17]. Обязанности съезда мировых судей Якутской области выполняло общее собрание Якутского окружного суда [1, с.112-117].

Во второй половине XIX в. в имперской правовой системе нормативными основаниями подачи и рассмотрения судебных жалоб выступали Судебные уставы 1864 г. Согласно Судебному уставу 1864 г., частные жалобы могли подаваться в трех случаях: 1) на медленность производства; 2) на непринятие отзыва; 3) на взятие обвиняемого под стражу [6, с.20 – 21]. Частные жалобы, как на непринятие отзыва, так и на взятие обвиняемого под стражу, подавались в семидневный срок со времени исполнения обжалованных распоряжений только вместе с апелляцией [6, с. 20] [7, с.21-22]. Жалобы подавались на имя мирового судьи, который рассматривал дело, в свою очередь, судья давал ход движения жалобе вместе со своим объяснением в течение семи дней со времени подачи ее в съезд мировых судей [7, с.22]. Согласно судебной реформе 1897 г., в Сибири вместо съезда мировых судей собиралось общее собрание окружного суда, то есть окружным судам принадлежал непосредственный надзор за мировыми судьями в области [2, с.63].

15 июня 1906 г. Якутский окружной суд рассмотрел жалобу П.В. Оленина, В.П. Приютова и М.В. Сабунаева, обвиненных в организации народной демонстрации 9 января 1906 г., в день годовщины Кровавого воскресенья в г. Якутске, в котором приняли участие более 200 человек. Тогда демонстранты после митинга с пением «Марсельезы» направились к зданию городской думы и ворвались в зал с возгласами: «Долой думу» [9, л.10] [17, с.41-42]. Мировой судья г. Якутска А.Е. Соколов направил в Якутский окружной суд жалобы обвиняемых М.В. Сабунаева, В.П. Приютова и П.В. Оленина, к которым была принятая мера пресечения путем заключения их под стражу. Вместе с жалобой мировой судья направил постановления от 13 и 18 апреля 1906 г. об избрании для указанных обвиняемых мер пресечения, а также копии указанных постановлений. Также судья А.Е. Соколов предоставил свое объяснение по данному делу, в котором сообщал, что принятая против обвиняемых мера пресечения объясняется уликами против обвиняемых [16, л.11]. Якутский окружной суд, рассмотрев жалобы М.В. Сабунаева, П.В. Оленина и В.П. Приютова и ознакомившись с материалом дела, заключил, что принятая против них мера пресечения являлась вполне достаточной, так как: 1) обвиняемым грозило наказание, соединенное с мнением всех прав состояния; 2) существуют твердые доказательства их виновности; 3) есть возможность воздействия их на ход следствия ввиду того, что они имеют влияние в обществе и им принадлежала руководящая роль в действиях демонстрантов 9 января 1906 г. Поэтому окружной суд счел принятую против П.В. Оленина, М.В. Сабунаева и В.П. Приютова меру пресечения оставить без изменения [9, л.10].

Согласно Судебным уставам 1864 г., жалобы на затягивание судопроизводства мировыми судьями подавались мировому съезду [7, с. 21-22]. В Сибири по реформе 1897 г. жалобы также подавались и рассматривались в окружных судах. В Якутском окружном суде рассмотрели жалобу от 2 июля 1910 г. от инородца Н.В. Винокурова Баягантайского улуса на затягивание судебного процесса мировым судьей 2-го участка, так как поданное им заявление о возмещении с инородца А.Е. Кулаковского 647 руб. 46 коп. мировой судья оставил нерассмотренным. Поэтому Н.В. Винокуров, ссылаясь на ст. 168 Устава гражданского судопроизводства, а именно — жалоба на медленность мирового судьи [7, с.22], просил окружной суд требовать от мирового судьи 2-го участка Якутского

округа скорейшего рассмотрения судебного дела по иску и ускорить по возможности с постановлением решения. В конце своей жалобы инородец Н.В. Винокуров писал, что поскольку он безграмотный, вместо подписи он использовал свою печать [14, л.1]. Согласно судебным уставам 1864 г., в окружном суде жалобы эти рассматривались без вызова сторон, но явившиеся тяжущиеся допускались к устным объяснениям [7, с.21-22]. Так, 27 августа 1910 г. в публичном судебном заседании Якутского окружного суда рассмотрели дело по частной жалобе инородца Н.В. Винокурова на медленность мировой судьи 2-го участка Якутского округа [14, л.5]. Также в окружном суде было рассмотрено объяснение мирового судьи 2-го участка Якутского округа, где сообщалось, что исковое прошение по делу Н.В. Винокурова было подано 12 мая 1910 г., что разбор дела был назначен на 7 июля 1910 г., а ответчику А.Е. Кулаковскому была послана повестка через Батурусскую инородную управу. Однако 3 июня 1910 г., из-за неявки ответчика и за неимением сведений о вручении ему повестки, дело было отложено до следующей очереди и было сообщено прокурору Якутского окружного суда о неисполнении Батурусской инородной управой судебных требований о вручении повестки А.Е. Кулаковскому. Якутский окружной суд, рассмотрев данное дело, пришел к заключению оставить жалобу Н.В. Винокурова без внимания в связи с тем, что не была выявлена вина в затягивании судопроизводства при рассмотрении судебного дела со стороны мирового судьи 2-го участка Якутского округа [14, л. 5-5 об.]. Также 1 июня 1912 г. в Якутском окружном суде рассмотрели частную жалобу мещанина В. Мосина на медленность мирового судьи г. Якутска в деле по иску о неуплате Н. Клиновским денег за строительство дома [15, л.2]. 19 мая 1912 г. мещанин В. Мосин написал жалобу на Якутский окружной суд, где сообщал, что в октябре 1911 г. В. Мосиным было подано мировому судье г. Якутска исковое прошение по иску с чиновника Н. Клиновского неуплаченных им денег за строительство дома, но дело было отложено до весны 1912 г. для осмотра постройки экспертами. Весной 1912 г. мировой судья г. Якутска обещал В. Мосину рассмотреть дело в первых числах мая, однако до 19 мая 1912 г. дело еще рассматривалось, а у В. Мосина задерживались расчеты с работниками. В конце прошения В. Мосин сообщал, что в связи тем, что он безграмотен, по его личной просьбе расписался за него мещанин Н. Судаков [15, л.1]. Якутский окружной суд определил предложить мировому судье г. Якутска ускорить решение по делу и сообщить суду о причинах задержки [15, л.2]. 8 июня 1912 г. мировой судья г. Якутска сообщал в Якутский окружной суд, что во исполнение предписания окружного суда от 4 июня 1912 г. решение дела по иску В. Мосина и Н. Клиновского и дело по первому иску было отложено до осмотра экспертами, назначенного на 8 июня 1912 г. [15, л.3]. Однако материалы дальнейшего решения по данному делу отсутствуют. Итак, обыватели имели возможность подать жалобу на затягивание судопроизводства мировыми судьями.

Согласно Судебным уставам 1864 г., жалобы на отказ в принятии мировыми судьями исковой просьбы подавались в Сибири окружному суду [7, с.21-22]. 25 июня слушали на публичном заседании Якутского окружного суда дело по жалобе доверенного инородцев Чалгинского наслега Мегинского улуса инородца И.И. Сергеева на отказ мирового судьи 2-го участка Якутского округа в привлечении к уголовной ответственности Е.Н. Скрябина за завладение общественным сеном и о взыскании 545 руб. В январе 1914 г. доверенный от имени инородцев Чалгинского наслега И.И. Сергеев подал на имя мирового судьи 2-го участка Якутского округа прошение, в котором сообщал, что инородец Е.Н. Скрябин в 1906 г. обязался перед обывателями Чалгинского наслега спустить озеро Нохой, но обязательства не исполнил и все время пользовался сеном с этой местности, выкосив приблизительно 109 возов на сумму 545 руб. Поэтому И.И.

Сергеев просил привлечь Е.Н. Скрябина к уголовной ответственности за мошенническое похищение общественного имущества — сена на сумму 545 руб. [\[8, л.9\]](#). Мировой судья 2-го участка Якутского округа, рассмотрев это прошение и имея в виду, что в действии Е.Н. Скрябина отсутствует состав какого-либо преступления и что ему может быть предъявлен только гражданский иск за неисполнение договора, постановил прошение возвратить доверенному инородцу Чалгинского наслега И.И. Сергееву. На это постановление мирового судьи инородец И.И. Сергеев принес в окружной суд жалобу, прося предложить мировому судье пересмотреть принятое решение. Якутский окружной суд, собрав все обстоятельства дела, определил жалобу доверенного от инородцев Чалгинского наслега Мегиенского улуса инородца И.И. Сергеева оставить без рассмотрений [\[8, л.9\]](#).

Согласно Судебному уставу 1864 г., лица, не согласные с решением суда, могли подать жалобу для изменения или отмены вынесенного решения. Апелляционная жалоба представлялась в двух экземплярах тому мировому суду, который рассматривал дело. Мировой судья отсыпал один экземпляр апелляционной жалобы, со всеми приложениями и актами производства, не позже трех дней со времени ее получения, в окружной суд, а другой экземпляр пересыпал противной стороне при наличии повестки [\[7, с.21-22\]](#). 17 апреля 1900 г. в Якутском окружном суде слушали дело по апелляционной жалобе титуллярного советника И.Я. Кузнецова, обвиняемого по ст. 136 Устава о наказаниях. Так, 24 апреля 1898 г. советник Якутского областного правления А.И. Виноградов подал жалобу мировому судье г. Якутска, обвиняя И.Я. Кузнецова в том, что тот в разговоре с чиновником Областного правления И.М. Германовым обвинил А.И. Виноградова во взяточничестве. 22 мая 1898 г. мировой судья г. Якутска, разобрав это дело и основываясь на признании самого обвиняемого И.Я. Кузнецова и на показаниях свидетелей И.М. Германова и В.А. Вонгродского, приговорил его к аресту сроком на восемь дней [\[11, л.10-10 об.\]](#).

В апелляционной жалобе указывались причины, по которым подающий жалобу считал решение неправильным. Предъявление новых требований в апелляции не допускалось [\[7, с.21-22\]](#). На выше указанный приговор мирового судьи И.Я. Кузнецова подал апелляционный отзыв, в котором просил отменить приговор суда и освободить из-под стражи, так как, по его мнению, в действиях его отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 1360 Устава о наказаниях [\[11, л.10 об.\]](#).

Во время разбирательства дела в окружном суде были допрошены свидетели И.М. Германов и В.А. Вонгродский, где они отрицали факт разговора с И.Я. Кузнецовым на тему клеветнических обвинений в адрес потерпевшего. Однако при повторном допросе И.М. Германов подтвердил факт разговора с И.Я. Кузнецовым о А.И. Виноградове. Свидетель И.М. Германов охарактеризовал А.И. Виноградова как человека вредного, бравшего раньше взятки и делающего доносы губернатору [\[11, л.11-11 об.\]](#).

Окружной суд, собрав все обстоятельства дела и учитывая показания свидетелей В.А. Вонгродского и И.М. Германова, не нашел основания не доверять заявлению просителя И.Я. Кузнецова. Так, из показания В.А. Вонгродского стало ясно, что между свидетелем и просителем был нелестный разговор об А.И. Виноградове. Также из показания свидетеля И.М. Германова окружным судом выяснилось, что В.А. Вонгродский и И.Я. Кузнецов жили в одной даче, а сообщенная И.Я. Кузнецовым И.М. Германову устная информация была не с целью оскорблении чести и доброго имени А.И. Виноградова, а с намерением предостеречь И.М. Германова от опасного, по его мнению, человека. И.М.

Германов сообщил суду, что он поверил И.Я. Кузнецovу лишь потому, что информация была получена от уважаемого медицинского инспектора В.А. Вонгородского. Окружной суд пришел к выводам, что действия И.Я. Кузнецова не квалифицируются как клевета [\[11, л.11 об.\]](#).

Судебные власти при выявлении неисполнения должностных обязанностей и злоупотреблений при судопроизводстве судебными чиновниками должны были принять меры к привлечению виновных к ответственности, и возбуждалось дисциплинарное производство. Дисциплинарное производство относительно судебных чиновников возбуждалось органами судебных властей или же предложением министра юстиции [\[5, с.34\]](#). Жалобы и протесты обывателей подавались на имя председателя окружного суда для рассмотрения на общем собрании окружного суда. Дела дисциплинарные слушались при закрытых дверях, за исключением случая, когда обвиняемый просил рассмотреть его дело на публичном заседании. Обвиняемый вправе нанимать для защиты людей из числа присяжных поверенных [\[5, с.38–39\]](#).

21 апреля 1914 г. на общем собрании окружного суда рассмотрели жалобу ветеринарного врача Колымского округа Г.Я. Костромитинова на мирового судью В.С. Лебедева. Мировой судья В.С. Лебедев 20 июля 1913 г. на судебном заседании во время разбора дела выгнал Г.Я. Костромитинова из своей камеры с криком «Вон!» Г.Я. Костромитинов просил привлечь В.С. Лебедева за нанесение ему оскорблений к законной ответственности [\[12, л.4\]](#). Так, 20 июля 1913 г. во время разбирательства дела Г.Я. Костромитинова по обвинению по 121 и 128 ст. Уложения о наказаниях (укус собаки) не явился потерпевший, несмотря на настаивание о вызове его Г.Я. Костромитиновым, — тем самым обвиняемый был лишен «средства к защите». Мировой судья согласился на просьбу Г.Я. Костромитинова рассмотреть дело в его отсутствии, но отказал в просьбе занести ходатайство в протокол. После повторной просьбы мировой судья В.С. Лебедев удалил Г.Я. Костромитинова со словами: «Вон, вон, казаки, уведите его вон» [\[13, л.6\]](#). Также в своей жалобе Г.Я. Костромитинов обвинял мирового судью В.С. Лебедева в членстве в местном кружке, во главе которого стоял окружной исправник Колымского округа Л.Р. Сабуров, и в участии в азартных играх [\[13, л.2\]](#). В объяснении от 17 февраля 1911 г. мировой судья В.С. Лебедев не отрицал, что удалял из заседания суда Г.Я. Костромитинова ввиду его «крайне вызывающего и некорректного поведения», но отрицал все обвинения ветеринарного врача, называя их «голыми обвинениями» и «нечистоплотными инсинуациями» против него и окружного исправника Л.Р. Сабурова [\[13, л.15–16 об.\]](#). 21 апреля 1914 г. Якутский окружной суд передал дело по жалобе об оскорблении Г.Я. Костромитинова мировым судьей в Соединенное присутствие первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената, а остальные обвинения и жалобы оставили без внимания [\[12, л.4\]](#). В декабре 1914 г. Правительствующий Сенат, рассмотрев дело, поручил Якутскому окружному суду провести расследование, отправив в Среднеколымск одного из своих членов суда. Якутский окружной суд постановил, что в июле 1915 г. члены суда не смогут выехать в Среднеколымск в связи с тем, что председатель окружного суда находится в отпуске, двое членов окружного суда находятся на выездной сессии по Вилюйскому и Олекминскому округам, а третий член суда заведует окружным судом до весны 1915 г., когда наступит распутица ввиду таяния льдов и снега до 1 июля [\[12, л.10\]](#). Однако 20 ноября 1915 г., в связи со смертью одного из членов окружного суда А.Е. Соколова, выезд члена суда Д.И. Меликова был отложен до декабря 1915 г. Но и тогда командировка была отложена ввиду ежедневных судебных заседаний и было решено

выехать в течение первого полугодия 1916 г. [\[12, л.6\]](#). Однако мы не располагаем дальнейшими сведениями о ходе данного дела.

Таким образом, жалобы на деятельность мировых судей играли большую роль в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в рассматриваемый период как канал связи между обществом и судебной властью, которая регулировалась Судебными уставами 1864 г. Жалобы на затягивание судопроизводства и на отказ в принятии исков мировыми судьями направлялись просителями в адрес Якутского окружного суда. Так, обращения обвиняемых, ответчиков в судебную власть выступали как коммуникативный канал, по которому осуществлялась обратная связь, по которому Якутский окружной суд мог осуществлять надзор за деятельностью мировых судей. Якутский окружной суд рассматривал поступающие жалобы на мировых судей независимо от тяжести преступления обвиняемого. При подаче жалобы безграмотные обыватели могли вместо своей подписи поставить печать или за себя могли просить расписаться другого грамотного обывателя. Судебные жалобы на замедление судопроизводства, на отказ в принятии мировым судьей исковых просьб и по дисциплинарному производству подавались в окружной суд. Апелляционные жалобы подавались на имя мирового судьи, который рассматривал дело, в свою очередь, судья давал ход движению жалобы вместе со своим объяснением в течение семи дней со времени подачи ее на общее собрание Якутского окружного суда. При рассмотрении апелляционных жалоб окружной суд мог вызвать и взять показания свидетелей. В окружном суде дела по частным и апелляционным жалобам рассматривались в публичном заседании, а дела дисциплинарного производства — на закрытом заседании, где окружной суд, ознакомившись с письменными жалобами обывателей, с объяснениями мировых судей и с судебными делами, на которых подавалась жалоба, приходил к тому или иному выводу.

Библиография

1. Архипова А.И. К вопросу о введении института мировых судей в Якутской области (конец XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1 (2). С. 112–117.
2. Григорович А. Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири, с изложением основных правил Сибирского общего Учреждения и Положения об инородцах и тех узаконений, на которые сделаны ссылки в статьях Временных правил: руководство для отправляющихся на службу в Сибирь по судебному ведомству. – М., Тип. Н.И. Пастухова, 1897. 170 с.
3. Кривокора Е.И. Коммуникативное пространство как стратегический интегрирующий механизм организационной системы // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 7. С. 14-19.
4. Курас Т.Л. Иркутский окружной суд (1897-1918 гг.): общая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2 (29). С. 91-97.
5. Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. — Б. м. [1864]. С. 1-165.
6. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. — Б. м. [1864]. С. 1-163.
7. Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. — Б. м. [1864]. С. 1-65.
8. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)) Ф. Ф-192. Оп. 11. Д. 113.
9. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 5. Д. 132.

10. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 5. Д. 142.
11. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 11. Д. 166.
12. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 5. Д. 292.
13. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 5. Д. 293.
14. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 10. Д. 1223.
15. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 10. Д. 1563.
16. НА РС (Я) Ф. И-192. Оп. 2. Д. 2369.
17. Федоров В.И., Боякова С.И. Общественно-политическая ситуация и национально-демократическое движение // История Якутии: в 3 т. Т. III. Новосибирск: Наука, 2021. С. 39–52.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Дореволюционные историки неслучайно делили российскую историю на дореформенную и пореформенную. Действительно, реформы Александра II, Царя-Освободителя, вызвали глубокие перемены в российском обществе, создав условия для бурного развития капиталистических отношений. В то же время из серии Великих реформ 1860-х гг безусловно самой удачной может считаться судебная реформа, по итогам которой судебная система стала отвечать требованиям нового типа общественных отношений. Впрочем, как и во многих других случаях, ее нельзя считать полностью совершенной, а ее изучение позволяет минимизировать недостатки действующей российской судебной системы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются судебные жалобы на деятельность мировых судий Якутской области в конце XIX — начале XX вв. Автор ставит своими задачами проанализировать жалобы на деятельность мировых судий Якутской области, а также показать их рассмотрение в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор предпринимает «специальное изучение судебных жалоб на деятельность мировых судей в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 17 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как опубликованными документами (судебные уставы), так и документами из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия). Из привлекаемых исследований отметим труды А.И. Архиповой и Т.Л. Курас, в центре внимания которых различные аспекты изучения судебной системы Сибири второй половины XIX - начала XX века. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей российского государства и права, в целом, так и институтом мировых судей, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «институт жалоб — традиционный канал коммуникативной связи между властью и обществом». В работе показано, что «Якутский окружной суд рассматривал поступающие жалобы на мировых судей независимо от тяжести преступления обвиняемого». Примечательно, что «при подаче жалобы безграмотные обыватели могли вместо своей подписи поставить печать или за себя могли просить расписаться другого грамотного обывателя». Автор отмечает, что «в окружном суде дела по частным и апелляционным жалобам рассматривались в публичном заседании, а дела дисциплинарного производства — на закрытом заседании». Статья насыщена фактологическим материалом, в большинстве случаев привлекаемом из архивных фондов.

Главным выводом статьи является то, что «жалобы на деятельность мировых судей играли большую роль в коммуникативном пространстве Якутского окружного суда в рассматриваемый период как канал связи между обществом и судебной властью, которая регулировалась Судебными уставами 1864 г.»

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Усатюк Д.В. — Основы и факторы развёртывания в США в 1913-1917 гг. военно-морского строительства // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.43895 EDN: YHTBYH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43895

Основы и факторы развёртывания в США в 1913-1917 гг. военно-морского строительства

Усатюк Дмитрий Валерьевич

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

655017, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 92/1, оф. 310

 sibdims@yandex.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.43895

EDN:

YHTBYH

Дата направления статьи в редакцию:

24-08-2023

Аннотация: В статье исследуется обоснование и практическое содержание мер по увеличению военно-морского флота США в 1913-1917 гг. Главное внимание сосредоточено на идейных и организационных основах стратегии американского руководства в отношении роли военно-морской мощи как фактора обеспечения национальных интересов. Оформление и реализация стратегии рассматриваются в контексте реакции администрации президента В. Вильсона на ход и характер блокового противостояния в Европе, на развитие международной ситуации в период нейтралитета США в первой мировой войне. Исследование основано на применении принципов историзма и научной объективности. Теоретико-методологическую основу исследования составил системный подход. На основе комплексного изучения законодательных актов, статистических данных, официальных отчетных документов и источников личного происхождения, наряду с материалами известных исторических исследований, обозначена совокупность факторов, обусловивших в 1913-1917 гг. развёртывания военно-морского строительства, определены и оценены содержание и масштаб мероприятий по увеличению военно-морского флота США. В итоге делается вывод, что к моменту вступления Соединённых Штатов в войну против Германии была определена

роль военно-морского флота в обеспечении реализации внешнеполитических задач, но не достигнуты цели количественного и качественного состояния ВМФ США для реального участия в разрешении конфликта.

Ключевые слова:

нейтралитет США, первая мировая война, Вудро Вильсон, внешняя политика США, военно-морской флот, военная готовность, англо-американские отношения, международные отношения, военно-морское строительство, оборонная политика

Первая мировая война стала одним из важных этапов истории Соединённых Штатов Америки, когда они сделали серьёзнейшую попытку занять ведущее положение в глобальной политике, опираясь на значительно возросшие экономические возможности и сформировав мощный военный потенциал.

В начале XX в. США обладали небольшой сухопутной армией и относительно немногочисленным и требующим модернизации флотом, что существенно ограничивало их внешнеполитические возможности, делая Соединенные Штаты региональной державой. В этих условиях перед Соединенными Штатами задача удержания новых территорий, обретённых в результате экспансии на рубеже веков, и достигнутых политических и экономических позиций в Западном полушарии, обеспечения американских интересов в других частях мира, что требовало значительных усилий и ресурсов. Поэтому считалось, что взаимодействие с Британией могло бы помочь Соединённым Штатам защитить их владения и интересы за границей [\[7, р. 74\]](#).

Развитие событий в Европе, связанное с обострением блокового противостояния, также многое определяло для США. Американская позиция по отношению к Европе во многом ещё рассматривалась сквозь призму «особых отношений» с Великобританией, что вело к сближению позиций двух стран по многим международным проблемам, несмотря на наличие противоречий между ними. Хотя у США не было официального договора с Великобританией, по-видимому, ещё сохранялось восприятие определённой позитивной роли британского флота для развития Соединённых Штатов – как сдерживающего фактора против планов возможных военно-морских операций германского флота в Северной Америке в начале века.

После вступления в обязанности президента США В. Вильсона (4 марта 1913 г.), его администрация стала корректировать внешнюю политику, ориентируясь на достижение паритета с Великобританией во всех сферах международных отношений и на формирование основы для усиления своего влияния как в отдельных регионах мира, так и в глобальном масштабе.

Если в экономическом плане США уже заметно превосходили Великобританию, то в плане возможностей, британские позиции, в отличие от американских, ещё опирались на военно-морскую гегемонию и доминирование в сфере морской торговли. Морская стратегия Соединённых Штатов, формировавшаяся администрацией Вильсона передвойной, хотя и предполагала ослабление английского военно-морского превосходства по отношению к американскому флоту, но английский флот, при этом не рассматривался в качестве угрозы для США или для американских интересов.

Серьёзные опасения в Соединенных Штатах вызывала военная активность Германии, которая, опередив Великобританию по уровню промышленного развития и занимая по

этому показателю второе место после США, решила бросить вызов морскому владычеству Великобритании. Определённая тревога была связана и с усилением позиций Японии на Тихом океане в результате

С приходом в Белый дом президента В. Вильсона военно-морское строительство активизировалось с учётом нового взгляда на внешнюю политику, предполагавшего усиление внимания к процессам в Европе, правда, пока ещё в рамках оборонительной концепции.

В Вашингтоне с известным опасением следили за строительством и германского и английского флота, и, не желая изменения соотношения сил за счёт ослабления позиций своего собственного флота, перед войной высказывались за ограничение гонки морских вооружений. Однако, демонстрируя поддержку английского предложения, предусматривавшего приостановление наращивания военно-морских вооружений – принятие Великобританией и Германией моратория на строительство новых кораблей, («морские каникулы»), Соединенные Штаты сами продолжали наращивать ВМФ поскольку стремились к военно-морскому паритету с Германией (для отражения потенциальной германской агрессии в Западном полушарии) и решающему превосходству над Японией, ощущая слабость своего военно-морского флота и стратегических позиций на Тихом океане (особенно с учётом отвода основных сил Великобритании к метрополии).

Сумма расходов на строительство судов американского военно-морского флота в 1914 г., предусмотренная законом об ассигнованиях на военно-морскую службу 1913 г., выросла по отношению к средствам выделенным на 1913 г. более чем на 70% [\[4, P.94\]](#). В 1914 г. по сравнению с 1912 г. численность линкоров изменилась с 30 до 34 единиц, крейсеров – с 25 до 28 единиц, существенно увеличилась численность эсминцев – с 36 до 50 единиц и ещё большее увеличение произошло по численности подводных лодок – с 17 до 36 единиц [\[18\]](#).

Столь значительное повышение финансирования военно-морского строительства, осуществлённое в 1913 г., было сопряжено не только с количественным увеличением флота, но и с планами его развития с учётом основных тенденций в военно-морской сфере. В рамках реализации этих планов с 1914 г. начала проводится военно-техническая модернизация флота через строительство судов, отвечавших современным требованиям [\[4, p. 93\]](#).

Переход в 1914 г. блокового противостояния в Европе в военную fazu потребовал от руководства США выработки стратегии действий с учётом национальных интересов и развития ситуации в ходе первой мировой войны.

4 августа 1914 г. Соединённые Штаты заявили о нейтралитете. Однако масштаб европейского конфликта сделал для США, как державы претендующей на значительное место в мировой системе, невозможной и нежелательной полную отстранённость от него. При этом администрации Вильсона необходимо было учитывать отсутствие решающего инструмента влияния на ход и исход конфликта – мощных вооружённых сил. Оценка войны в целом, позиций и действий сторон конфликта, а также сам ход войны обусловили эволюцию внешней политики президента В. Вильсона. Правда, на начальном этапе войны доминирующие общественно-политические настроения сдерживали эту эволюцию и, соответственно, изменение военной политики.

В 1915 г. в рамках увеличенной на 15% по сравнению с предыдущим годом суммы

расходов на строительство судов флота, предусмотренных законом об ассигнованиях на военно-морскую службу от 1914 г., было запланировано строительство 3 линкоров, 6 миноносцев, 16 (или более) подводных лодок [4, р. 94].

Хотя американский нейтралитет уже с середины 1915 г. по своей сути был «благожелательным» по отношению к Великобритании, США стремились сохранить позиции в торгово-экономическом соперничестве с Великобританией, препятствуя захвату ею контроля над морскими торговыми коммуникациями и ограничениям, налагаемым на американскую торговлю с Европой. США оценивали блокадные ограничительные действия Великобритании не только как военную необходимость, но и как продолжение борьбы за экономические позиции и доли мирового рынка, но уже с использованием военного фактора. Поэтому, у Вильсона и его администрации наряду с обеспокоенностью перспективой победы Германии существовало и опасение сокрушительной победы Великобритании и её союзников, потому, что в результате подобного исхода войны Англия и союзные ей страны стали бы располагать громадной военной мощью и экономическим потенциалом всей Европы, что неизбежно сказалось бы на послевоенном урегулировании. Отражая данные опасения, советник президента Э. Хауз отмечал, что британская «военно-морская машина ныне пришла в стремительное движение, и... если война протянется ещё шесть месяцев, то у Англии будет флот, превосходящий все остальные флоты мира, вместе взятые. Нам, американцам, следует над этим призадуматься...» [1, с. 152].

Однако вскоре англо-американские противоречия были отодвинуты на второй план событиями 7 мая 1915 г., когда немецкая подводная лодка потопила английский океанский пароход «Лузитания» и при этом погибло 128 американцев. Для администрации Вильсона стал очевидным отказ от попыток восстановления довоенного статус-кво на основе компромисса между Англией и Германией и переход к более существенному вовлечению в европейский конфликт. Уже 9 мая Э. Хауз в телеграмме Вильсону заявил: «Мы больше не можем оставаться нейтральными наблюдателями» [1, с.193].

17-18 мая 1915 г. президент Вильсон и министр военно-морского флота Дж. Дэниелс провели в Нью-Йоркской гавани смотр Атлантического флота США, который насчитывал 64 корабля (включая 16 линкоров), сгруппированные после многомесячных тренировок и стрельб по мишениям [4, р. 13].

В рамках сохранявшейся оборонительной стратегии развития военно-морского флота, Законом об ассигнованиях на военно-морскую службу от 1915 г., было запланировано строительство в 1916 г. 2 линкоров, 6 миноносцев, 2 океанских подводных лодок (судна нового типа – водоизмещением более 1000 тонн), 16 подводных лодок береговой обороны и 1 судна-танкера (для перевозки нефтепродуктов) [4, р. 94].

На фоне этого в Соединённых Штатах в 1915 г. произошло расширение и активизация общественно-политической кампании «военной готовности», направленной на усиление военной мощи страны. Среди сторонников движения выделялись такие авторитетные деятели как сенатор Г. Лодж, экс-президент Т. Рузвельт, генерал Л. Вуд, считавшие недостаточными меры, принимаемые администрацией Вильсона для развития флота. Они выступали за немедленное создание сильных военно-морских и сухопутных сил для оборонительных целей против угрозы «германского милитаризма», а в дальнейшем стали обозначать и необходимость участия США в решении исхода войны [6, р. 46; 14, р. 67-68].

Вильсону первоначально пришлось сопротивляться требованиям движения «готовности» о значительном увеличении вооруженных сил и усилении военно-морского флота, потому что в Демократической партии была мощная оппозиция идеям этого движения, возглавляемая госсекретарём У. Дж. Брайаном (занимал должность до 9 июня 1915 г.) и поддерживаемая рядом видных политиков. Демократы, имевшие полный контроль над Конгрессом 63-го созыва пытались даже сократить военный бюджет. В движении «готовности» демократы увидели предвыборную подоплётку – в части активности потенциальных кандидатов на президентские выборы от республиканцев (Т. Рузвельта и Л. Вуда).

Тем не менее, с середины 1915г. стал обозначаться поворот правительства США в сторону кампании «военной готовности», что явилось реакцией на изменение военной ситуации в Европе как вследствие активизации германской подводной войны так и, в определённой степени, вследствие разногласий во взаимоотношениях с Англией.

Президент Вильсон отмечал, что считает устаревшим положение о том, что «лишь одна нация должна господствовать на море» и убеждён, что «каждая боеспособная нация должна стремиться к тому, чтобы стать владычицей морей» [\[9, р. 367\]](#). Поэтому он поручил министру военно-морского флота Дж. Дэниелсу выработать «разумную и отвечавшую всем требованиям морскую программу для предъявления её Конгрессу» [\[9, р. 326\]](#). На этой основе в октябре 1915г. по запросу Дж. Дэниелса в Генеральном Совете ВМС началась разработка программы военно-морского строительства с прицелом на будущее американское морское могущество.

Подключение правительства США к развернувшейся в стране кампании «военной готовности», направленной на значительное увеличение вооруженных сил и усиление военно-морского флота, диктовалось желанием обеспечить надёжную обороноспособность Соединённых Штатов в условиях существования германской угрозы и предоставить стране весомый аргумент в дискуссиях с Англией, как по двусторонним проблемам, так и по вопросу европейского урегулирования.

Поэтому, идея создания «флота, не уступающего никакому другому», возникшая, наряду с другими факторами, вследствие англо-американского соперничества по проблеме «свободы морей», обрела, помимо официально обозначенной антигерманской, и определённую антианглийскую направленность – на обеспечение возможностей принуждения её к учёту позиции и интересов США. На фоне полномасштабной ориентации американского капитала на торговлю с Англией и её союзниками, приносившей громадные прибыли, британское «самоуправство» воспринималось как свидетельство устремлений Великобритании в экономической сфере и определённая демонстрация её положения и роли в мировой экономике и торговле. Как отметил американский исследователь Ч. Сэймур, «союзническое хозяйствование на море задевало не столько наш карман, сколько нашу гордость» [\[15, р. 8\]](#).

Правительственная программа усиления военно-морской мощи США была подписана президентом 15 октября 1915 г. Она предусматривала расходование на строительство флота почти 502,5 млн. долларов в течение пяти лет. На данные ассигнования планировалось построить 10 линкоров (дредноутов), 6 линейных крейсеров, 10 крейсеров-разведчиков, 50 эсминцев и 100 (15 подводных лодок флота (океанских) и 85 береговых – для прибрежного использования) [\[4, р. 5\]](#).

7 декабря 1915 г. в своём ежегодном послании Конгрессу, кардинально отличавшемся

от пацифистского послания 1914 г., президент, обозначив планы обеспечения национальной обороны, по сути, положил начало официальному признанию «военной готовности». Представляя Конгрессу правительенную программу строительства военно-морского флота, Вильсон охарактеризовал её как «необходимые первые шаги» не только для того, чтобы обеспечить свою независимость от внешней агрессии, но и «быть подготовленными к тому, чтобы играть великую роль в мире, и особенно в этом полу cầuии...» [\[3, р. IX-XXIV\]](#).

Параллельно с текущим строительством флота осуществлялось и его организационное развитие – в 1915 г. была учреждена должность начальника военно-морских операций» (начальника штаба военно-морских сил), отвечавшего за «функционирование флота и его готовность к войне» – составление планов использования флота в войне и обеспечение готовности их реализации, создан резерв ВМС США и Военно-морской консультативный совет (ориентированный на привлечение ведущих ученых и инженеров и промышленников к развитию флота). Разрабатывался план мероприятий по масштабному расширению основных верфей ВМФ, их модернизации для увеличения флота и внедрения новейших технологий.

С начала 1916 г. не смотря, что в рамках разворачивающейся предвыборной кампании Вильсон выступал за сохранение нейтралитета и его лозунг был – «Он уберёг нас от войны», президент уже открыто озвучивал идею создания мощного военно-морского флота, способного решать значительные боевые задачи [\[10, р. 17\]](#).

При этом, поскольку обсуждение в Конгрессе правительенного законопроекта о развитии флота сопровождалось серьёзной дискуссией, заявлялось, что он был направлен не на подготовку Соединенных Штатов к вступлению в эту войну, а скорее на то, чтобы гарантировать безопасность Соединенных Штатов в ухудшающейся обстановке в мире.

На этой основе проводилось и совершенствование управления действующим флотом. После обострения отношений с Германией из-за атаки германской подводной лодки на пассажирский пароход «Сассэкс», военно-морским руководством были сделаны приготовления к мобилизации флота. 27 апреля 1916 г. начальник военно-морских операций адмирал У. Бенсон направил командному составу флота меморандум с подробным описанием шагов, которые следовало предпринять при получении приказа о мобилизации, в мае была проведена проверка системы оперативной связи военно-морского командования с кораблями флота [\[10, р. 9-10\]](#).

29 августа 1916 г. Конгресс принял закон об ассигнованиях на развитие военно-морского флота на основе предложенной правительством программы, сократив срок её реализации с пяти до трёх лет и оставив объёмы строительства практически на том же уровне.

Трехлетняя программа определяла финансирование строительства 157 судов – 144 военных корабля с лучшими тактико-техническими характеристиками: десять линкоров первого класса (дредноутного типа), шесть тяжёлых (бронированных) линейных крейсеров – более крупных и быстроходных, чем все существовавшие на тот момент, десять крейсеров-разведчиков, пятьдесят эсминцев, девять подводных лодок флота (океанских), пятьдесят восемь береговых подводных лодок (прибрежной обороны) и одну типа Neff (оснащенную системой подводной тяги Neff), а также 13 вспомогательных и обеспечивающих судов [\[17, р. 616-617\]](#).

Приоритет линкоров и линейных крейсеров выдавал наступательный характер программы перевооружения флота, и был прямым вызовом Англии. Министр военно-морского флота Дж. Дэниелс, характеризуя принятую Конгрессом программу, отмечал, что её реализация «сделает военно-морской флот США сильнее английского» [\[9, р. 376\]](#). Вильсон, оценивая текущую международную ситуацию и проблемы взаимоотношений с Англией, заметил ещё конкретнее: «Давайте построим флот сильнее, чем у Англии и будем делать, что захотим» [\[2, р. 241\]](#).

Для начала форсированного увеличения численности военно-морского флота из общей суммы расходов трёхлетней программы на 1917 финансовый год было выделено более 139 млн. долларов, что в 3 раза превышало расходы предыдущего года и стало самой большой суммой, когда-либо выделявшейся на военно-морские цели в мирное время. Для реализации программы выделялись средства на обеспечение функционирования и развитие верфей и иной необходимой ВМС инфраструктуры, на создание системы обеспечения флота необходимым снаряжением, боеприпасами и т.д. Закон предусматривал создание военно-морского летного корпуса в составе 150 офицеров и 350 военнослужащих срочной службы, развитие морской авиации.

Общее финансирование ВМС на 1917 финансовый год превысило 312,6 млн. долларов, что более чем в два раза превзошло общие расходы 1916 финансового года [\[5, р. 92-93\]](#). С учётом масштабов увеличения флота значительно увеличивался и его штатный военный состав – до более чем 100 000 человек чрезвычайной (мобилизационной) численности. Военно-морской резерв, созданный в 1915 г., был преобразован в военно-морские резервные силы неограниченной численности [\[10, р. 13\]](#).

В рамках ассигнований на строительство судов военно-морского флота в 1917 г., предусмотренных Законом от 29 августа 1916 г., была запланирована постройка 66 судов из перечня трехлетней программы – 4 линкоров, 4 линейных крейсеров, 4 крейсеров-разведчиков, 20 эсминцев, 31 подводной лодки и 4 вспомогательных и обеспечивающих судов [\[4, р. 93\]](#).

Как отмечал министр военно-морского флота Дж. Дэниелс: «до конца 1916 г. мы приступили к реализации крупнейшей кораблестроительной программы, когда-либо осуществлявшейся каким-либо военно-морским флотом...» [\[10, р. 13\]](#). В течении 1916 г. в строй вступили 4 новых линкора, 4 эсминца 7 подводных лодок. К концу 1916 г. американский военно-морской флот имел в своём составе 36 линкоров, 30 крейсеров, 61 эсминец и 44 подводные лодки [\[18\]](#).

Таким образом, в 1916 г. произошёл переход кампании «военной готовности» в разряд вопросов государственной важности, начал законодательно оформляться отход США от традиционной политики в области национальной безопасности. По сути, США начали целенаправленно готовиться к вероятному участию в войне и к послевоенному урегулированию. В этом обозначился поворот к корреляции миротворческих проектов и военных усилий, особенно с учётом планов формирования нового миропорядка.

3 февраля 1917 г. было заявлено о разрыве Соединёнными Штатами дипломатических отношений с Германией. США перешли к состоянию «вооружённого нейтралитета».

6 апреля Конгресс США большинством голосов поддержал требование президента и объявил войну Германии. Военно-морской флот был переведён на военное положение, береговая охрана США автоматически стала частью военно-морского министерства.

Однако, 6 апреля непосредственные военные действия между США и Германией не начались, а у военного руководства США отсутствовал проработанный военный план и, как следствие, глава военно-морского штаба адмирал В.С.Бенсон, определял задачу американского флота рамками патрулирования Атлантического океана вблизи американского побережья и наблюдением за Японией, которая являлась теперь союзником США по антигерманской коалиции [16, р. 388]. Не смотря на то, что стратегические цели и задачи ко времени вступления США в войну уже в значительной степени были определены политическим руководством страны, американские военно-морские силы были сосредоточены на обеспечении непосредственной безопасности страны.

По мнению американских исследователей Дж. Гринвилла и Дж. Йонга, с 1914 г. по февраль 1917 г. Генеральный совет ВМС готовился не к возможному участию в текущей войне, а к войне, которая могла последовать за ней (т.е. к возможной войне с победителем в Европе) [11, р. 326].

Американские военные планы до апреля 1917 г. не предусматривали объединение усилий с Англией и её союзниками на море, поскольку, на политическом уровне сдерживающим обстоятельством было очень серьёзное восприятие президентом Вильсоном разногласий с Англией относительно конечных целей войны и условий мира. Также президент считал необходимым избежать серьёзных потерь в армии и на флоте, поскольку вооружённые силы рассматривались им в качестве важного фактора влияния на послевоенное мирное урегулирование в направлении, отвечающем интересам США.

На апрель 1917г. в составе американского военно-морского флота имелось 361 судно: двенадцать линейных кораблей первой линии, двадцать пять линейных кораблей второй линии, девять броненосных крейсеров, двадцать четыре других крейсера, семь мониторов, пятьдесят эсминцев, шестнадцать береговых торпедных кораблей, семнадцать торпедных катеров, сорок четыре подводные лодки, восемь тендеров для торпедных катеров, двадцать восемь канонерских лодок, четыре транспорта, четыре судна снабжения, одно госпитальное судно, двадцать одно судно с горючим, четырнадцать переоборудованных яхт, сорок девять буксиров и двадцать восемь мелких судов [13, р. 484].

Однако, несмотря на масштабную программу военно-морского строительства, принятую в 1916 г., американский военно-морской флот ни технически, ни кадрово, ни организационно, ни тактически не был подготовлен к непосредственному участию в войне – программа ускоренного и многопланового развития флота только начала реализовываться, а руководство флота не смогло в полной мере оценить реалии происходившего военного противостояния и характер участия в нём американского флота. Во время послевоенных слушаний в Сенате адмирал У. Симс подверг критике готовность американского военно-морского флота к войне, обвинив в этом лично министра военно-морского флота Дж. Дэниелса [8, р. 364]. По оценке У. Симса, «в апреле 1917 г. только десять процентов военных кораблей ВМС были полностью укомплектованы; на остальных не хватало 43% моряков. Только треть кораблей была полностью готова. Легких противолодочных кораблей было немного, как будто никто не замечал фактора подводных лодок, который был в центре внимания внешней политики в течение двух лет» [12, р. 479-481].

Обстоятельства и характер развития военной ситуации привели американское руководство после вступления США в войну к необходимости тесного военно-морского

взаимодействия с союзниками, сделав важнейшими задачами американского флота противодействие германским подводным лодкам и сопровождение транспортных конвоев. Это повлекло приостановку выполнения программы развития военно-морского флота, принятой в 1916 г., в части строительства линкоров, которые были символом морской мощи, и сосредоточение усилий на ускоренном строительстве эсминцев, противоминных судов (тральщиков), подводных лодок, патрульных судов.

Обозначая основы стратегии американского руководства в отношении роли военно-морской мощи, как фактора обеспечения национальных интересов в контексте глобальных задач внешней политики, необходимо, прежде всего, отметить совпавшие с приходом к власти администрации В.Вильсона серьёзные изменения международной обстановки, которые открывали новые возможности и перспективы для деятельности Соединённых Штатов на международной арене. Поскольку руководство США всё более уверенно определяло себе роль одного из архитекторов и столпов новой системы международных отношений, Соединенным Штатам необходимо было иметь надёжную основу для проведения желаемой политики и, прежде всего, в отношении Великобритании, явившейся важным элементом для построения этой новой системы. В данном контексте всё большее значение стало придаваться именно наличию «мощной американской военной силы». Руководство США считало необходимым с помощью модернизации и развития флота продемонстрировать возможности Соединённых Штатов для реализации и отстаивания своих интересов на межгосударственном и международном уровне.

Следствием этого стало официальное признание кампании «военной готовности», формально направленной на усиление военной мощи страны для обеспечения обороны против угрозы «германского милитаризма», но, по сути, ориентированной на активное участие США в решении исхода войны. Мероприятия по увеличению военно-морского флота сопровождали трансформацию американского нейтралитета и отход от него к участию в войне. Масштаб морского строительства не опирался на конкретные планы применения военно-морского флота, но был нацелен на отстаивание интересов США в условиях войны и послевоенного урегулирования. Важным фактором динамики развития флота стал высокий экономический потенциал Соединенных Штатов, позволивший направить значительные ресурсы не только на строительство кораблей, но и на развитие инфраструктуры флота. Однако строительство флота, предполагавшее и развитие, модернизацию материально-технической базы судостроения, осложнялось отсутствием в США государственного военно-промышленного комплекса, который работал бы на нужды армии и флота на некоммерческой основе. Необходимая при увеличении и развитии флота перестройка организационной структуры и управления ВМФ, также требовала времени на отладку процессов. В итоге, к моменту вступления Соединённых Штатов в войну против Германии в 1917г. была определена роль военно-морского флота в реализации внешнеполитических задач, но не достигнуты цели количественного и качественного состояния ВМФ США для реального влияния на разрешение конфликта.

Библиография

1. Архив полковника Хауза. Под ред. Ч. Сэймура. / Пер с англ. М., 1937-1944. 4 т. Т. 1. М., 1937.
2. Архив полковника Хауза. Под ред. Ч. Сэймура. / Пер с англ. М., 1937-1944. 4 т. Т. 2. М., 1937.
3. Papers relating to the foreign relations of the United States, with the address of the president to Congress December 7, 1915. Washington: Government Printing Office.

1924.

4. Annual Reports of the Navy Department for the Fiscal Year 1915. Washington: U.S. Government Printing Office, 1916.
5. Annual Reports of the Navy Department for the Fiscal Year 1916. Washington: Government Printing Office, 1917.
6. Baker N.D. America at war. / Ed by F. Palmer, vol.1: 1914-1917. New York: Dodd-Med. C°, 1931.
7. Combs J.A. American Diplomatic History: Two centuries of changing interpretations. Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1986.
8. Craig Lee A. Josephus Daniels: His Life and Times. Chapel Hill: UNC Press Books, 2013.
9. Daniels J. The Wilson Era. Years of War and after. 1917-1923. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1946.
10. Daniels J. Our navy at war. Washington, D.C.: Pictorial Bureau. 1922.
11. Grenville J.A., Yong G.B. Politics, strategy and American diplomacy. Studies in Foreign Policy 1873-1917. New Haven & London: YaleUniv. Press, 1966.
12. Love R. W. History of the U.S. Navy: Volume 1 (1775-1941). Mechanicsburg, Pennsylvania: Stackpole Books, 1992.
13. March F. A. History of the World War: An Authentic Narrative of the World's Greatest War. Philadelphia, Chicago, Toronto: The United States Publishers of the United States and Canada. 1919.
14. Schulzinger R.D. American Diplomacy in the 20th century. N.Y.: OxfordUniv. Press, 1994.
15. Seymour Ch. American Neutrality. 1914-1917. Essays on the Causes of American Intervention in the World War. New Haven: YaleUniv. Press, 1935.
16. The Growth of the American Republic / S.Morison, H.Commager, W.Lenchtenburg. Vol.2. N.Y. Oxford Univ. Press, 1980.
17. The Statutes at Large of the United States of America, from December, 1915, to March, 1917, Concurrent Resolutions of the Two Houses of Congress, and Recent Treaties, Conventions, and Executive Proclamations. Washington: Government Printing Office. 1917. Vol. XXXIX, Part 1.
18. US Ship Force Levels. 1886-present / The Naval History and Heritage Command (NHHC). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html> (дата обращения 09.05.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Основы и факторы развёртывания в США в 1913-1917 гг. военно-морского строительства».

Предмет исследования обозначен автором в названии статьи и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах научности, историзма и

объективности. В работе использованы традиционные методы исторического исследования: комплексный (учет условий факторов развертывания в США военно-морского строительства в 1913-1917 гг.), и всей совокупности факторов влиявших на политику США в тот период, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, социально-исторический методы.

Актуальность исследования определяется тем, что «первая мировая война стала одним из важных этапов истории Соединённых Штатов Америки, когда они сделали серьёзнейшую попытку занять ведущее положение в глобальной политике, опираясь на значительно возросшие экономические возможности и сформировав мощный военный потенциал», но США в тот период обладало немногочисленным флотом и события в Европе и начавшаяся первая мировая война поставила перед США задачу усиления своей военно-морской мощи. Изучение причин и факторов строительства военно-морского флота США, отношения несомненно представляет значительный интерес. Этот вопрос важен и с точки зрения взаимоотношений США с Великобританией и Германией, а также выявления причин изменения ее маринисткой политики и вступлением в войну против Германии. Актуальность темы не вызывает сомнений.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна определяется также тем, что в фактически это первая работа, в которой изучается факторы развертывания в США военно-морского строительства в 1913-1917 гг.

Стиль статьи научный, с элементами описательности. Структура работы логично выстроена, в начале статьи автор разъясняет состояние флота США и затем дает характеристику взаимоотношений между США и Великобританией и показывает американскую позицию по отношению к Европе в целом, которая «во многом ещё рассматривалась сквозь призму «особых отношений» США с Великобританией, что вело к сближению позиций двух стран по многим международным проблемам, несмотря на наличие противоречий между ними». Изменение ситуации на международной арене, противоречия между странами Европы и необходимость для США обеспечения национальных интересов, в том числе для удержания новых территорий, приобретенных в результате внешней экспансии США в конце XIX -начале XX века, актуализировала проблему военно-морского флота. В статье показано и отношения США и Германии, причины объявления США войны Германии. В статье дается четкий и всесторонний анализ политики США в преддверии и в годы первой мировой войны. Автор показывает, что приход к власти администрации В. Вильсона привело США к переходу от оборонительной концепции к позиционированию себя как одного «из архитекторов новой и столпов новой системы международных отношений, Соединенным Штатам необходимо было иметь надёжную основу для проведения желаемой политики и, прежде всего, в отношении Великобритании, явившейся важным элементом для построения этой новой системы. В данном контексте всё большее значение стало придаваться именно наличию «мощной американской военной силы». Руководство США считало необходимым с помощью модернизации и развития флота продемонстрировать возможности Соединённых Штатов для реализации и отстаивания своих интересов на межгосударственном и международном уровне».

Содержание статьи логично и последовательно выстроено.

Библиография статьи состоит из 18 источников по теме исследования и показывают, что автор хорошо знает тему исследования.

Апелляция к оппонентам проведена на уровне собранного материала и проведенного анализа. Апелляция к оппонентам также представлена в библиографии к статье.

Статья будет интересна специалистам, имеет признаки научной новизны, посвящена актуальной теме.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Михайлов А.М. — Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.38833 EDN: ZXEQEP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38833

Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли

Михайлов Антон Михайлович

кандидат юридических наук

доцент, кафедра теории государства и права Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

117279, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Профсоюзная, 93, кв. 59

✉ antonmikhailov@hotmail.com

[Статья из рубрики "История политических и правовых учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.38833

EDN:

ZXEQEP

Дата направления статьи в редакцию:

24-09-2022

Аннотация: Предметом исследования является английская конституционно-правовая доктрина верховенства права, взятая в исторической эволюции ее понимания ведущими авторитетными юристами и мыслителями начиная с Г. де Брактона и заканчивая А.В. Дайси и современными британскими государствоведами. В статье представлены как позитивистские, так и непозитивистские трактовки исследуемой доктрины. Особое внимание в работе уделяется классической интерпретации доктрины верховенства права в труде А.В. Дайси "Введение в изучение конституционного права" (1885): раскрываются основные значения концепции и представлены критические замечания, изложенные в британской правовой мысли XX столетия. Статья завершается кратким изложением современного понимания доктрины верховенства права в конституционно-правовой литературе. Новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые в российском правоведении раскрываются историческая реконструкция становления и развития идей, составляющих содержание доктрины верховенства права. Особое внимание удалено вкладу в развитие данной правовой доктрины со стороны таких правоведов как Дж. Фортескью, Э. Кук, С. Рутерфорд, Дж. Локк, А.В. Дайси. Помимо этого, внимание удалено различию трактовок исследуемой концепции со стороны

юристов позитивистского и непозитивистских направлений правопонимания. Критическое осмысление учения А.В. Дайси о верховенстве права и современные трактовки концепции впервые представлены в российской юридической литературе.

Ключевые слова:

верховенство права, английская юриспруденция, юридический позитивизм, история правовых учений, дискреционная власть, А В Дайси, правопорядок, суверенитет парламента, равенство перед законом, законность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

Выступая фундаментом неписаной Конституции Великобритании доктрина верховенства права сформировалась не одномоментно, а постепенно, естественно-исторически, выражая актуальные политические и правовые процессы различных периодов английской истории. В отличие от многих доктрин континентально-европейского правоведения, созданных в эпоху Нового времени, рассматриваемая концепция длительное время не представляла собой слаженной, внутренне непротиворечивой системы принципов, являясь, скорее, определенным комплексом идей, объединенных целью ограничения верховной власти монарха правом. Сложно утверждать, что доктрина верховенства права изначально имела под собой разработанную философскую или религиозную основу. Напротив, как и многие иные концепции английского права, она отличалась по большей части стихийным характером формирования, тесной связью с юридической и политической практикой, не создавалась целенаправленно по логически выверенному плану. Поэтому осуществление исторической реконструкции становления и развития основных идей данной доктрины представляется методологически корректным подходом к пониманию ее значения в правовой системе и характерных черт, неразрывно связанных с английской политико-правовой культурой.

Учитывая эволюционный характер развития английского права, его традиционализм, выражающийся и в преемственности, и в высокой способности адаптации политico-правовых идей прошлого к новым реалиям, уместно отметить, что полноценное понимание доктрины верховенства права невозможно без изучения ее генезиса – процесса становления и развития. Разумеется, данный процесс отразил на себе многие особенности общественной практики в Англии, политические, экономические и культурные условия, которые во многом обусловливали ее содержание на том или ином историческом этапе эволюции. Поэтому невозможно спорить с тем, что данный процесс нуждается в комплексном историческом исследовании. Вместе с тем и прослеживание генетических связей ведущих политico-правовых идей данной доктрины само по себе способствует лучшему уяснению ее общих и особенных черт в сравнении с континентально-европейскими философско-правовыми и политico-правовыми концепциями, хотя и не способно заменить собой историко-правовое исследование.

При этом нельзя не отметить, что ключевые политico-правовые идеи способны обладать определенной автономией от социально-экономической структуры общества, особенностей истории его политической системы, организации религиозных институтов. Поэтому, на наш взгляд, предмет истории политических и правовых учений имеет право на относительную самостоятельность и специфику эволюции.

Хотя в законченном виде учение о верховенстве (господстве) права оформилось в английской политико-правовой доктрине только в 80-х гг. XIX столетия, тем не менее, целый ряд его идей имеет длинную родословную, уходит своими корнями в период становления единого для Англии общего права. Так, уже в средневековую эпоху в Англии стал утверждаться принцип законного правления монарха. На протяжении XII–XIII столетий «при каждой очередной коронации издавалась «хартия вольностей», представляющая собой вынужденный «общественный договор», в котором монарх обещал соблюдать старинные обычаи и вольности народа» [1: 100].

1. Исторические вехи развития доктрины верховенства права. Идейные истоки доктрины верховенства права в английской правовой мысли обычно находят в трактате Генри де Брактона «О законах и обычаях Англии» (≈1254 – 1256 гг.), в котором сказано, что долг короля – подчиняться праву, король находится «под богом и законом», и не король «делает» закон, а закон «делает» короля [2: 44]. «Если король будет править без узды, – то есть не считаться с законом, то они (графы, бароны – А.М.) должны обуздить его» [3: 154]. Не без оснований О. фон Гирке указывал, что «средневековая доктрина... никогда не отказывалась от мысли, что право по своему происхождению равноценно государству и не зависит от государства для своего существования» [4: 95]. Аналогичным образом, Г. Берман указывал на то, что с XII в. во всех странах Запада, даже при абсолютных монархиях, широко высказывалась и часто принималась мысль о том, что в некоторых важных аспектах право переступает границы политики. Говорится, что монарх может творить закон, но он не может творить его произвольно, и до тех пор, пока он не переделает его, законным же образом, он связан им» [5: 26-27].

Господство религиозного типа сознания в средневековой культуре закономерно предполагает представление о действии высшего универсального неписаного закона, которому должны соответствовать законы человеческие (Ф. Аквинский [6: 338], Бальд [7: 21]). Поэтому власть монарха не могла восприниматься как абсолютно ничем не ограниченная, легитимная *ipsofacto*, способная осуществляться совершенно произвольно: как обыденное, так и профессиональное правосознание того исторического времени было по своему типу не эстатистским, а естественно-правовым (признание существования «нерукотворного», всеобщего и неизменного закона, действующего независимо от воли и сознания людей, выступающего мерилом справедливости законов политических).

Так, в «Сумме теологии» Фома Аквинский основываясь на позиции Аврелия Августина указывал, что справедливость является мерилом закона: «то, что не справедливо, не является законом». Справедливость же в делах человеческих – есть правильное с точки зрения разумности. Первым же критерием разумности является закон естественный. Соответственно, положительный человеческий закон является законом настолько, насколько он происходит от естественного закона. Поэтому если первый отклоняется от естественного закона, то представляет собой лишь извращение закона [6: 338]. Человеческий положительный закон, по Аквинату, выводится дедуктивно из общих начал естественного закона или путем конкретизации его принципов [6: 339]. Справедливость закона в понимании Фомы Аквинского сочетает как естественно-правовые требования (цель справедливого закона – общее благо, а ответственность ради общего блага возлагается на подданных в равной пропорции), так и формально-юридические: закон должен быть установлен в рамках компетенции законодателя [6: 351].

Несмотря на последовательную естественно-правовую позицию Аквината на то, что закон есть воплощение справедливости и разумности, вопрос о связности монарха

положительным законом решается теологом в пользу приоритета суверенной власти над позитивным правом. Со ссылкой на Свод Юстиниана Фома Аквинский утверждал, что суверен свободен от закона, не подчиняется ему, «поскольку нет никого, кто мог бы осудить его, если он будет действовать вопреки закону», – и Псалтирь (50.6.) гласит, что «нет человека, который мог бы судить деяния царя» [6: 355]. В этой позиции вполне можно усматривать истоки позиции классического юридического позитивизма по вопросу о возможности связать суверена законом (Т. Гоббс, Дж. Остин, У. Маркби, Г.Ф. Шершеневич, и др.). Признавая то, что закон не связывает принудительно монарха, схоласт утверждал, что последний подчиняется направляющей силе закона добровольно, руководствуясь принципом «какой закон установлен им для другого, таким он должен пользоваться и сам». Данный принцип теолог подкрепляет ссылкой на Евангелие от Матфея (Мф. 23, 3–4), где Иисус обличает фарисеев: «...они говорят и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» [6: 355].

Широкий объем королевской прерогативы никогда не отрицался средневековыми юристами, но при этом выставлялось требование, что монарх может совершать определенные действия лишь определенным образом [8: 61]. Так, известный английский юрист с 1442 по 1461 гг. занимавший высокий пост главного судьи верховного Суда Королевской Скамьи Дж. Фортескью писал в главе IX трактата «Похвала законам Англии» (≈1468 – 1470 гг.): «Король Англии не может по своему произволу изменять законы своего королевства... Совсем по-другому должен (поступать) король, управляющий своим народом политически (*politice*), потому что он не может изменять законы без согласия своих подданных... Король не может по своей воле управлять народом, как тиран; а это возможно только в том случае, если королевская власть ограничена политическим законом» [3: 292–293]. В главе XVIII своего труда Фортескью специально подчеркивал, что «статуты Англии... основываются не только на воле государя, но и на согласии всего королевства, так что они не наносят ущерб народу и не пренебрегают его выгодами» [3: 296].

Любопытно отметить, что в главе XXIV своего труда Фортескью прямо указывает, что максима римского права «То, что угодно принцепсу – имеет силу закона» («*Quod Principi placuit, legi habet vigorem*») не признается законами Англии. В Англии государь «господствует над своим народом не только как король (*regaliter*), но и политически (*politice*), в знак чего во время коронации он принимает присягу в том, что будет соблюдать эти законы» [3: 297]. Фортескью полагал, что в отличие от других королей английские монархи не обладают абсолютной властью, в силу данной присяги не могут по своему произволу и желанию менять законы, подвергать подданных наказаниям, устанавливать налоги и решать судебные дела. Именно поэтому, по мнению Фортескью, английским монархам не нравилось собственное право [9: 43].

Идея Фортескью об ограниченности власти монарха законом, не являлась исключительно кабинетным изобретением, а была широко распространена в правосознании юристов и английской интеллектуальной элиты. Так, через 170 лет после Фортескью судья Королевской Скамьи сэр Роберт Беркли в одном из судебных решений 1638 г. утверждал: «Хотя король Англии обладает монархической властью и имеет привилегию высшего достоинства и облечён абсолютным доверием к своей короне и персоне для управления своими подданными, однако его правление должно осуществляться сообразно законам королевства» [10: 116; 11: 21].

Задолго до классика британского государствоизделия Дайси общее право Англии

Фортесью признает краеугольным камнем английской свободы, а судей и присяжных заседателей называет стражами общего права, лучшим оплотом свободы нации [12: 31]. В числе причин формирования институтов общего права лишь в Англии Фортесью называет равенство всех сословий (рыцарей, оруженосцев, вольных общинников, кнекхтов) перед законом [12: 31].

В юридической литературе неоднократно указывалось на необъективность, неприкрытую тенденциозность позиции Фортесью, его стремление доказать превосходство английского права перед римским, формы правления в Англии перед французской политической и правовой системами [13: 78]. Разумеется, идеи Фортесью о функционировании в Англии сословной монархии, отождествление формы правления во Франции с тиранией являлись крайне субъективными, а описание судебной системы Англии, общего права и института присяжных представляло собой идеализацию политического порядка того исторического времени [3: 287-292]. Иными словами, идеи, высказанные Фортесью, нельзя рассматривать как беспристрастное описание достижений правовой системы Англии середины XV столетия. Вместе с тем нельзя не признать, что данные идеи в определенной мере выражали ценностный строй правосознания значимой части интеллектуальной элиты Англии, те правовые идеалы, на которые ориентировались в том числе и английские юристы.

В полном согласии с представлениями Фортесью об общем праве Великая хартия вольностей (1215 г.) воспринималась многими английскими юристами как «возобновление прежней саксонской свободы». Аналогичным образом, считалось, что Петиция прав (1628 г.) лишь подтвердила и восстановила те права, которые к тому времени действовали по меньшей мере три столетия, а Акт об устройении (1701 г.) признал «английское право при рожденным каждому англичанину» (*«that the law of England are the birthright of the people thereof»*) [12: 32]. Поэтому допустимо утверждать, что восприятие *common law* как формы выражения прав и свобод английских подданных сформировалось отнюдь не в 1688 г. при принятии Билля о правах, а несколькими веками ранее, а к концу XVII – XVIII вв. стало традиционным воззрением не только юридического сообщества, но и значимой части английского народа. Средневековые английские юристы под правом, которое призвано определять основу жизнедеятельности общества, понимали не столько позитивный закон, выражающий волю правителя, сколько «право отцов, традиции, гарантированное, унаследованное, органическое, обеспеченное право, которое священно, потому что оно существует испокон веков, происходя из опыта крови» [14: 382].

История английского права показывает, что идеи правового закрепления государственного строя (*Magna Charta Libertatum*), единой для всего государства законности (Дж. Фортесью), верховенства общих (безличных) законов (Г. Брактон) не только были известны общественно-политической мысли до эпохи Нового времени (XVI-XVII вв.), но и в определенной мере были закреплены в английских хартиях, статутах и авторитетных трудах юристов XIII – XV вв.

Важной составляющей доктрины верховенства права является принцип независимости судов от королевской власти. Уже в Нортхэмptonском статуте (1328 г.) было установлено, что никакое королевское распоряжение не может повлиять на ход правосудия. В дальнейшем это позволило английским судьям игнорировать приказы короля, направленные на вмешательство в судебный процесс [15: 37-38]. В 1607 г. авторитетнейший английский судья Э. Кук в «деле о запрещениях» отказал правящему монарху Якову I в правомочии лично осуществлять правосудие, поскольку судебные дела «должны решаться не естественным разумом, а искусственным разумом и

суждением тех, кто сведущ в законе, а закон есть искусство, требующее долгой учебы и практики» [16: 218]. Определяя право как искусственный разум (*«artificial reason»*) [\[17\]](#), Кука подчеркивал, что оно не составляет присущую любому человеку врожденную способность, но «логику принятия решений, комплекс знаний и умение их применять» [18: 92]. Именно в первой половине XVII столетия благодаря идеям Э. Кука в английском профессиональном правосознании закрепляется принцип, гласящий, что судьи является не слугами короля, а слугами права. Данный принцип свидетельствует о том, что право рассматривается как всеобщий стандарт поведения, независимый от политики регулятора, действие которого обеспечивается судами.

Благодаря Э. Куку в английском профессиональном правосознании формируется представление о различии права (общего права) и закона (статутного законодательства) и о необходимости правового качества закона. Так, в решении по делу доктора Томаса Бонхэма (*Thomas Bonham*), рассмотренном в 1610 году, Э. Кука заявил: «Наши книги показывают, что во многих судебных делах Common Law превалирует над Актами Парламента и иногда заставляет признать их недействительными: так как в случае, когда Акт Парламента противоречит выраженному в Common Law субъективному праву и разуму, или несовместим с ними, или его невозможно исполнить, Common Law проконтролирует этот вопрос и признает такой Акт недействительным» [19: 275; 11: 23]. Можно видеть, что в понимании Кука общее право – есть объективный (естественно-правовой) стандарт для оценки не только качества, но и действительности писаного статутного права. В 1614 г. современник Кука лорд Хобарт утверждал, что «даже акт парламента, противоречащий естественной справедливости, например, обязывающий лицо быть судьей в своем собственном деле, сам по себе ничтожен, поскольку права природы неизменны, они – законы законов» [20: 37]. По своей сути, высказанная Куком идея – есть «прообраз» судебного нормоконтроля, впоследствии ставший правовой реальностью благодаря деятельности Верховного суда США. От идей Кука ведет свою родословную доктрина судебного надзора (*judicial review*), конституционные принципы, согласно которым именно судьи выступают конечными арбитрами по вопросу конституционности того или иного правового акта и являются независимыми от иных ветвей государственной власти [\[21\]](#).

Значимый вклад в развитие концепции верховенства права внес шотландский пресвитерианский пастор С. Рутерфорд (*Samuel Rutherford*). В своем труде «Lex, rex, или закон и государь» (1644 г.) он последовательно защищал верховенство закона, проводил принцип «закон является королем» (*the law is king*). Признание абсолютной власти монарха, не связанный никаким законом, является, по мнению Рутерфорда, идолопоклонством, поскольку сообщает грешному человеку то, что принадлежит только Богу [22: 246]. Король не может стоять выше закона, он является стражем и хранителем закона, слугой народа, доверившего ему свои безопасность и свободу [\[23\]](#). На основе текста Библии шотландский теолог доказывал, что король, как и любой человек, обязан справедливо соблюдать свою конституционную клятву; соглашение между государством и его подданными должно рассматриваться как обоюдно обязывающее [22: 159]. Отрицая божественное право королей, Рутерфорд утверждал, что ни на одного человека Бог не ставит печать монарха, оставляя этот вопрос народу. За несколько десятилетий до Дж. Локка в русле теории общественного договора Рутерфорд в начале своего трактата заявлял: «Против природы, чтобы мы уступили нашу свободу королю, или любому правителю» [22: 45]. Шотландский теолог последовательно определял власть монарха как ограниченную законом, в связи с чем признается одним из основоположников британского и американского конституционализма.

Окончательным периодом позитивно-правового закрепления ключевых принципов доктрины верховенства права в Англии следует считать XVII столетие. Противостояние между монархами и парламентом Англии привело к отказу от божественного права королей и к союзу между юристами общего права и парламентом. Отмена в 1640 г. печально известного своей чрезвычайностью и противозаконностью суда Звездной палаты (особого тайного суда при королевском совете) гарантировала, что общее право применяется как к публичным, так и к частным правоотношениям [4: 95]. В первом манифесте «*Agreement of the People*», опубликованном в октябре 1647 г., содержалось требование «чтобы во всех уже принятых или будущих законах каждый человек был бы ограничиваем одинаково, так чтобы ни должность, ни собственность, ни репутация, ни происхождение или служба не давали бы исключения из обычного порядка действий, обязательного для остальных» [24: 392; 25: 147-148]. Тем самым за 240 лет до классической интерпретации А.В. Дайси левеллеры требовали равного правового статуса для всех подданных, стремились исключить юридические иммунитеты, следующие из происхождения или служебного положения.

Билль о правах 1689 г. подтвердил все старые законы о правах Парламента, личной неприкосновенности английских подданных и указал, что монархия подчиняется закону [26: 548]. Это не только заставило королевскую власть управлять через парламент («вестминстерская модель» демократии), но также установило право подданных оспаривать незаконное вмешательство в отношении их жизни, свободы и имущества [27: 78]. Билль о правах внес неоценимый вклад в конституционное закрепление доктрины верховенства (господства) права в Англии тем, что признавал незаконным приостановление действия и исполнения статутов Парламента монархом, изъятие кого-либо из-под действия статутов повелением главы государства, устанавливал обязательность регулярного созыва Парламента. Через 12 лет Акт об устроении (1701 г.) ограничил возможность монарха отстранять судей от должности, установив необходимость получения для этой цели представления обеих палат Парламента. Помимо этого, монарх был лишен прерогативы помилования своих министров, осужденных Парламентом в порядке импичмента [1: 104]. Более того, Актом об устроении было установлено правило контрассигнатуры, согласно которому акты главы государства должны скрепляться подписью ответственных за их исполнение министров. Тем самым в сферу деятельности главы государства и исполнительной власти вносились принципы, направленные на исключение произвольной и юридически безответственной власти.

Значительную роль в становлении учения о верховенстве права сыграла декларативная доктрина общего права М. Хейла и У. Блэкстона, которая исходила из объективного характера общего права и рассматривала судей не как правотворцев, а как «хранителей и живых оракулов права», способных благодаря своему разуму открывать его положения и провозглашать их в зале суда [28: 44-50; 29: 296]. Так, Хейл считал, что решения судей, даже обладая большим весом и авторитетом, не создают, а лишь провозглашают право, являясь доказательством его существования [30: 45]. По утверждению Блэкстона, судьи «не уполномочены провозглашать новое право, но поддерживать и разъяснять старое» [31: 69]. Вплоть до середины XX столетия многие английские юристы рассматривали общее право не как результат судебного правотворчества, а как объективно существующее, рационально раскрываемое благодаря профессиональному «искусственному разуму» судей право, не зависящее ни от субъективных суждений юристов, ни от публичной власти парламента. Данное представление на протяжении нескольких столетий выступало «аксиомой» профессионального правосознания английских юристов, обеспечивало практически неограниченную власть и автономию судей, поскольку успешно скрывало судебное

правотворчество, позволяло сравнительно легко исправлять ошибки предшествующей практики и защищало прецедентное право от неизбежной критики его ретроспективности, непоследовательности, бессистемности и необозримости. Деклараторная доктрина общего права в значительной мере обеспечивала независимость общего права Англии от государства, формировала *неэстатистский* тип правопонимания, который сочетал в себе естественно-правовые и традиционалистские черты, укоренял в общественном правосознании идею об объективном, независимом от публичной власти характере права.

Одним из фундаментальных положений, без которого невозможно представить концепцию верховенства права, является принцип ограниченности государственной власти правом. Английский философ и правовед Д. Локк внес значимый вклад в концептуализацию указанной идеи и ее укоренение в сознании интеллектуальной элиты Европы. В классическом труде «Два трактата о правлении» (1689 г.) он строго разграничил политическую (государственную) власть от власти деспотической. Политическая власть государства не может отождествляться ни с отцовской властью над детьми, ни с деспотической властью господ над своими рабами, поскольку она представляет собой право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и все менее строгие наказания с целью сохранения собственности – триады естественных прав индивида на жизнь, свободу и имущество. Политическая власть применяет силу общества для исполнения установленных законов и для защиты государства от нападения извне для достижения общественного блага [32: 263]. Иными словами, государственная власть в политико-правовом учении Локка не имеет самодовлеющего и абсолютного характера, а учреждается, устанавливает и исполняет законы исключительно для защиты собственности – триады естественных прав человека. Таким образом, природа политической власти в учении английского мыслителя носит целевой и подзаконный характер. Подчинение государственной власти правовой процедуре, функционирование в рамках закона для обеспечения триады естественных прав строго противопоставляет ее произвольной власти деспота и частной власти отца семейства. Иными словами, Локк стремится утвердить представление о государственной власти как имеющей не силовую, а правовую природу, что является одной из фундаментальных идей доктрины верховенства права.

В тесной связи с таким пониманием природы политической власти в учении Локка находится организация человеческого общежития в целом. В одной из своих ранних работ «Опыты о законах природы» (1664 г.) он проводил мысль, что жизнь людей невозможна без нормативного основания – даже догосударственное естественное состояние не есть гоббсовский хаос всеобщего своеволия и борьбы силою («война всех против всех»), а упорядоченное естественным законом положение. Этот закон природы носит правовой характер, поскольку является проявлением высшей воли Бога, предписывает стандарты должного поведения и «содержит в себе все, что формирует обязательство» [32: 5]. Поскольку перед творцом все люди равны, постольку закон природы требует «не наносить ущерб жизни, свободе или собственности другого» [32: 265], т.е. обеспечивает действие триады естественных прав. При этом английский мыслитель считал, что хотя закон природы не опубликован, тем не менее, каждый способен познать его при помощи «светоча природы» – правильного использования природных способностей в отношении к миру [32: 10, 14]. Принципиально важно и то, что – в полном соответствии с установками античного и средневекового юснатурализма (Аристотель, Августин, Аквинат, и др.) – в учении Локка «законы гражданского правителя заимствуют всю свою силу из обязательства, налагаемого естественным законом» [32: 40]. Поэтому в основании как естественного, так и политического

(гражданского) состояния лежит универсальная и вечная нормативность, которую государственная власть призвана сделать определенной, постоянной и всеобщей в позитивных законах, реализуемой через механизм исполнительной власти и защищаемой квалифицированными и беспристрастными судьями [32: 335].

Другой важной идеей, прямо связанной с концепций верховенства права, является идея о том, что целью объединения людей в государство на основе общественного договора является сохранение их собственности – жизни, свободы и имущества. Законодательная, исполнительная и судебная власть создаются для защиты триады естественных прав. Права на жизнь, свободу и имущество, что английский мыслитель именует собственностью, не передаются государству по общественному договору; напротив, само государство создается для их защиты с помощью позитивного законодательства, органов исполнительной власти и беспристрастного правосудия [32: 335]. Тем самым в политико-правовом учении Локка государственная власть носит служебный по отношению к личности и обществу характер.

В основании государственной власти, согласно учению Локка, лежит принцип согласия. Последнее «является началом всякого политического сообщества и фактически его составляет», и только согласие большинства общества дает «начало любому законному правлению в мире» [32: 318]. Именно поэтому государственная власть не является некой самостоятельной сущностью, а носит производный и доверительный характер – только согласие большинства общества легитимирует государственную власть. Это дает основание полагать, что сама государственная власть является участником общественного договора и стоит на одном уровне с личностью: как государство вправе требовать от населения соблюдения позитивных законов, законных требований исполнителей закона и судебных решений, так и индивиды вправе восстать против государственной власти, которая нарушает общественный договор, функционирует помимо и против закона (узурпация, тирания). В предреволюционной политической ситуации, когда происходит распад всей системы правления, высшие должностные лица пренебрегают своими обязанностями и у граждан нет возможности обратиться в суд [32: 382], народ вновь возвращается в естественное состояние, суверенная власть автоматически возвращается к народу, который вправе «действовать в качестве верховной власти и продолжать являться законодательным органом, либо создать новую форму законодательной власти, либо, сохранив старую форму, передать эту власть в новые руки, как сочтет лучшим» [32: 405]. Поэтому допустимо утверждать, что Локк последовательно раскрыл такой фундаментальный принцип устойчивого правового порядка как взаимная ответственность народа (индивидуов) и государства.

Можно видеть, что в учении Локка содержатся ключевые идеи концепции народного суверенитета (народ – первоисточник публичной власти и прирожденный носитель суверенитета, власть государства производна от власти народа, обязана выражать его волю, действовать для защиты его прав), из которой логически следует право народа контролировать деятельность законодательного органа, изменять его состав и структуру в рамках как институтов непосредственной, так и представительной демократии. Общественный договор выступает как правовое основание, дающее возможность народу в случае фундаментальных нарушений обязательств действующей государственной властью вернуть себе суверенные полномочия, заключить новый общественный договор, изменить существующую форму правления.

Рассматривая вопрос об объеме законодательной власти, Локк формулирует фундаментальный ее предел – требование общего характера законов и их равного действия в отношении всех подданных. Во второй части своего труда мыслитель

указывал, что законодательная власть должна управлять обществом посредством опубликованных установленных законов, которые не должны меняться в каждом отдельном случае в угоду ситуации, «должен существовать один закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и для крестьянина за плугом» [32: 346]. Причем основания данного предела Локк видел в божественном и естественном законах. По мнению Ф.А. Хайека, требование общего характера законов и их равного действия в отношении подданных приобрело в XVIII столетии господствующий характер в британском общественном мнении, а впоследствии стало источником представлений Ш.-Л. Монтескье об английской конституции [25: 148].

Следует признать, что утвердить идею господства права в социальной практике и актуализировать данную идею в общественном правосознании гораздо легче, если право воспринимается как объективный стандарт, не производный от воли суверенной политической власти. Поэтому естественно-правовые идеи Э. Кука, М. Хейла, У. Блэкстона, Д. Локка, поддержанные значительной частью юридического сообщества в Англии XVII – XVIII столетий, сделали немало для укрепления и актуализации доктрины *Rule of Law*. Вместе с тем не только идеи юснатурализма могут быть положены в основу неэстатистского правопонимания как необходимого условия формирования рассматриваемой доктрины, но и идеи традиционалистского правосознания, отождествляющего право с неотъемлемой от истории, уходящей в глубокое прошлое традицией, идеи теократического мировоззрения, в рамках которого право видится как нерушимый божественный закон, безусловно стоящий выше воли любого правителя. Все эти направления правопонимания объединяет вера в высший, объективный характер права, его безусловную способность выступать обязательным стандартом для всех адресатов, включая действующую политическую власть.

Современный этап эволюции доктрины верховенства права в Англии начался в последней четверти XIX столетия – времени, когда британский парламент монополизировал законотворческую деятельность, считая себя абсолютным сувереном, когда полным потоком шел процесс консолидации английского статутного права и распространения его влияния в системе источников права, а «императивная концепция права» Дж. Остина была широко реципирована английской юриспруденцией [33: 52]; ее влияние на английскую правовую мысль было настолько далеко идущим, что ни один «студент англо-саксонского мира», желающий серьезно разобраться в предмете юриспруденции, не мог позволить себе не ознакомиться с курсом лекций Остина «Определение области юриспруденции» [34: xi]. Завершение концептуализации доктрины верховенства права в английской юридической литературе происходит в то время, когда многие юристы, вслед за И. Бентамом и Дж. Остином, строго ограничивали предметную область юриспруденции изучением позитивного права, отрицали существование или практическое значение естественного права, посвящали себя анализу основных юридических понятий, составляющих фундамент позитивного права. Данные процессы не могли не сказаться на понимании доктрины верховенства права в английской правовой мысли: речь идет уже не о господстве умозрительно понимаемых принципов закона природы, а о праве позитивном, волеустановленном, формирующем единый правопорядок в территориальных пределах независимого политического общества.

Если право считать результатом волеизъявления государственной власти, то для построения концепции верховенства права не остается иной альтернативы, кроме признания возможности самообязывания правом носителем суверенной власти. Концепция добровольного самоограничения государственной власти правом сначала

была выдвинута в произведении «Цель в праве» (1877 г.) Р. фон Йерингом, утверждавшим, что в полном значении слова право есть «двусторонне обязательная сила закона, подчинение государственной власти ею самою издаваемым нормам» [35: 306]. Немецкий юрист считал, что эволюция права проходит три ступени: от казуального индивидуального повеления через общую, абстрактную, но лишь односторонне обязательную лишь для подвластных норму к связывающей и государственную власть двусторонне обязательной норме [35: 295-320]. В основании самообязывания правом лежит разумно понятый государственной властью собственный интерес в прочности общественного порядка, экономическом и нравственном развитии народа [35: 320-321].

Впоследствии идея самообязывания государственной власти получила развернутое изложение в труде «Общее учение о государстве» (1900 г.) Г. Еллинека, который указывал, что «в акте правосозидания, каким бы путем ни возникло это право, государство принимает на себя по отношению к подданным обязанность применять и осуществлять это право» [36: 361]. В другом месте своего труда немецкий государствовед писал: «Издавая закон, государство юридически связывает его нормами не только индивидов, но и свою собственную деятельность. Законом оно обязывает и тех лиц, которые служат его органами, сообразовать их волю с велениями закона. Но так как воля органа есть воля государства, то государство, обязывая свои органы, связывает само себя... Эта связанность имеет не этический, а правовой характер» [36: 460]. Еллинек признавал то, что в любой ассоциации основы правовых отношений могут быть созданы «единственно только в форме одностороннего волеизъявления» [36: 361]. Фундаментом и гарантией обязательной силы такого одностороннего волеизъявления в отношении самого государства выступает культурное состояние народа, господствующее правовое воззрение, т.е. общественное правосознание [36: 362-365].

История английского права, демонстрирующая постепенное формирование и укоренение в общественном правосознании представления о том, что власть монарха ограничена правом, ясно свидетельствует о том, что подчинение верховной власти действующему праву не является добровольным самоограничением. За режим законности деятельности государственной власти различные слои английского общества боролись не одно столетие, выражали свои требования в хартиях вольностей, которые монархи были вынуждены принимать и в той или иной мере соблюдать. Поэтому добровольность самоограничения публичной власти выражала юридическое мировоззрение XVIII-XIX столетий, но едва ли соответствовала историческому процессу становления и развития национальных правовых систем Западной Европы. Имея некоторые представления об истории западного права сложно всерьез утверждать, что носители верховной государственной власти добровольно инициируют процесс самоограничения правом своей власти; многие поколения должны были вести борьбу за подобное «самоограничение». Вполне обоснованно в марксизме проводилась мысль о том, что никаких естественных, «данных» природой прав человека не существует, каждое такое право, представляющее фундамент правового статуса личности, не было добровольно «октроировано» публичной властью, но, напротив, признавалось в результате долгой, упорной и подчас кровавой борьбы: «права человека – не дар природы, они также не получены нами от прошлой истории как наследие – они куплены ценой борьбы против случайностей рождения и против привилегий, доныне передававшихся историей из поколение в поколение» [37: 398]. Иными словами, процесс самообязывания правом государственной власти носит не добровольный характер, а представляет собой вынужденный «ответ» на консолидированную позицию гражданского общества, без деятельного стремления защитить свои права которого публичная политическая власть никогда не признает обязательность каких-либо ограничений ее полномочий.

При этом сама концепция самоограничения верховной власти устанавливаемым ею позитивным правом, предложенная Р. Йерингом и Г. Еллинеком, могла быть сформирована исключительно в рамках позитивистского типа правопонимания. Рассматриваемое представление основывается на том, что над государственной властью не может существовать никакого «высшего» права (божественного, естественного, разумного, нравственного, правильного, и т.п.), а границы властовования задаются самой волей публичной инстанции. Иными словами, признавая в качестве первоисточника самоограничения «добрую волю» суверенной власти, представители данной концепции утверждают, что любые ограничения исходят не от народа, его обычаяв и нравов, не от «внепозитивных» источников (*jus naturale*, *l'esprit de lois*, *der objektive Geist*, *der Volksgeist*, *Unterbau*, и т.п.), а лишь от суверенной власти, что соответствует одному из базовых полаганий «классического» юридического позитивизма, неизменно сводившего право к атрибуту независимого политического общества, состоящего из суверена и подданных. Причем не принципиально, как в дальнейшем обосновывается указанное самоограничение государственной власти (в русле социального прагматизма (Йеринг [35: 360-361]), или юридической конструкцией государства как ассоциации (Еллинек [36: 361])), поскольку утверждается, что в правовых отношениях между государством и обществом не существует ничего, кроме волевых актов суверенной власти. Однако очевидно, что реализация подобных правовых отношений, объективно не способная к обеспечению механизмом принуждения, не может быть логически согласована с базовыми положениями «командной теории права» Дж. Остина и его многочисленных последователей (У. Маркби, Ш. Амос, Т.Э. Холланд, и др.).

2. Доктрина верховенства права в классической интерпретации А.В. Дайси и ее критика. В завершенном виде учение о верховенстве (господстве) права было сформулировано классиком английского государствоведения А.В. Дайси в 1885 г. в его труде «Введение в изучение конституционного права». Дайси определял господство права как основной принцип английской конституции и раскрывал его содержание через три основных значения.

Во-первых, верховенство права означает преобладание права как противоположности произвола, включающего в себя прерогативу и широкую дискреционную власть правительства [38: 227]. Тем самым верховенство права утверждает верховенство закона, исключительно на основании которого осуществляется государственное управление и привлечение лиц к юридической ответственности. Данное значение верховенства права считается наиболее ранним и обычно связывается со ст. 39 и 40 Великой хартии вольностей (1215), в которых указывается, что меры государственного принуждения должны иметь под собой законную основу и применяться на основе судебного решения (ст. 39), а монарх не вправе продавать право и справедливость, произвольно отказывать в них (ст. 40) [3: 136]. Для обеспечения режима законности деятельности должностных лиц ст. 45 Хартии предусматривала назначение в качестве судей, констеблей, шерифов и бейлифов лишь лиц, знающих и желающих добросовестно исполнять закон [3: 137].

Для английских правоведов на протяжении нескольких столетий (начиная с Э. Кука в начале XVII в. и заканчивая А.В. Дайси в конце XIX в.) было характерно понимать право не как сумму официально установленных законов (нормативных актов), а как стихийно сформировавшийся порядок отношений, основанный на традиционных вольностях подданных, обычаях, уходящих корнями в англосаксонский период, судебных precedентах как формах, выражавших объективно существующее общее право. В основании выражаемого и защищаемого доктриной *Rule of Law* правопорядка лежат

координационные социальные связи, эволюционный, преемственный характер развития общества, традиционализм профессионального юридического сознания. На наш взгляд, британское понимание правопорядка как объективно существующего, эволюционно развивающегося в значительной степени обусловлено многовековой прецедентной практикой, начало которой положил в середине XIII столетия Г. Брактон, рекомендовавший английским судьям при наличии похожего случая в прошлом разрешать настоящее дело одинаковым образом по принципу «подобное к подобному» [39: 5]. Английское восприятие правопорядка стоит гораздо ближе к правопониманию исторической школы юристов в Германии и некоторым течениям социологической юриспруденции, нежели к властно организованному, «вертикальному», основанному на субординационных связях, правопорядку в понимании статутного юридического позитивизма. Разумеется, нельзя утверждать, что в классической интерпретации верховенства права закон исключался из источников правопорядка, отождествлялся с «голым произволом» авторитарного правителя. Однако закон в узком специально-юридическом значении термина воспринимался многими поколениями английских юристов лишь как один из компонентов такого правопорядка; компонент, который вносит большую определенность, обеспечивает всеобщность правопорядка, но при этом не выступает его первичной основой, скорее являясь закреплением и формализацией уже действующего в стране общего права. Еще в XVIII столетии английские юристы единодушно полагали, что «право не относится к тому, что может быть сотворено людьми. Право просто есть и, следовательно, статуты, принимаемые Парламентом, – это не что иное, как поправки к уже существующему порядку вещей» [40: 62]. Понимание права как объективно действующего, стихийно образующегося и изменяющегося правопорядка, не порожденного властным установлением суверена, в гораздо большей степени характерно для феодальной эпохи, нежели для периода Нового времени с его идеями суверенитета и рационального конструирования правовой системы. Поэтому многие идеи доктрины верховенства права были известны английскому правосознанию еще до XVII столетия, когда в политической борьбе окончательно победил Парламент и в правовом регулировании стало усиливаться значение статутного права.

Во-вторых, верховенство права – в классической интерпретации А.В. Дайси – означает равенство всех субъектов перед законом, «общим правом страны», применяемым «обыкновенными судами». Ключевая идея данного значения верховенства права состоит в том, что каждое субъективное право должно обеспечиваться судебной защитой и всякое нарушение субъективного права – независимо от правового статуса правонарушителя – должно быть способно получить независимую судебную оценку, юридическую квалификацию в соответствии с единым для всех правом [42: 603]. Данное положение «исключает мысль о каком-либо освобождении должностных лиц или кого бы то ни было от обязанности повиноваться закону, которому подчиняются другие граждане, или от ответственности перед обычными судами» [38: 227].

Принцип верховенства права требует, чтобы полномочия должностных лиц определялись законом и чтобы дела о злоупотреблении властью или совершении иных неправомерных деяний государственных чиновников рассматривались судами в том же порядке, в каком рассматриваются дела « рядовых » граждан. Так, например, в деле *Entick v. Carrington* (1765) суд признал незаконным приказ об обыске, выданный Государственным секретарем, и восстановил нарушенное право истца на неприкосновенность жилища. Лорд Кадмен в своем решении заявил, что любое проникновение в частные владения является правонарушением (*trespass*), если на это нет согласия хозяина или строго установленного законом разрешения. В деле *Att.-Gen v. Wilts United Dairies* (1922) действия правительства по установлению нового налога, исходя из делегированных

Парламентом полномочий, были признаны судом незаконными, за пределами полномочий (*ultra vires*). Суд определил, что ни Закон об оброке (1914), ни один из актов делегированного законодательства, на основании которого действовали представители правительства, ни прямо, ни косвенно не давали им права устанавливать дополнительные налоги [43: 402]. Согласно доктрине верховенства права считается, что ссылка должностного лица на исполнение повеления короны или приказа вышестоящего чиновника не может служить защитой при преследовании за совершение преступления или иного неправомерного деяния [8: 67]. По этой причине Дайси утверждал, что учреждение административных трибуналов во Франции для разрешения споров, в которых замешаны органы исполнительной власти и их должностные лица, означает изъятие таких дел из подведомственности «общих» судов, что является нарушением верховенства права и несовместимо с английскими традициями и обычаями [38: 227].

В-третьих, верховенство права, по мнению Дайси, означает, что в Англии не права человека следуют из текста писаной конституции, а, напротив, сама неписаная и неконсолидированная конституция является «следствием прав частных лиц, которые определяются и защищаются судами» [38: 228]. Принципы английской конституции представляют собой «индукции или обобщения, основанные на отдельных решениях, произнесенных судами относительно прав отдельных лиц» [38: 221]. Таким образом, она является результатом эволюционного развития общего права страны, каким его сделали суды и парламент; принципами общего для страны права определяется даже положение короны и ее слуг [38: 228]. В основе неписаной Конституции Великобритании лежат правовые принципы, выработанные практикой судов общего права, поэтому необходимо тщательно оберегать от каких-либо посягательств юрисдикцию судов и право подданных обращаться в суд. При этом преимуществом судебной защиты прав частных лиц на основе принципов общего права в сравнении с опорой на статьи писаной конституции является то, что действие последних в условиях чрезвычайного положения может быть приостановлено [8: 72-73].

Происхождение британской конституции от судебных прецедентов, защищавших права и свободы подданных от произвола публичной власти государства, не является исключительно «музейным экспонатом» прошлого, не имеющим в современную эпоху никакой актуальности. Сама концепция неписаной Конституции, отличающая английское конституционное право от континентально-европейской модели его организации, во многом обязана своим существованием общему праву, созданному судьями (*cotton law Constitution*). Даже на современном этапе английские юристы указывают, что фундаментальные конституционные принципы господства права и верховенства Парламента не содержатся в кодексе или ином нормативном акте, а выражены в судебных решениях [44: 7].

Если попытаться системно истолковать все три значения верховенства права, выделенные Дайси, то можно усмотреть значимые различия в понимании права, которое призвано господствовать, править. Далеко не секрет, что рационалистическая идеология французских просветителей, континентальный юридический позитивизм, эпоха отраслевой кодификации XIX века и принятия писаных конституций в XIX-XX столетиях приучили романо-германских юристов под правом понимать практически исключительно писаное законодательство, и поэтому уже 150 лет важнейшим принципом правового государства признается принцип верховенства закона. Если же системно интерпретировать позицию Дайси в отношении верховенства права, то невозможно прийти к выводу, что под правом, которое призвано господствовать, британский государствовед понимал исключительно статутное право Парламента. Когда Дайси писал

о том, что общие принципы английской конституции являются результатом судебных решений [38: 221], то он, очевидно, вел речь не о верховенстве закона, статутного права, а об английском прецедентном праве, из которого и складывается тот правопорядок, который призван господствовать. Если в континентально-европейских концепциях правового государства под правом понимается писаный закон, установленный в соответствии с правовой процедурой компетентным органом, то в английской доктрине верховенства права основание правопорядка состоит не из письменных правовых актов-документов и их норм, а из прецедентных решений, закреплявших и защищающих личные и политические права человека и гражданина. Именно поэтому для юристов романо-германской традиции концепция правового государства выражается в принципах и нормах конституционного законодательства, которые носят общий, абстрактный характер и далеко не всегда находят конкретизацию в широком круге судебных дел, позиций судов. В противовес этому для их английских коллег доктрина верховенства права выражается далеко не только в доктринальных идеях и принципах известных конституционалистов, но и, прежде всего, в значительном числе судебных прецедентов.

В рамках предмета настоящего исследования важным представляется осуществить типологизацию учения А.В. Дайси о верховенстве (господстве) права. Для британского государствоведа право имеет позитивную природу, оно выражено в законе и прецедентных решениях судов, является установленным правом, «артефактом» общественной жизни. Единый и всеобщий правопорядок, который стремится утвердить английское конституционное право в понимании Дайси, не является результатом действия непреложных законов и принципов естественного права. Дайси пишет именно о позитивном правопорядке, создаваемом прецедентными решениями судов и статутами парламента; данный правопорядок имеет нормативные основания, без которых невозможен всеобщий режим законности. В этом смысле, разумеется, учение Дайси о господстве права является позитивистским, не опирается на какую-либо концепцию философского идеализма, что характерно для теорий естественного права. Понимание верховенства права Дайси возможно квалифицировать как позитивистское и на том основании, что британский юрист не обсуждает содержание права, которое призвано господствовать в правовой системе Англии, не пытается раскрыть субстанциональные требования к праву, сформулировать объективные принципы, которым оно должно соответствовать. Иными словами, подход Дайси можно назвать формальным: требования единства и всеобщности законности, исключающее произвол органов исполнительной власти, равенства «частных» и «публичных» субъектов перед законом и судом, единства судебной системы, исключающее произвол «чрезвычайных» и «специальных» судов, – все эти требования касаются юридической формы, но не самого содержания права. Британский государствовед связывает защиту прав человека исключительно с прецедентными решениями английских судов, но не пишет ничего об естественных правах человека, которые с необходимостью должны быть обеспечены судебной защитой. Поэтому, на наш взгляд, акцент Дайси на судебной защите прав человека не делает его позицию естественно-правовой. Вместе с тем учение Дайси о господстве права нельзя ставить в один ряд со статутным юридическим позитивизмом (И. Бентам в Англии, школа экзегетов во Франции XIX столетия, К.М. Бергбом, К.Ф.В. фон Гербер, П. Лабанд – в Германии [45: 431-467]), сводившим все позитивное право к законам, исключавшим иные источники позитивного права. Как уже указывалось, Дайси не сводил право исключительно к статутам парламента, признавал прецедентное право первоосновой британской конституции и того правопорядка, который, по его мнению, господствует в Англии.

На современном этапе авторитетные английские государствоведы, оценивая позицию Дайси в отношении содержания верховенства права, указывают на ряд слабых и непроясненных моментов.

Во-первых, критикуется неясность самого понятия произвольной власти, поскольку ее можно понимать и как власть, способную быть использованной для самых разных целей, и как власть, открытую для злоупотреблений при отсутствии надлежащего контроля, и как власть, прямо нарушающую индивидуальную свободу. Если «произвольная власть» и «широкая дискреционная власть» одинаково неприемлемы, то как могут быть установлены пределы приемлемой дискреционной власти? На современном этапе во многих социальных сферах органы исполнительной власти и государственные служащие наделены значительным объемом дискреционной власти, поскольку сложность и дифференциация общественных отношений делает такую власть объективно необходимой [27: 79-80]. Внимание юристов должно быть сосредоточено не на критических нападках на дискреционные полномочия, а на установлении юридических и политических гарантий, посредством которых осуществление таких полномочий может контролироваться [27: 80].

Помимо этого, понимание Дайси верховенства права критикуется за непоследовательность. Если доктрина верховенства права направлена на устранение произвольных и широких дискреционных полномочий органов исполнительной власти, то доктрина верховенства парламента, исходящая из того, что высший представительный орган в Англии является монопольным носителем законотворческих полномочий, способна войти в противоречие с ней. В соответствии с доктриной верховенства парламента, последний на основе принятия соответствующего статута вправе наделить исполнительный орган широкими дискреционными полномочиями [46: 23], тем самым обеспечить достижение цели, противоположной смыслу первого положения верховенства права. Если доктрина верховенства права прямо направлена против произвольной власти государственных органов, то доктрина верховенства парламента, напротив, является выражением идеи боденовского суверенитета – безграничности и неподконтрольности власти высшего представительного органа. Г. Еллинек в своем классическом труде в качестве подтверждения всемогущества британского парламента приводит распространенную в XVII и XVIII вв. практику с принятием законов *ex post facto* – *bills of attainder* и *bills of pain and penalties*, криминализировавшими деяния, которые после санкции монарха тут же инкриминировались неугодным правительству лицам. При этом последние нередко лишались даже возможности защитить себя [36: 362-363]. Меры наказания, предусмотренные такими ретроактивными законами, еще в 1766 г. У. Блэкстон называл жестокими и несправедливыми [31: 46]. Вывод Еллинека в данном случае аналогичен: «акт правотворчества – даже в том случае, когда результат его остается в силе, – может заключать в себе нарушение права» [36: 362-363]. Несмотря на то, что немецкий государствовед уже в начале XX столетия считал указанные виды биллей «вопиющим нарушением права», несовместимым с общепризнанными правовыми принципами, служащими основой английского права [36: 362-363], тем не менее, при сохранении доктрины суверенитета парламента в английском конституционном праве и политической практике всегда остается гипотетическая возможность нарушения парламентом принципа верховенства права.

Причем, насколько известно автору работы, в английской доктринальной литературе не ставится вопрос о приоритете одного из конституционных принципов, а общепринятая конвенция среди британских правоведов на этот счет отсутствует. В этом отношении показательно, что Э. Кук, много сделавший для утверждения доктрины верховенства

права, приоритета общего права перед статутами Парламента, вместе с тем в четвертой части своих «Институций» (1645 г.) указывал: «Власть и юрисдикция парламента так высоки и абсолютны, что они ни для кого и ни для чего не могут быть заключены в какие бы то ни было границы. И об этом верховном собрании можно справедливо сказать: *Si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem est capacissima*» [47: 36]. Через 240 лет после Кука классик британского государствоведения А.В. Дайси определял парламент как «учреждение, которому конституцией наших королевств вверена деспотическая, неограниченная власть» [38: 47]. На основе изменений отношения английских юристов к принципу верховенства парламента, произошедших на протяжении XX столетия, с определенной долей вероятности допустимо предположить, что принцип верховенства (господства) права будет обладать приоритетом в коллизионной ситуации, но такую позицию едва ли возможно подкрепить достаточным числом доктринальных источников. Более того, приоритет принципа господства права перед строгим толкованием принципа верховенства парламента становится еще более неопределенным в чрезвычайной ситуации, когда экстра-юридические аргументы могут взять верх над формальными и процедурными положениями *Rule of Law*.

Английские государствоведы не обходят стороной дискуссионный вопрос о возможности согласовать практику делегирования парламентом законодательных полномочий исполнительным органам власти с принципом верховенства права. Действительно, господство права предполагает преобладание «нормального» права, установленного высшим представительным органом, а широко распространенная в Англии практика делегированного законодательства вполне может пониматься как существование «широких дискреционных полномочий органов управления», поскольку «значительный объем и детальный характер постановлений, издаваемых министерствами, неизбежно порождает состояние неопределенности» [8: 63]. Вместе с тем утверждается, что необходимость делегированного законодательства носит объективный характер, а согласие такого *status quo* с принципом господства права видится в том, что «должна быть оговорена необходимость того, чтобы постановления министерств излагались простым языком, публиковались и были доступны для ознакомления» [8: 64]. Помимо этого, господство права требует наличия парламентского контроля над актами делегированного законодательства [8: 64], который обеспечит реальное верховенство парламента в сфере установления «нормального» и единого права. Однако требования парламентского контроля и соблюдения базовых правил правотворческой техники не могут считаться достаточными для исключения «широких дискреционных полномочий» исполнительной власти, против которых и была направлена классическая формулировка доктрины верховенства права в труде А.В. Дайси.

Во-вторых, критики позиции Дайси указывают, что всеобщность равенства всех субъектов перед законом в современном праве дополняется обоснованными различиями между лицами по экономическим, социальным соображениям или по правовому статусу (арендодатель и арендатор, работодатель и работник, и др.). Господство права требует не только всеобщего равенства перед законом, но и признания недействительными норм, проводящих различие между гражданами по основаниям, которые являются необоснованными, неприемлемыми или оскорбительными (например, дискrimинация по признаку пола, расы, происхождения или цвета кожи) [27: 80].

В связи с этим британские государствоведы делают существенную оговорку в отношении принципа равенства всех перед законом, указывая на то, что Короне и ряду публичных органов, их должностных лиц в Англии по закону предоставлены определенные

привилегии, выражающиеся в изъятиях из действия в «нормального» права [8: 67-68]. Специальные привилегии и иммунитеты публичных органов и их должностных лиц определяются как исключения из действия принципа равенства перед «нормальным» правом. Вместе с тем наличие целого ряда исключений серьезно ослабляет принцип всеобщего равенства перед законом и прецедентным правом.

В-третьих, справедливо указывается, что взгляды Дайси на административную юстицию как нарушающую верховенство права долгое время мешали правильному пониманию административного права. Уже в 1945 г. Е. С. Уэйд и Д. Д. Филлипс указывали на то, что Дайси не обратил внимания на те широкие полномочия, которыми обладала исполнительная власть в Англии уже в 1880-е гг. Нападки Дайси на административное право Франции не являлись обоснованными, поскольку правовые нормы, регулировавшие полномочия и обязанности публичных властей и должностных лиц в Англии, являлись тем же самым административным правом, что и *droit administratif* во Франции [8: 63]. Сегодня административные суды в большинстве европейских стран защищают личность от противоправных действий государственных органов, и наличие специальных судебных процедур не является нарушением верховенства права [27: 80].

Если административные суды независимы от исполнительной власти, руководствуются в своей деятельности общими принципами организации судебной системы и процесса, отвечают требованиям законности, состязательности, гласности, обеспечивают право оспаривания решений в вышестоящий суд, то, на наш взгляд, их учреждение и функционирование не нарушает принцип единства и исключительности судебной власти. При соблюдении указанных требований не ясны основания, на которых утверждается, что функционирование отделений по административным делам в судах общей юрисдикции соответствует указанному принципу, а учреждение специальных административных судов нарушает его. Напротив, учреждение специальных административных судов в рамках единой судебной системы позволяет более точно и эффективно осуществить специализацию судебского корпуса, обеспечить более квалифицированное разрешение административных дел.

В этой связи важно отметить, что как в конце XIX века, так и в начале XXI века в судебной системе Англии существует ряд специальных судов, не являющихся административными, но имеющих большое значение для имущественного положения британских подданных. Существование таких судов не является нарушением верховенства права до тех пор, пока они действуют беспристрастно и независимо, выслушивают доводы заинтересованных лиц, мотивируют собственные решения, ориентируются на единообразие при разрешении схожих дел, а сами судьи не подвергаются влиянию со стороны исполнительной власти [8: 71]. При этом должно быть оговорено право подачи апелляции на решения специальных судов в «общие» суды [8: 72].

В-четвертых, критикуется вера Дайси в общее право как ключевое средство защиты прав и свобод граждан от противоправных действий государства. Указывается, что права и свободы граждан на основе общего права Англии могут быть настолько значительно ограничены законодательством, что это поставит под вопрос само их наличие. Помимо этого, общее право не обеспечивает защиту экономических и социальных прав граждан, а формально-юридическое закрепление основных прав и свобод (например, предусмотренных Европейской конвенцией о правах человека) само по себе имеет значение для их судебной защиты, что признается значительным числом современных государств [27: 81].

Современные английские государствоведы выделяют три группы идей (положений), через которые раскрывается содержание доктрины верховенства права.

Во-первых, верховенство права выражает предпочтение упорядоченной жизни в организованном сообществе, а не ситуации анархии или борьбы, в которой нет безопасности для людей, их благополучия и имущества. Определенная устойчивость общества является предпосылкой существования правовой системы. При этом признается, что режим законности и стабильное функционирование судебной системы возможны и при диктатуре, но действительный конституционализм и господство права не могут быть достигнуты без юридических ограничений, налагаемых на аппарат государства [27: 99].

Во-вторых, верховенство права выражает фундаментальный принцип, согласно которому государственное управление должно осуществляться в соответствии с законом и что в спорных случаях то, что требует закон, определяется судебным решением. Новые полномочия исполнительных органов должны быть получены на основе статута парламента, а их акты и решения, выходящие за пределы делегированных полномочий, могут быть признаны судами *ultravires* (вне полномочий – лат.) и потому недействительными. В случае отступления от закона государственные органы и должностные лица должны быть подвергнуты эффективным санкциям, которые состоят не только в признании их актов и решений недействительными, но и в обязанности возместить причиненный такими актами или действиями вред. Так, в Великобритании департаменты правительства могут быть подвергнуты судебному преследованию за противоправные действия на основании Закона о производстве в отношении Короны (1947 г.), а министры могут быть привлечены к ответственности за неуважение к суду [27: 100-101]. Например, в деле *Re M* [1994] 1 AC 377 судебный комитет Палаты лордов признал, что министр внутренних дел допустил неуважение к суду, не подчинившись распоряжению суда вернуть депортированного зaireского учителя в Соединенное Королевство [48: 758].

Вместе с тем в литературе справедливо указывается, что британский парламент как носитель суверенной власти может наделить исполнительные органы полномочиями, способными резко ограничить индивидуальную свободу (например, бессрочное содержание под стражей без суда иностранцев, подозреваемых в причастности к терроризму). Поэтому если свести содержание верховенства права лишь к принципу законности, то это не будет являться эффективной гарантией против нарушения других фундаментальных ценностей [27: 101].

В-третьих, верховенство права рассматривается как широкая политическая доктрина, включающая в себя круг позиций по таким вопросам, как полномочия, которые государство должно или не должно иметь (например, должны ли министры иметь право задерживать без суда), процедуры, которым необходимо следовать, когда государство предпринимает какие-либо действия (например, право на справедливое судебное разбирательство в уголовных процессах) и ценности, присущие системе правосудия [27: 101].

Библиография

1. Чиркин С.В. Британская модель: уроки парламентаризма // Разделение властей: учебное пособие. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Юрайт, 2004. С. 100.
2. Святовец О.А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» // Правоведение. 1997. № 4. С. 44.

3. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. / Под. ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 154.
4. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 14th ed. London: Pearson, 2007. P. 95.
5. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд, М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 26–27.
6. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. IV: Первая часть Второй части. Вопросы 68–114. / Пер. с лат. / Под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 338.
7. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1909. С. 21.
8. Уэйд Е.С., Филлипс Д.Д. Конституционное право / Под ред. Крылов С.Б.; Пер. с англ. Никифоров А.С.; Вступ. ст.: Молдавский З.И. М.: Иностр. лит., 1950. С. 61.
9. Грабарь Э. Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII – XIV вв. Юрьев, Типография К. Маттисена, 1901. С. 43.
10. Extracts from the argument of Sir Robert Berkeley, Justice of the King's Bench // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Third edition, revised / Selected and edited by S. R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 116.
11. Томсинов В.А. Common Law в юридической конструкции государственного строя Англии первых десятилетий XVII века // «Forging a common legal destiny». Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 21.
12. Фишель Э. Государственный строй Англии. / Пер. с англ. П.М. Цейдлера. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1862. С. 31.
13. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. Том. I. Основы. / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 78.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 382.
15. Арчер П. Английская судебная система. / Пер. с англ. Л.А. Ветвинского. Под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М.: Иностр. лит., 1959. С. 37–38.
16. Mackay R.A. Coke – Parliamentary Sovereignty or the Supremacy of the Law? // Michigan Law Review. Jan., 1924, Vol. 22. №3. P. 218.
17. Coke E. Commentary upon Littleton. / ed. by Ch. Butler, 18th ed., Legal Classics Library, 1985.
18. Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи / отв. ред. С.Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2015. С. 92.
19. Coke E. Part Eight of the Reports // The selected writings and speeches of Sir Edward Coke / Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 1. P. 275.
20. Holland T.E. The Elements of Jurisprudence. 12th ed. Oxford: Clarendon Press, 1916. P. 37.
21. Boyer A.D. «Understanding, Authority, and Will»: Sir Edward Coke and the Elizabethan Origins of Judicial Review // 39 Boston College Law Rev. 43 (1998), <http://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol39/iss1/2>
22. Rutherford S. Lex, rex, or the Law and the Prince: A Dispute for the Just Prerogative of

- King and People. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. P. 246.
23. Marshall J.L. Natural Law and the Covenant: The Place of Natural Law in the Covenantal Framework of Samuel Rutherford's *Lex, Rex*. Westminster Theological Seminary, Philadelphia, 1995.
24. Gardiner S.R. History of the Great Civil War. L., 1898. Vol. 3. P. 392.
25. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. Под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 147–148.
26. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическому году // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. С. 548.
27. Bradley A.W., Ewing K.D., Knight C.J.S. Constitutional and Administrative Law. 16th ed. London: Pearson, 2014. P. 78.
28. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М.: Юридическая литература, 1985. С. 44 – 50.
29. Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева. Науч. ред. Ю.М. Юмашев. М.: «Югона», 2002. С. 296.
30. Hale M. The History of the Common Law of England. / ed. by C. M. Gray. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 45.
31. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In 4 vols. Vol. I. Cavendish, 1766. P. 69.
32. Локк Дж. Соч. В 3 т. / Ред. и сост., прим. А.Л. Субботин. Пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсон, Е.С. Лагутин, Ю.В. Семенов, Н.А. Федоров, и др. М.: Издательство «Мысль», 1988. Т. 3. С. 263.
33. Salmond J.W. Jurisprudence or the Theory of the Law. London: Stevens & Haynes, 1902. P. 52.
34. Brown W.J. The Austinian Theory of Law. Being an Edition of Lectures I, V, and VI of Austin's «Jurisprudence», and of Austin's «Essay on the Uses of the Study of Jurisprudence» with Critical Notes and Excurses. London, John Murray, Albemarle Street, 1906. P. xi.
35. Иеринг Р. ф. Цель в праве // Избранные труды. В 2 т. Т. I. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 306.
36. Еллинек Г. Общее учение о государстве. / Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 361.
37. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 398.
38. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. / Пер. с англ. О.В. Полторацкой. Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1905. С. 227.
39. Denning A.T. What Next in the Law. London: Butterworths, 1982. P. 5.
40. Caenegem R.C. van. Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 24–25.
41. Романов А.К. Правовая система Англии: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2002. С. 62.
42. Михайловский И.В. Очерки философии права. Том I. Томск, Издание книжного

- магазина В.М. Посохина, 1914. С. 603.
43. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для ВУЗов. / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2000. С. 402.
44. English Public Law. / Ed. by D. Feldman. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 7.
45. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2nd ed. Vandenhoeck u. Ruprecht, 1967. S. 431 – 467.
46. Slapper G., Kelly D. The English Legal System. London, New York: Routledge, 2012. P. 23.
47. Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England Concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644. P. 36. URL:
lawlibrary.wm.edu/wythepedia/library/CokeFourthPartOfTheInstitutesOfTheLawsOfEngland1644.pdf
48. Wade E.C.S. & Bradley A.W. Constitutional and Administrative Law. 11th ed., L., 1994. P. 758.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования представленной на рецензию на статьи: «Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли» является анализ основополагающих иностранных источников по указанной тематике, как нормативно – правового характера, так и доктринальных исследований в указанном контексте. Представляется интересным авторский подход к исследованию по указанной теме в части исследования вопроса правосознания и профессионального правосознания в контексте верховенства права в Англии.

Методология исследования основанная на историко – правовом и сравнительно – правовом анализе соответствует выбранной теме. Автором также были применен методы: анализа, синтеза, сравнения, конкретизации и обобщения.

Актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью увеличению работ по юридической компаративистике. Данная работа является так же актуальной в связи с повышенным интересом к работам по вопросам верховенства права, правосознания и профессионального правосознания, применение и реализации доктрины права в законодательстве и на практике. В том числе и по развитию концепций судебного нормоконтроля в национальной правовой доктрине.

Автором был проведен подробный, самостоятельный анализ историко – правовых источников по вопросу развития и становления верховенства права в Англии, что является основой для теоретической научной новизны данной работы. По мимо этого научная новизна представленной статьи на рецензию заключается в оригинальных и самостоятельных авторских выводах, которые могут послужить основанием для дальнейших исследований по данному вопросу. Выработанный автором подходом и критерии оценки изучаемого материала, также свидетельствуют об научной новизне.

Стиль, структура, содержание представленной работы отличается подробным, структурированным анализом исследованного научно и научно – практического материала. Автор излагает и раскрывает содержание материала логически – связанным научным языком. Структура и содержание работы соответствует заявленной теме статьи. Работа имеет общую (вводную часть), состоит из двух основных разделов, а также выводов и заключения.

Автором были подробно изучены основные и дополнительные источники, как иностранных ученых, так и российских по изучаемой теме. В связи с этим представленный анализ библиографии соответствует изучаемой теме.

По мимо прочего автор изучает и использует различные точки зрения иных ученых и исследователей, а также апеллирует к оппонентам, что позволяет ему сформулировать самостоятельные выводы по итогу проведенного исследования.

Выводы и интерес для читательской аудитории: проведенный автором сравнительно – правовой анализ доктрины общего права представляется подробным и отвечающим требованиям данного рода исследованиям. Данная работа является фундаментальным исследованием по заявленной тематике и безусловно будет представлять интерес для исследователей и ученых. В связи с совсем вышеприведенным, статья на тему: «Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли», может быть принята к опубликованию в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Боровков Д.С. — Эффект «аберрации памяти» в воспоминаниях М.Т. Калашникова о Великой Отечественной войне // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.44017 EDN: YIEBLM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44017

Эффект «аберрации памяти» в воспоминаниях М.Т. Калашникова о Великой Отечественной войне

Боровков Дмитрий Сергеевич

кандидат исторических наук

доцент кафедры "Управление в социальных и экономических системах, философия и история",
Уральский государственный университет путей сообщения

620034, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

✉ dpalochkinskij@yandex.ru

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.44017

EDN:

YIEBLM

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2023

Аннотация: Объектом работы являются воспоминания известного отечественного конструктора-оружейника М. Т. Калашникова о его участии в боях Великой Отечественной войны в 1941 г. Автор подвергает сравнительному анализу фрагменты мемуаров М. Т. Калашникова разных изданий. Ключевыми изданиями являются «Записки конструктора-оружейника» 1992 года и «Калашников: траектория судьбы», вышедшее в 2007 году. Кроме того, проводится сопоставление текста мемуаров конструктора с документальными источниками: боевыми документами 108 танковой дивизии, в которой служил М.Т. Калашников на момент своего участия в сражениях. Также автор приводит обзор литературы и исследований, посвященных военной биографии М.Т. Калашникова.

Автор делает вывод о серьезном хронологическом искажении, которое допустил М. Т. Калашников при описании своего участия в сражениях. Сам конструктор недвусмысленно указывал в воспоминаниях, что провел на фронте не менее нескольких недель в сентябре и октябре 1941 года. Анализ же документов однозначно свидетельствует, что участие М.Т. Калашникова в сражениях фактически свелось к двум дням боев: 30 и 31 августа 1941 г. Кроме того, сравнение текстов мемуаров разных изданий между собой выявило заметные расхождения между ними. Некоторые из таких

расхождений могли быть допущены только сознательно. Кроме того, историографический обзор позволил выявить следующее: авторам, работавшим над биографией М.Т. Калашникова ранее, был известен данный феномен. Однако детального источниковедческого анализа мемуаров конструктора никто не осуществлял, и попыток объяснить эти искажения не предпринималось. Вместе с тем, автор работы отмечает, что детальный анализ мемуаров М.Т. Калашникова еще предстоит осуществить и информационный потенциал данного источника не может быть признан исчерпанным.

Ключевые слова:

Калашников, Мемуары Калашникова, Биография Калашникова, Великая Отечественная война, Рославльско-Новозыбковская операция, Записки конструктора-оружейника, Траектория судьбы, Бои под Трубчевском, Советские танковые войска, Подвижная группа Ермакова

Конструктор стрелкового оружия Михаил Тимофеевич Калашников и его изобретения стали своеобразным «культурным брендом» России и мировым культурным явлением. Они уже давно и явно вышли за границы узкого феномена военно-технической истории [\[4, 8, 9, 13, 15, 29\]](#).

История успеха М.Т. Калашникова, «сержанта, вооружившего половину планеты», привлекает внимание общественности не только в России, но и за рубежом [\[31\]](#). Однако отметим, что жизненный путь великого конструктора интересен не только сам по себе, но еще и потому, что это – определенный «антропологический срез» жизни нашей страны в один из самых драматичных и важных периодов ее истории – середине XX в. Вместе с тем, научная, в строгом смысле этого понятия, биография М. Т. Калашникова на данный момент не написана. Сам Михаил Тимофеевич оставил множество воспоминаний о своей жизни, которые продолжают оставаться главным источником информации о его биографии в широких общественных кругах. Справедливости ради стоит заметить, что работы в рамках научного изучения биографии конструктора постепенно ведутся, чему способствует публикация документов и их изучение в последнее десятилетие. Однако, этот процесс находится лишь в своей начальной стадии.

Одним из важнейших фактов биографии М. Т. Калашникова является его участие в Великой Отечественной войне. Широко известно, что будущий конструктор служил командиром танка Т-34 в звании старшего сержанта. Также из его мемуаров следует, что в одном из боев в 1941 г. в полосе Брянского фронта он был тяжело ранен, после чего так и не вернулся на фронт, начав карьеру конструктора-оружейника. Сам М. Т. Калашников часто подчеркивал, что участие в войне оказалось на него решающее воздействие и подтолкнуло стать разработчиком стрелкового оружия [\[12, с. 379\]](#).

В первую очередь, рассмотрим воспоминания М. Т. Калашникова. Конструктор сам, а в некоторых случаях в соавторстве выпустил 5 книг мемуаров, не считая переизданий. Важнейшими можно считать самую первую, «Записки конструктора – оружейника», вышедшую еще в 1992 г. [\[11\]](#), а также «Траекторию судьбы» [\[12\]](#), первый раз изданную в 2004 г. Все остальные, по сути, являются вариантами этих работ, различаясь лишь стилем редактуры.

Собственно, воспоминания об участии в войне в «Записках конструктора – оружейника» разделены на два фрагмента. Первый является как бы прологом ко всей книге. Кратко

его можно пересказать так: М. Т. Калашников вместе с экипажем танка находится в блиндаже около леса, идет осенний дождь, рядом периодически разрываются снаряды. Механик-водитель передает распоряжение командира взвода явится к последнему. М. Т. Калашников отвлекается на воспоминание о личности механика-водителя: «Подумалось: откуда только силы брались в этом худеньком вологодском пареньке. Вместе со всем экипажем он как убитый уснул, когда под утро вернулись с задания, а встать успел раньше всех и уже танк привел в надлежащий вид» [11, с. 4]. М. Т. Калашников идет к командиру взвода и получает приказ быть готовым выступать через час для поддержки в бою пехоты [11, с. 5].

Далее, изложив свою биографию до 1941 г., М. Т. Калашников переходит ко второму и основному из двух фрагментов воспоминаний о боях. Условно разделим его на две части. Первая – описание самих боевых действий в составе танкового подразделения. Вторая – рассказ о выходе из окружения. 22 июня сержант М. Т. Калашников находился в Ленинграде, где проводилась доводка разработанного им счетчика моторесурса танкового двигателя. В связи с началом войны он должен был вернуться в 12-ю танковую дивизию (далее – тд), в которой служил ранее. Однако, по сути, ехать было некуда: «...уезжая в поезде на юг с надеждой попасть в свою часть. Только как это сделать? По сводкам Совинформбюро было уже известно: город Стрый на Западной Украине, где дислоцировалась часть, оставлен нашими войсками» [11, с. 12]. Тем не менее, он отправился в путь, который привел его через пару недель на одну из станций под Харьковом.

Конструктор указывал, что во многом случайно в июле 1941 г. нашел своих сослуживцев на одной из станций в районе Харькова. Судя по описанию, они возвращались с Урала, куда были командированы для получения новых танков, Т-34: «Оказалось механики-водители части незадолго до войны выехали на Урал для получения новой техники» [11, с. 13]. Однако к тому времени 12 тд в боевых действиях на западной Украине была практически полностью уничтожена и 15 августа расформирована. Таким образом, сам автор с товарищами был влит в новую часть, названия которой он не привел: «При формировании экипажей меня назначили командиром танка, приказом по части присвоили звание старшего сержанта. В моей биографии начиналась новая страница – фронтовая» [11, с. 13]. Далее конструктор переходит непосредственно к описанию боевых действий.

Его рассказ о боях занимает 2 страницы и характеризуется обилием общих описаний, не содержит сколько-нибудь конкретных указаний на номера частей, фамилий командиров, географических пунктов (за исключением указания на « дальние подступы к Брянску»), в нем не выдерживается логическая последовательность событий и т.д. Приведем несколько цитат, важных с точки зрения хронологии:

«Сейчас трудно припомнить каждый боевой эпизод... Наш батальон воевал порой даже непонятно где: то ли в тылу врага, то ли на передовой. Бесконечные марши, удары во фланг, короткие, но ожесточенные атаки, выходы к своим. Бросали нас преимущественно туда, где туда приходилось пехоте...

Было это в сентябре 1941 года, еще на дальних подступах к Брянску. Рота вышла на опушку леса. Земля исполосована рубцами гусениц. Эти следы оставили мы, танкисты, утром, участвуя в контратаке.

... **В один из сентябрьских дней** мы получили приказ занять исходный рубеж в густой

роще, хорошенько замаскироваться и быть в готовности к контратаке...

Участвовать в военных действиях мне довелось недолго. В начале октября 1941 года под Брянском я был тяжело ранен. Случилось это в одной из многочисленных контратак, когда наша рота, заходя во фланг немцам, нарвалась на артиллерийскую батарею...» [11, с. 13-14]

Подробности второй части, рассказа о выходе из окружения, не имеют большого значения для настоящей работы. Однако отметим, что она куда обширнее описаний боев и занимает более пяти страниц. Если в предыдущей части М. Т. Калашников хотел, судя по всему, описать некий общий образ фронтовых будней, то в данном случае он постарался составить вполне внятный событийный рассказ. Он отличается куда большей конкретностью, события в нем в основном выстроены в логическую последовательность. Что важно, хронология этой части рассказа также намного более конкретна, в начале автор напрямую указывает на временной отрезок: «Семь дней выходили мы с занятой фашистскими оккупантами территории» [\[11, с. 15\]](#).

Необходимо также упомянуть еще один сюжет – пребывание в госпитале. М. Т. Калашников отмечает: «В госпитале я как бы заново переживал все, что произошло за месяцы участия в боях...» [\[11, с. 18\]](#).

В намного более поздней книге «Траектории судьбы» воспоминания о войне были скорректированы. В первую очередь, была полностью удалена зарисовка о нахождении в землянке и получении приказа от командира взвода. В остальном текст более-менее соответствует «Запискам...». Можно отметить лишь два существенных отличия.

М. Т. Калашников добавил такой эпизод: «Помню, как однажды наш лейтенант приказал мне залезть на высокое дерево и попытаться рассмотреть вражеские позиции. Взобравшись на достаточную высоту, я увидел, что немцы совсем близко. Так близко, что мне не удалось оставаться для них незамеченным – меня сразу же начали обстреливать. Пули засвистели рядом со мной, срезая ветки дерева и осыпая листву» [\[12, с. 88\]](#).

В «Записках...», рассказывая о моменте получения ранения, он сообщает об одном попаданиях в танк, в результате которого он сразу потерял сознание:

«Первым загорелся танк командира роты. Потом вдруг гулкое эхо ударило мне в уши, на мгновение в глазах вспыхнул необычайно яркий свет... Сколько находился без сознания, не знаю. Наверное, довольно продолжительное время, потому что очнулся, когда рота уже вышла из боя» [\[11, с. 15\]](#).

В «Траектории судьбы» количество попаданий в танк увеличилось до двух, а общее описание было изменено:

«Первым загорелся танк командира роты. Затем раздался удар по нашей машине, и после этого вдруг наступила полная тишина. Возможно, мы были просто оглушенны, но в тот момент нам показалось, что бой стих. Как командир танка, я решил открыть люк и посмотреть, что происходит вокруг. Я только поднялся из люка, как рядом разорвался снаряд. На мгновение в глазах вспыхнул необычайно яркий свет...» [\[12, с. 90-91\]](#). Далее тексты идентичны.

Таким образом, все мемуарные тексты М. Т. Калашникова однозначно свидетельствуют,

что их автор участвовал в боях как минимум несколько недель в сентябре и в октябре 1941 г. Однако сравнение данных свидетельств с объективными источниками, в первую очередь, документальными показывает их радикальное расхождение.

К настоящему моменту хорошо известно, что М.Т. Калашников воевал в составе 108 тд. Еще в 2005 г. по запросу ФГУП «Рособоронэкспорт» (на тот момент М. Т. Калашников числился в этой организации) ЦАМО подготовил справку о том, что с 22 по 31 июля 1941 г. он проходил службу в 20-м учебном танковом батальоне в районе Харькова. Затем он и его экипаж был зачислен в 3-ю роту 2 батальона 216 танкового полка (далее – тп) в составе 108 тд [\[27, с. 27-28\]](#) 3-й армии Брянского фронта.

Массовая публикация документов воинских частей и соединений РККА из фондов ЦАМО на данный момент позволяет сравнить с ними мемуары конструктора. Подробная реконструкция сражения 108 тд в августе – сентябре 1941 г. не является предметом настоящей работы. Кроме того, история этого соединения, как и многих других, тщательно изучается историками, поисковиками и краеведами [\[22\]](#). Общий же ход Рославльско-Новозыбковской операции, в ходе которой 108 тд впервые вступила в бой, также хорошо описан на оперативно-стратегическом уровне [\[3, с. 93-120\]](#), [\[5\]](#), [\[21, с. 86-105\]](#).

В целом, ход боев дивизии восстанавливается по ее журналу боевых действий (деле – ЖБД) [\[24\]](#), докладу от 4 сентября 1941 г. [\[25\]](#), отчету штаба от 6 сентября 1941 г. [\[23\]](#) и схеме-докладу от 12 февраля 1942 г. [\[26\]](#). Наспех сформированная и не до конца укомплектованная (вместо двух танковых полков, в нее входил только один, 216-й, в котором и состоял экипаж сержанта М. Т. Калашникова [\[24, л. 2-4\]](#)) 108 тд была 28 августа 1941 г. включена в состав подвижной группы фронта генерал-майора А. Н. Ермакова. Она должна была нанести фланговый контрудар по 2-й танковой группе Г. Гудериана с востока, из района севернее Трубчевска [\[24, л.12\]](#). Наступление было организовано исключительно плохо [\[26\]](#). Утром 30 августа дивизия выступила на юго-запад двумя колоннами и вскоре наткнулась на части 17-й тд вермахта в районе деревень Чеховка – Карбовка – Романовка. Части 108 тд, не имея разведданных, без авиаподдержки, подверглись массированным воздушным ударам и вынуждены были вступать в спорадические встречные бои с противником. В ходе них, 30-31 августа, севернее деревни Романовка 216-й тп, усиленный другими частями дивизии, провел несколько тяжелых маневренных боев с танками 17-й танковой дивизии противника и понес тяжелые потери. Уже 1 сентября дивизия оказалась в фактическом окружении и только к 4 сентября ее остатки сумели организованно вырваться [\[24, л. 12-19\]](#). Из окружения удалось вывести 17 танков, 11 орудий, 1200 человек и все тылы. Безвозвратные потери дивизии в танках составили 53 машины, в личном составе – около 500 чел. [\[3, с. 102\]](#), [\[25\]](#). Несмотря на то, что Рославльско-Новозыбковская операция закончилась очевидной неудачей и большими потерями для сил Брянского фронта, она обошлась 2й танковой группе Г. Гудериана очень дорого. По меткому выражению западного исследователя Д. Гланца, подобные операции РККА 1941 года стали тем, что заставило план «Барбаросса» «сойти с рельсов» [\[30\]](#).

В дополнении к этим данным необходимо привести еще одно свидетельство, а именно документы, указывающие на пребывание М. Т. Калашникова в госпитале после ранения. Еще в 2009 г. первый биограф конструктора, А. Е. Ужанов, привел в своей книге ответ на его запрос архива Военно-медицинского музея. Согласно ему, старший сержант М. Т.

Калашников получил ранение 31 августа 1941 г. [\[21, с. 95\]](#).

Точку в этом вопросе поставила статья 2012 г. сотрудников Военно-медицинского музея А. А. Будко и Д. А. Журавлева, в которой они опубликовали текст больничного журнала и заключения комиссии эвакогоспитала № 1133, который на тот момент находился в Ельце, и где М. Т. Калашников проходил лечение. Документы свидетельствовали, что будущий конструктор поступил в госпиталь 13 сентября и был выписан уже 2 октября 1941 г. (фактически убыл 4 октября) [\[1\]](#).

Таким образом, мы видим, что с точки зрения хронологии мемуары М. Т. Калашникова полностью противоречат всему комплексу документальных источников. Будущий конструктор получил ранение не в октябре, как он сам писал, а в последний день августа 1941 г. Его же участие в боевых действиях в качестве танкиста свелось к двум дням, а не нескольким неделям. Стоит только догадываться, как М. Т. Калашников мог допустить столь серьезные искажения в датировках, и выдать 2-х дневное участие в сражении за несколько недель или даже месяцев боев. Также это касается первой части «Записок конструктора-оружейника»: ни о каких блиндажах или иных полевых укреплениях, о которых упоминает автор, не могло быть и речи, так как сражение было встречным, и дивизия вступила в бой с марша.

Имели ли место случаи научного анализа этой части мемуаров М. Т. Калашникова? Результат изучения историографии по данной теме можно назвать удручающим: несмотря на, казалось бы, большой интерес к фигуре М. Т. Калашникова, работы, которые действительно представляют серьезный научный интерес, немного. Большинство доступных работ представляют собой либо общие рассуждения на тему, либо же являются компиляциями давно известной, но научно не отрефлексированной информации [\[2, 4, 6, 7, 15, 17, 18, 19, 20, 28\]](#).

Первая серьезная попытка описать биографию М. Т. Калашникова была предпринята еще при его жизни. В 2009 г. свет увидела книга «Михаил Калашников» уже упоминавшегося А. Е. Ужанова [\[21\]](#). В 2015 г. работа была переиздана в серии «ЖЗЛ». Несмотря на то, что автор во многих случаях привлекал документы, данная работа написана на основе воспоминаний самого конструктора, и, по существу, является научно-популярной. Тем не менее, А. Е. Ужанов относительно подробно описал боевые действия 108 тд. Вместе с тем, биограф просто механически перемешал фрагменты мемуаров конструктора и свою реконструкцию боев 108 тд западнее Трубчевска, как бы не «заметив» столь серьезного несовпадения [\[21, с.86-105\]](#).

Как уже было упомянуто, в 2012 г. вышла статья А. А. Будко и Д. А. Журавлева, в которой были опубликованы документы о пребывании М. Т. Калашникова в госпитале [\[1\]](#). В 2015 г. вышла книга алтайского автора А. С. Муравлева. По существу, она также не является научным исследованием, преследуя научно-популярные цели. Вместе с тем, важным достоинством работы является то, что автор погружает биографию конструктора в исторический контекст. В частности, можно отметить неплохой очерк о социальной и административной истории Алтайского края в первой половине XX в. Однако об участии М. Т. Калашникова в боях А. С. Муравлев ничего нового не добавляет, по сути, пересказывая работу А. Е. Ужанова [\[14, с.133-145\]](#).

Известный историк Второй мировой войны А. В. Исаев в докладе, посвященном этому отрезку жизни М. Т. Калашникова, просто объяснил отмеченный нами феномен забывчивостью конструктора, впервые севшего за перо через 40 лет после войны [\[10\]](#).

Наконец, в 2021 г. из-под пера кандидата технических наук, сотрудника ВИМАИВС и одного из виднейших отечественных оружиееведов Р. Н. Чумака вышло крупнейшее на сегодня исследование творческой биографии М. Т. Калашникова «АК-47. История создания и принятия на вооружение Советской армии». Содержание книги намного шире названия и является, по сути, первой подлинно научной работой по всей творческой биографии М. Т. Калашникова в период с 1942 по 1949 гг. Вместе с тем, автор затрагивает и вопрос об участии будущего конструктора в войне, однако, ничего нового в этом отношении не добавляет. Он отмечает существенное расхождение хронологии мемуаров и реальности, однако использует этот факт для уточнения общей хронологии биографии М. Т. Калашникова [\[27, с. 27-28\]](#).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что специального исследования, которое было бы непосредственно посвящено анализу и источниковедческой критике воспоминаний М. Т. Калашникова о боевых действиях, на данный момент не проводилось.

Таким образом, с хронологической точки зрения мемуары М. Т. Калашникова полностью недостоверны. В отдельных случаях можно уверенно говорить, что недостоверные описания были включены автором сознательно, в частности, в первом фрагменте книги «Записки конструктора-оружейника». Кроме того, в последующих изданиях мемуаров М. Т. Калашникова несколько изменил текст, удалив часть отрывков, но частично добавив деталей в отдельных фрагментах. Безусловно, конструктор позволил себе в этих случаях определенный художественный вымысел, однако в остальном уверенно утверждать, что искажения были допущены по причине забывчивости или же сознательно, невозможно.

Вместе с тем, говорить о том, что рассмотренный нарративный памятник не имеет никакой ценности как исторический источник, на наш взгляд, рано. В дальнейшем необходимо провести тщательный внутренний анализ мемуаров М. Т. Калашникова, намного более детально сравнив их с данными документов, а также иными воспоминаниями участниками боев к западу от Трубчевска в августе-сентябре 1941 г. Эти проблемы станут предметом следующих работ.

В finale отметим, что создание научной биографии великого отечественного конструктора, таким образом, продолжает оставаться актуальной задачей. В любом случае, широко доступные биографические справки о М. Т. Калашникове, включая официальные сайты музеев [\[16\]](#), продолжают повторять тезис об участии конструктора в боях с сентября и его ранении в октябре 1941 г. Более того, в биографическом художественном фильме «Калашников», вышедшем 20 февраля 2020 г. (режиссер – К. Буслов), сцена боя и без того происходит зимой. Таким образом, научный, достоверный взгляд на биографию великого создателя самого знаменитого в мире автомата до сих пор не нашел отражения в широкой информационной среде.

Библиография

1. Будко А.А., Журавлев Д.А. История одного ранения // Защита и безопасность. 2012. № 2 (61). С. 2-3.
2. Выдра О. В. Михаил Тимофеевич Калашников - легендарный конструктор и изобретатель // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: Сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции, Москва, 10 января 2020 года. Том 1 (22). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2020. – С. 15-18.

3. Гавренков А. А. Боевые действия войск Брянского фронта первого формирования (14 августа – 10 ноября 1941 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2014 г. 249 с.
4. Грахов В. П., Жилин С.А. Калашников – имя из будущего // Ректор ВУЗа. – 2019. – № 5. С. 22-23.
5. Дембрицкий Н. П. «Мы обязаны разгромить Гудериана»: наступательная операция Брянского фронта 30 августа – 12 сентября 1941 года // «Военно-исторический журнал». 1999. № 1. С.14-21.
6. Евдокимов А. М. Михаил Калашников – человек и судьба // Защита и безопасность. 2019. № 1 (88). С. 46.
7. Елхова А. А. История великого оружейника: М.Т. Калашникова // Переломные моменты в истории: люди, события, исследования. Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого: в 3 т. Том 2. Санкт-Петербург, 2022. С. 596-599.
8. Изображение автомата Калашникова на государственной символике / А. В. Пепеляев, В. В. Глебов, И. Е. Филин, Л. А. Кусакин // Мы помним, мы гордимся: Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Омск, 15 мая 2020 года / Под общей редакцией К. В. Костина. – Омск: Омский государственный технический университет, 2020. С. 188-192.
9. Ильин С. Ю. Роль автомата Калашникова в мировой истории // Актуальные проблемы совершенствования навыков обращения с автоматом (карабином) у сотрудников правоохранительных органов: Сборник материалов Международного научно-практического семинара, Рязань, 28 октября 2021 года / Под общей редакцией А. Г. Малышева. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 85-91.
10. Исаев А. В. Неизвестный Калашников // Цифровая история. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UoL48b2PLdM&t=1358s&ab_channel (дата обращения: 12.10.2021).
11. Калашников М. Т. Записки конструктора – оружейника. М.: Воениздат. 1992. – 301 с.;
12. Калашников М. Т., Калашникова Е. М. Калашников: траектория судьбы. М.: Дом «Вся Россия», 2007. – С. 640 с.
13. Клопотенко А. Г., Малякина Т. В. Исследование роли автомата Калашникова в мировой истории // Актуальные проблемы совершенствования навыков обращения с автоматом (карабином) у сотрудников правоохранительных органов: Сборник материалов Международного научно-практического семинара, проводимого в рамках XIII ежегодного турнира имени М. Т. Калашникова по стрельбе из автомата (карабина), Рязань, 11 сентября 2019 года / под общ. ред. С. М. Смолева. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 44-48.
14. Муравлев А. С. Михаил Калашников. Воронеж: Макс-Принт, 2015. 380 с.
15. Ренкель А. А. Калашников: человек и автомат // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2014. – № 12. С. 22-24.
16. Сайт музеяно-выставочного комплекса стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова. URL: <https://museum-mtk.ru/armourers/kalashnikov/biography> (дата обращения: 10.09.2021).
17. Салигова М. Л. Великий изобретатель лучшего в мире автомата - М.Т. Калашников

- // Русская военная история: сборник научных работ, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны и памяти Михаила Тимофеевича Калашникова. – Москва: Московский государственный областной университет, 2014. С. 151-155.
18. Сержант, вооруживший весь мир // Военные знания. – 2014. – № 1. С. 33-34.
 19. Сильников М. В. Михаил Калашников. Жизнь и судьба // Защита и безопасность. – 2009. – № 3(50). С. 8-10.
 20. Сильников М. В. Калашников человек-легенда // Защита и безопасность. – 2019. № 1(88). С. 2-5.
 21. Ужанов А. Е. Михаил Калашников. М.: Молодая гвардия, 2009. 438 с.
 22. Форум поисковиков «Брянский фронт» URL:
<https://bryanskfront.mybb.ru/viewtopic.php?id=458> (дата обращения: 11.06.2023).
 23. ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 202, оп.5, д.17, л. 31-32.
 24. ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 3055, оп. 1, д. 3, л. 3 – 17.
 25. ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 3195, оп. 0000001, д. 0002, л. 8, 10.
 26. ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 3195, оп.0000001, д.0002, л. 30.
 27. Чумак Р. Н. АК-47. История создания и принятия на вооружение Советской армии. СПб.: Атлант, 2021 г. 600 с.
 28. Шпилянский Э. М. Калашников Михаил Тимофеевич 1919 – 2013 // Клиническая геронтология. – 2016. – Т. 22, № 11-12. С. 81-84.
 29. Шувье Р. И., Казмирчук Е. К. Бренд Калашников в аспекте межкультурной коммуникации // Иностранные языки: Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14–19 апреля 2019 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. С. 50-51.
 30. Glantz, David M. Barbarossa derailed: the battle for Smolensk, 10 July - 10 September 1941: [4 vol. study]. Vol. 2: The German advance on the flanks and the third Soviet counteroffensive, 25 August - 10 September 1941. – Solihull, West Midlands: Helion, 2012. – 620 c.
 31. Kalashnikov Encyclopaedia: A set of three books / Cor Roodhorst. – Hardbound, 2015.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России богата героическими и трагическими событиями, неслучайно выдающийся литературный критик В.Г. Белинский как-то заметил: «Русская история есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика». Куликовская битва, Полтава, сражения Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны по праву являются предметом гордости граждан нашей страны. Несмотря на то что с момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже почти восемь десятилетий, память о Великой Победе сохраняется в сердцах миллионов наших граждан, что находит отражение в одной из самых величественных акций – «Бессмертный полк». Вместе с тем является важным изучение «белых пятен» в истории Великой Отечественной, в том числе касательно персональной истории.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются биографические данные М.Т. Калашникова, одного из самых знаменитых конструкторов в области вооружений во всем мире. Автор ставит своими задачами рассмотреть биографию Калашникова в годы войны, выявить расхождения между его воспоминаниями и реальной фактологией.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами являются конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится раскрыть факты военной биографии М.Т. Калашникова. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том большом объеме подготовительной работы, которую проделал автор. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ, а также материалами интернет-ресурсов и воспоминания самого М.Т. Калашникова. Из используемых исследований укажем на труды А.В. Исаева, М.С. Муравлева, М.В. Сильникова, А.Е. Ужанова, в центре внимания которых различные аспекты биографии М.Т. Калашникова. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как биографией М.Т. Калашникова, в целом, так и его участием в Великой Отечественной войне, в частности. Аppeляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор показывает, что «одним из важнейших фактов биографии М. Т. Калашникова является его участие в Великой Отечественной войне». Автор сравнивает воспоминания Калашникова о с документами из фондов ЦАМО, обращая внимание на то, что «участие в боевых действиях в качестве танкиста свелось к двум дням, а не нескольким неделям», как это описано в воспоминаниях. В работе показано, что «с точки зрения хронологии мемуары М.Т. Калашникова полностью противоречат всему комплексу документальных источников»: «в отдельных случаях можно уверенно говорить, что недостоверные описания были включены автором сознательно, в частности, в первом фрагменте книги «Записки конструктора-оружейника». В то же время автор отмечает, что нельзя однозначно говорить о том, что «рассмотренный нарративный памятник не имеет никакой ценности как исторический источник»: это тема для дальнейшего исследования. Главным выводом статьи является то, что «научный, достоверный взгляд на биографию великого создателя самого знаменитого в мире автомата до сих пор не нашел отражения в широкой информационной среде».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет

читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

1) Необходимо вычитать текст статьи, устранив отдельные опечатки: «этот процесс находится лишил в своей начальной стадии», «научный, достоверный взгляд на биографию великого создателя самого знаменитого в мире автомата до сих пор не нашла отражения в широкой информационной среде». Дважды подряд автор начинает предложения со слов «таким образом»: «Таким образом, можно уверенно сделать вывод, что специального исследования, которое было бы непосредственно посвящено анализу и источниковедческой критике воспоминаний М. Т. Калашникова о боевых действиях, на данный момент не проводилось. Таким образом, с хронологической точки зрения мемуары М. Т. Калашникова полностью недостоверны».

2) Ссылки в тексте статьи надо привести в соответствие с требованиями издательства.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии статьи.

Методология исследования Методологическую основу составляют общенаучные принципы историзма и научной объективности. В статье использованы историко-биографический, текстологический, методы историографического анализа и др.

Актуальность Повышение интереса к изучению биографии известных людей: политических деятелей, писателей, музыкантов, полководцев, ученых, конструкторов и т.д. связан с интересом к личности известного человека. Кроме того, исследование биографии позволяет как можно детальнее осветить особенности жизни и деятельности отдельного человека и рассмотреть проблематику взаимовлияния, возникающего между ним и конкретно-историческим периодом. Автор пишет, что история успеха М.Т. Калашникова, «сержанта, вооружившего половину планеты», привлекает внимание общественности не только в России, но и за рубежом». Период Великой Отечественной войны занимает особое место в биографии конструктора и тема Великой Отечественной войны в последние годы одна из наиболее широко изучаемых. Актуальность изучения биографии известного конструктора и военный период его биографии без сомнения представляет значительный интерес и этот интерес также обусловлен тем, как отмечает автор рецензируемой статьи, что М.Т. Калашников оставил множество воспоминаний о своей жизни, которые продолжают оставаться главным источником информации о его биографии в широких общественных кругах.

Научная новизна исследования обусловлена постановкой проблемы и задач исследования. В данной работе фактически впервые предпринята попытка сопоставления библиографических воспоминаний М.Т. Калашникова и фактор его биографии по имеющимся документам о его ранении и участии в боевых действиях и т.д. Стиль, структура, содержания. Стиль работы академический, есть элементы описательности. Структура работы в целом подчинена цели исследования и ее задачам. Содержание статьи логично выстроено и последовательно изложено. В начале статьи автор рецензируемой статьи пишет об актуальности исследуемой темы и отмечает, что «научная, в строгом смысле этого понятия, биография М. Т. Калашникова на данный момент не написана». Далее он отмечает, что «работы в рамках научного изучения

биографии конструктора постепенно ведутся, чему способствует публикация документов и их изучение в последнее десятилетие. Однако, этот процесс находится лишь в своей начальной стадии». Автор исследует воспоминания Михаила Тимофеевича Калашникова его военном периоде в двух наиболее известных биографических работах «Записки конструктора – оружейника», которая вышла в 1992 г. и в работе «Траектория судьбы», которая была издана в 2004 г. Отмечает некоторые нестыковки времени его ранения по воспоминаниям и данным госпиталя, где был М.Т. Калашников, а также выявляет «аберрацию» памяти конструктора в этих воспоминаниях. В статье представлен хороший обзор работ по биографии конструктора, написанный в разный период времени его библиографами, отмечаются достоинства этих работ и выявляются вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Библиография работы разнообразна и обширна: она состоит из архивных источников из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), научных работ, касающихся боевых действий на Брянском фронте в августе-октябре 1941 г., (где получил ранение конструктор), воспоминаний самого М.Т. Калашникова, статей и других материалов о жизни и деятельности М.Т. Калашникова, а также материалов о созданном М.Т. Калашниковом оружии. Библиография показывает, что автор хорошо разбирается в теме исследования. Библиографический список работ составляет 31 источник. Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов. Кроме того, апелляция к оппонентам есть и в библиографии, которая достаточно многообразна.

Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес у специалистов и широкого круга читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. — Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.38690 EDN: ZXNDFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38690

Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью

Ильичев Антон Владимирович

Младший научный сотрудник, Музей-заповедник Героической обороны и Освобождения Севастополя.

299020, Россия, г. Севастополь, Пр. Генерала Острякова, 250-Б, кв. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.9.38690

EDN:

ZXNDFN

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2022

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем военной системы Российской империи в гг. правления Николая I. Предметом исследования выступает военная организация Российской империи в середине XIX в. Объект исследования русская армия в Крымской войне (1853-1856 гг.) В центре внимания находятся вопросы организации вооруженных сил империи, подготовка рядового и офицерского состава, материально-технического и пенсионного обеспечения, а также военного производства в середине XIX в. Традиционно в отечественной историографии основными недостатками военной системы называлось техническое отставание Российской империи от европейских армий и крепостническое устройство отечественной державы. В ходе изучения темы было выявлено, что вопрос вооружения не был фундаментальной причиной послужившей поражению империи в конфликте. Солдаты набранные по рекрутской системе наборы не могли эквивалентно противостоять европейским армиям, основанным на системе конскрипции или добровольного набора. Тяжелые условия службы в армии Российской империи в XIX в., привели к полному истощению резервного запаса, что отчетливо проявилось в гг. Крымской войны (1853-1856 гг.). В сочетании с существенными недостатками в подготовке рядового и офицерского состава, это привело к абсолютной

гегемонии союзной армии в полевых сражениях. Многие из этих проблем были известны высшему военному и политическому руководству страны, которое инициировало ряд военных реформ по их исправлению. Реализовать эти изменения Николаю I до начала Крымской войны не удалось. Уже после конфликта под руководством военного министра Миллютина Д.А., в рамках «Великих реформ 1860-х гг.» многие из этих проблем были в той или иной степени разрешены. Исследование носит общий характер, и данная тема требует дальнейшего детального исследования каждого из аспектов, упомянутых в работе.

Ключевые слова:

Русская армия, Российская империя, Николай I, Крымская война, Павел I, Военное дело, Рекрутская система, Конскрипция, Военное образование, Военная промышленность

Крымская война является сложной страницей в отечественном и зарубежном историческом дискурсе. С одной стороны, события 1853-1856 гг. продемонстрировали мужество, героизм, стойкость и храбрость русского народа, проявленную в ходе Синопского сражения, обороны Севастополя (1854-1855 гг.), боевых действий на Кавказе. Обратной стороной медалью является трагический итог «Русской Илиады», завершившийся тяжелыми условиями Парижского мирного договора. Традиционно, к главным причинам поражения Российской империи в войне относят техническое отставание русских войск от зарубежных армий [\[6\]](#),[\[19\]](#),[\[21, с. 90\]](#),[\[2\]](#). Акцентирование внимания на данной проблематике является не только ошибочным, но и уводит дискурс с обсуждения тех недостатков военной организации империи, приведшим к столь трагичному исходу.

Перед тем как перейти к рассмотрению проблем военной системы Российской империи середины XIX в., стоит уделить несколько слов вопросам вооружения. Миф о серьезном техническом отставании русских войск и факторе «нарезного оружия» был подробно развеян современными исследователями. На начало Крымской кампании лишь 75 процентов английской армии была вооружена новыми винтовками Минье, в то время как у французов они находились на вооружении лишь у Зувов и гвардии. Нарезное оружие было и у русских войск. Хотя и не в таком большом количестве [\[4, с. 98\]](#),[\[71, с. 15-24\]](#).

Основные причины поражения русской армии в Крымской войне крылись в фундаментальных основах организации русской войной системы того периода. Многие из этих недостатков не были исправлены к XX в., что сыграло немалую роль в поражении империи в Русско-японской и Первой мировой войне.

Советский историк Бескровный Л.Г. писал о том, что генезис деструктивных начал в русской военной системе был заложен в период правления императора Павла I [\[5, с. 10\]](#). Схожих по смыслу воззрений придерживались, и другие авторы отмечая бездумное копирование императором прусской военной машины [\[37, с. 228, 239-240\]](#),[\[74, с. 15-18\]](#). Столь критический взгляд на реформы Павла I является устоявшимся в отечественной историографии. Военный историк Керновский А. справедливо отмечал по этому поводу: **«Император Павел Петрович является самым оклеветанным монархом русской истории. Его не оценили современники, не поняло потомство, глядевшее на события глазами современников. В нем видели лишь самодура, сославшего за**

плохое равнение прямо с вахтпарада в Сибирь Конную Гвардию, деспота, запретившего слово «гражданин», ношение фраков и круглых шляп «как оним безбожным французским режисидам свойственных» — и красившего все шлагбаумы и караульные будки Империи под цвет перчаток своей фаворитки. Не видели, не хотели видеть ни высоко рыцарственной его души, ни доброго и отзывчивого сердца вспыльчивого, но отходчивого Императора, ни, самое главное, грустно и ненормально проведенного Цесаревичем времени в стороне от трона, почти что в ссылке» [\[34\]](#)

За последние годы современные исследователи, на основании широкой источниковой базы, начали пересматривать устоявшиеся взгляды на реформы Павла I. В основе военного реформирования русского императора легла цель избавить военную систему империи от недостатков, что получили бурное развитие в период его матушки. Навести порядок в строевой подготовке и военных уставах, избавить вооруженные силы от казнокрадства, злоупотреблений, наладить дисциплину в войсках и материальное обеспечение солдат и офицеров.

Первый удар был нанесен по **«привилегиям офицерского сословия»**. Дворянство, согласно, замыслу Петра I должно было стать основой и наиболее отборной частью офицерского корпуса. Однако с эпохи дворцовых переворотов начинается постепенный процесс по расширению их сословных свобод. Пик этих процессов достигается в период правления Екатерины II. Служба дворян в армии из обязанностей превращается в формальность.

XVIII в. по многим параметрам и показателям является пиком славы русского императорского оружия. Однако за фасадом гениев Суворова А.В. и Румянцева П.А. скрывались неприглядные проблемы в военной отрасли, что требовали существенной реформации. Особенно это характерно для конца XVIII в., когда власть в империи сосредотачивается в руках фаворитов Екатерины II. В это время военная сфера активно страдает от: коррупции, злоупотреблений (в том числе и в системе чинопроизводства, когда повышение по службе получали, преимущественно, за личные связи и происхождение, а не за способности), значительного падения дисциплины в гвардейский подразделениях [\[65, с. 278-314\]](#),[\[70, с. 39, 148\]](#),[\[1, с. 141-146\]](#),[\[32, с. 7-17\]](#),[\[51, с. 6\]](#),[\[52, с. 134\]](#),[\[34\]](#).

Павел I начал бороться со всеми этими деструктивными процессами решительно и кардинальным образом. В первую очередь, в 1796 г. был принят «Воинский устав о полевой пехотной службе», что значительно способствовал в преодолении злоупотреблений в адрес нижних чинов [\[56, с. 247\]](#). За 4 года правления императора Павла I был принято воинских уставов больше чем за все предшествующие годы существования империи [\[72\]](#). Большинство положений из этих документов продолжало действовать и в XIX в.

Следующим шагом стала ревизия офицерского состава, в ходе которой были исключены все офицеры, формально числящиеся в войсках [\[74, с. 131\]](#),[\[34\]](#).

В годы правления Павла I было значительно улучшено вещевое снабжение в войсках. Вот как пишут об этом авторы XX в.: **«Ввиду недостатка на рынках сукна, его дорогоизны и дурного качества Император Павел I сделал распоряжение о том, чтобы сукна для генералов и офицеров заготавливались при посредстве комиссариата, и эту трудную задачу он выполнил с успехом... Обмундирование и**

снаряжение войск, по-видимому, находились в хорошем состоянии. Установленные в то время вещевые отпуски нужно признать вообще достаточными. При Павле I войска были лишь недовольны покроем одежды» [69, с. 123].

Быт солдат при Павле I был значительно улучшен благодаря постройке казарм и расквартирования в них личного состава, увеличение жалования, улучшение медицинской службы, запрету на вольные работы, вводу наград для рядового состава (знак отличия ордена св. Анны) [35, с. 88], [34].

Изменения в униформе проведенные Павлом I были также подвергнуты значительной критике современниками. За основу преобразований был взята прусская форма времен Фридриха II и часть униформы образца 1763 г. (это касалось штанов). В отличие от прусской русская пехотная униформа не имела столь вычурной и богатой отделки, а также не обладала серьезными различиями между офицерскими и рядовыми образцами. Павловское обмундирование было детально рассмотрено Е.И. Юркевич в статье «Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.): Анализ и оценки». В работе автор выделяет следующие положительные черты реформы: унификация обмундирования, введение «темно-зеленого» цвета в качестве основного, почти во всех родах войск, появление овчинной безрукавки и шинели на зимнее время [75, с. 181, 185]. Из достоинств реформ Павла I в этой области Юркевич Е.И. выделяет улучшение вещевого снабжения и удешевление гвардейского обмундирования со 120 рублей до 22 [75, с. 183]. В своей работе автор приходит к выводу о том, что форма Павла I была достаточно удобной и практичной и подходило под линейную тактику ведения боя. Ряд элементов с небольшими изменениями дошли и до XX в. При этом Юркевич Е.И. отмечает, что форма Александра I и Николая I была более неудобной и непрактичной для солдат [75, с. 183, 184, 186]. Эту точку зрения подтверждают и другие униформологи. Татарников К.В. пишет по этому поводу следующие: «...Что же касается функциональных свойств, то еще большой вопрос, насколько введенный при императоре Александре кивер со множеством украшений был удобнее треугольной шляпы, короткого фрачного покрова мундир с жестким стоячим воротником и наглухо застегнутый на все пуговицы в любую погоду – кафтана с камзalom, а широкие крест-накрест надетые амуничные ремни, порой до онемения сдавливающие плечи и грудь, и носимый на спине ранец – прежней амуниции... По сути, «Павловский мундир обладал только одним, но очень серьезным, с точки зрения носивших его людей, недостатком – он был немоден» [64, с. 37-38]. Реконструктор и униформолог Егоров В.И. описывал свои впечатление от Александровского костюма следующими образом: «Шинель – превосходная, наиудобнейшая вещь... однако, обратившись в скатку и заняв положенное место в системе амуничных ремней, она много теряет из своих полезных качеств. Пресловутые ремни – сплошь плечевые... Сначала надевается тесачная перевязь (с тесаком); затем, накрест – сумочная (с патронной сумкой). Далее следует скатка, скатанная как можно тоньше. И, наконец, поверху все «запечатывается» ранцем на двух плечевых ремнях с одним поперечным. Правильно снаряжаться самому нельзя – нужна помощь товарищем... Полученный результат напоминал кокон. Все предметы абсолютно неподвижны и в значительной степени нефункциональны. Из ранца ничего не достанешь... Привязанная к нему манерка привязана намертво: есть водица, нет ее – все равно не отхлебнешь... Через пару часов пребывания в регламентной «упаковке» ... начинали затекать руки, плечи,

томилась в дискомфорте грудная клетка» [\[20, с. 48\]](#).

Негативные оценки Александровской формы встречаются и в дореволюционный период [\[29\]](#).

Павловские реформы по своему объему требуют комплексного рассмотрения в отдельном исследовании. В рамках этой работы мы можем лишь отметить, что они заложили основы и задали последующий вектор для развития военного дела в России в XIX – начале XX в. Профессор Фишер А. писал по поводу Павловских реформ: «Военные реформы Павла сводились к более четкой организации, быстрой мобилизации и большей маневренности армии, ... имели целью также унификацию обучения и ликвидацию коррупции» [\[18, с. 368\]](#).

К началу Крымской войны вооруженные силы Российской империи были организованы по Прусско/французскому образцу. Полевая армия состояла из 4-х корпусов, по три пехотных, одной кавалерийской и артиллерийской дивизии в каждом. Дивизия образовывалась из двух бригад, по два полка. Полк мог включать от трех до шести батальонов. На момент Крымской кампании Российская империя могла выставить армию численностью почти в миллион человек [\[77, с. 13\]](#). На первый взгляд, эта цифра может впечатлить. Однако при детальном рассмотрении, можно отметить, что эта численность отнюдь не была соразмерна качеству войск. Напрямую это можно связать с действующей системой комплектования войск и системой подготовки.

В середине XIX века русские войска пополнялись за счет «рекрутского набора». На 20-25 лет военной службы призывались представители податного населения Российской империи. Учитывая, что большую часть этой категории граждан составляли крестьяне то основное бремя по комплектованию вооруженных сил ложилась именно на них. Несмотря на один из самых высоких темпов прироста населения в Европе, русская армия регулярно испытывала недостаток в кадрах [\[5, с. 6\]](#). Это было напрямую связано с экономической системой Российской империи, базисом которой служил крепостнический строй. Помещики регулярно саботировали расширение рекрутских наборов, поскольку были заинтересованы в сохранении своей рабочей силы. Кроме того, рекрут, что возвращался после воинской службы был освобожден от несения крепостнической повинности.

Существенная прослойка русского населения (дворяне, купцы, духовенство) была и вовсе освобождена от несения воинской службы, а это от 5 до 6 млн человек.

Крестьяне были в своей массе малограмотны или вовсе безграмотны, что с военной точки зрения наносило существенный вред качеству подготовки войск. Британские историки Дж. Суитман и П. Мерсер добавляли к этому еще один тезис о том, что насиливо призванный в русскую армию крестьян заметно контрастировал в вопросах морально-мотивационных качеств с европейскими армиями набранными за счет добровольцев [\[62, с. 203\]](#). Схожей точки зрения придерживался и виднейший советский военный историк, последователь школы Х. Дельбрюка, Свечин. А.А. Вот что он пишет: **«В николаевской армии не было ни того сдерживающего начала, которое вносит в вербованные армии доверие в вербовки, ни того бережливого отношения к солдату, которое является естественным следствием общей, распространяющейся на все классы воинской повинности; в результате «здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке, насилиu щей пустых дадут» [\[57, с. 17\]](#).**

Рекрутская система и длительный срок военной службы наносили существенный урон по такому важному элементу, как военный (мобилизационный) резерв. Это привело к тому,

что русская армия состояла из двух совершенно отличающихся по качеству войск частей: отлично подготовленной действующей армии и практически полностью недееспособной резервной [22, с. 409]. В прусской армии рекрут мог выйти в отставку уже спустя 8 лет службы, в то время как в русской это было возможно сделать, при самом благоприятном исходе, лишь спустя 13-15 лет [57, с. 16], [5, с. 77]. В сочетании с проблемами снабжения и недостаточным уровнем развития медицинской части, большая часть из 212 тысяч запасников не могла служить из-за проблем со здоровьем [57, с. 16], [33, с. 277], [22, с. 410], [24, с. 19]. О серьезных проблемах в снабжении русской армии провиантом пишет, и полковник С.В. Гаврилов в своем исследовании «Особенности интендантского снабжения в Русской армии в первой половине XIX века». Приведем пример из его исследования который напрямую касается Крымской войны. За снабжение гарнизонов, защищавших побережье Крымского полуострова отвечали небольшие провиантские магазины [10, с. 62]. Их ассортимент пополнялся за счет поставок из материковой части посредством гужевого транспорта. Общее качество дорог в Таврической губернии, еще до войны оставляло желать лучшего, о чем нам известно из воспоминаний лиц, посещавших регион [73, с. 19]. С началом боевых действий в Крыму общее состояние сухопутных транспортных путей значительно ухудшилось. Уже в сентябре 1854 года, ассортимент упомянутых магазинов заканчивается, из-за чего все вопросы снабжения провизией ложатся на Симферопольскую провиантскую комиссию. Это приводит к прямой угрозе голода вооруженных сил в Крыму, которую благодаря ряду меру удалось впоследствии избежать [10, с. 62]. О прямой взаимосвязи вооруженных сил государства с экономической и логистической системой писал еще барон Кольмар фон дер Гольц (прусский генерал, автор реформ османской армии в 1880-х гг., позволивших туркам выиграть в войне с Грецией в 1897 году) в своей работе «Вооруженный народ/Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время»:

«Современная армия как-то чудовище, нуждается в постоянной питании и, как Антей (прим. Антей – в древнегреческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, что черпал свою силу от соприкосновения с землей), сохраняет свою силу только до тех пор, пока она в состоянии черпать ее от матери-земли, т.е. отечества» [14, с. 427]

О проблемах снабжениях в Крымской войне и осажденном Севастополе пишет Степенов П.И, ординарец генерал-лейтенант Хрулева С.А.:

«Больно видеть, что все труды Горчакова и Затлера портятся бесчестными исполнителями. Какой-нибудь командир роты подвижного магазина наживает в месяц от тысячи до двух тысяч рублей; скот заморен и ни в одной роте нет комплекта. В Бахчисарае сожгли запасы сена во избежание проверки.... Еще более воровали смотрители; не говоря уже о дровах которые чуть не продавались на вес золота; палаты нагревались дыханием больных. Сено и солома менялись в туфяка очень редко, потому что отпускалось по 2 руб. на пуд и на туфяки тифозных бессовестно клали других и прививали тиф. Белье тоже стирали редко, хотя отпускали деньги на прачек – но на это употреблялись слабосильные, а расход велся исправно и отчетность на бумаге была в совершенстве» [61, с. 43, 50].

О схожих проблемах сообщает другой участник Крымской войны и обороны Севастополя Милошевич Н.С.:

«Крымская армия после Инкерманского сражения не могла вывести в строй и 30 000

штыков, болезни же и госпитали ежедневно сокращали ее. Состояние госпиталей было ужасно; в медиках чувствовался крайний недостаток, а медикаментов и госпитальных принадлежностей и вовсе не было. Но преобладающие препятствие к военным операциям заключалось в недостатках продовольствия: интендантской части в армии не существовало, страна была разорена, дороги непроходимы и о сборах в Севастополе 7 дневного продовольствия на 30-40 т. человек нельзя было и помышлять» [\[39, с. 31\]](#).

Штаб-ротмистр Е. Арбузов в своих воспоминаниях писал следующее:

«Вообще, санитарная часть при войсках в то время оставляла желать весьма многое. В бинтах и корпии (прим. Разделенная на нити льняная или хлопчатобумажная ветошь, используемая в качестве перевязочного материала) чувствовался страшный недостаток, а между тем, кладовые симферопольской почтовой конторы были ими переполнены, вследствие громаднейшей их присылки со всех концов России. Корпия и бинты были только при лазаретных фурах и употреблялись как драгоценность; у солдат же при себе ни у кого их не было... До выхода на зимние квартиры, продовольствие людей и лошадей было весьма жалкое. Зачастую приходилось дня по три не иметь ни сена, ни овса; сухари и крупа выдавались людьми неаккуратно, а водки они не видали более двух месяцев. Бывшими при войсках маркинантами предметами продовольствия продавались по баснословно-высокой цене...» [\[3, с. 393, 407\]](#)

Ряд авторов, на основании «высокого мобилизационного потенциала» Российской империи и огромного количества военнослужащих, выдвигают тезис о том, что «несостоятельность Николаевской военной машины – миф» [\[36, с. 57-59, 79-82, 182\]](#), [\[78, с. 243\]](#). Сложно оспорить тот факт, что русская армия накануне Крымской войны являлась одной из самых многочисленных армий на континенте, как и то что в годы войны удалось мобилизовать огромное число рекрутов. Однако «состоительность/несостоятельность» любой военной машины не зависит от количества вооруженных сил. Военной науке, еще с давних времен было известно, что войны выигрываются не количеством, а мастерством. Было это известно и в дореволюционной России:

«Все европейские армии соперничают между собой в улучшении технических достоинств ружей и в общем стремлении улучшить огонь пехоты. Много сил тратится на изобретения и выбор лучшего оружия, миллионы издерживают государства на его приобретение. Но дабы сила армии возрастила пропорционально сделанным затратам, необходимо, чтобы искусство стрельбы стояло на одном уровне с достоинством оружия. Пули, выпущенные из ружья, направленного неопытной рукой будут зарываться в землю или лететь через головы неприятеля, независимо от достоинства оружия» [\[7, с. 256\]](#)

Недостаток базы резервистов Николаевской системы привел к тому, что правительство было вынуждено в массовом порядке призывать рекрутов без какой-либо подготовки и обучения [\[40\]](#), [\[24, с. 18\]](#). Естественно, такие соединения не могли наравне противостоять профессиональным армиям Англии и Франции. Таким образом армия Российской империи в XIX имела чрезвычайно большой личный состав для мирного времени, но абсолютно недостаточный в случае ведения войны.

Проблемы содержания касались не только рядового, но и младшего офицерского состава. Жалования обер-офицеров редко хватало даже на удовлетворение рядовых потребностей [\[50, с. 288\]](#). В этой связи, офицеры, не имевшие других источников дохода

были вынуждены обращаться к благодетелям или ростовщикам. Финансовые проблемы касались и пенсий. Получение полного пенсионного оклада было возможно, в случае достижения штаб-офицерского чина и общей выслуге в 35 лет. В германской армии пенсия для военных выплачивалась лишь в случае неспособности продолжить дальнейшую службу (по возрасту или здоровью). Кроме того, они трудоустраивались государством в корпусе земских жандармов и гражданской службе. Половинчатая пенсия (подполковника), в случае более раннего ухода в отставку, чем по обозначенным выше условиям составляла [43, с. 378-380]: 215 рублей. Прожить исключительно на эту сумму человеку, особенно семейному, было практически невозможным [44, с. 178]. Проблема пенсионного обеспечения по инвалидности затрагивается в статье «О назначении пенсий из инвалидного капитала» в Военном сборнике от января 1894 г. Автор подвергают сомнению тезисы, озвученные историком Соловьевым в его монографии «Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции»:

«1) пенсии из инвалидного капитала назначать раненым всех трех классов, но не по чинам, а по классам ран, причем установить только три размера пенсии: один – для раненых 1-го класса, другой – для 2-го класса и третий – для раненых 3-го класса. 2) пенсии назначать раненым только по увольнению в отставку» [46, с. 153].

По мнению автору статьи такое решение нецелесообразно поскольку у более высоких чинов значительно шире спектр обязанностей, а также потребностей что несомненно влечет за собой необходимость более высоких пенсионных выплат [46, с. 153-155]:

«Чины, как и вообще, служебное положение, расширяют круг и размеры потребностей, например: генералу квартира нужна обширнее и приличнее нежели обер-офицеру...» [46, с. 155]

Финансовые трудности затрагивали не только унтер-офицеров, но и обер-офицеров. В статье Военного сборника от 1870 г. рассматривающая офицерские вспомогательные капиталы автор пишет следующее: **«Большое число желавших получить заем из офицерского капитала обуславливалось, в свою очередь, недостаточностью средств офицеров, как вследствие увеличивающейся из году в год дороговизны на все жизненные потребности, а потому и чрезмерного удешевления денег, так и по непривычке к бережливости и, в то же время, различных затей, несообразных с ограниченными средствами офицера.... В полковой офицерской сумме, обладателями капитала чистого, необременённого долгами, были, по большей части, только офицеры, вполне обеспеченные какими-либо частными средствами: доходами с имения, у кого оно было, процентами с капитала, полученного по наследству, или кое-каким денежным пособием от достаточных родителей... Из людей же бедных, ни вотчин, ни капиталов, не имевших, к числу счастливых обладателей «чистого» офицерского капитала, принадлежали только старослужащие офицеры, обладавшие в то же время большими средствами, большой опытностью и большим умением жить. Остальное офицерство было, что называется, кругом в долгах»** [45, с. 306].

Стоит отметить, что проблемы с содержанием офицерского корпуса были характерны не только для Российской империи, но и для других держав того времени, в частности Великобритании [38], [68]. О неблагоприятном финансовом положении офицерского корпуса писал и А. И. Деникин в своей работе «Путь русского офицера» [16].

Серьезной проблемой русской армии Николаевской эпохи являлось и качество командного состава. Офицерский корпус в это время комплектовался за счет: выпускников академии, добровольно поступивших на службу (преимущественно дворян) и по набору. Первая категория была малочисленной и в своей основе поступала на службу в гвардию. Относительно, второй категории то именно она представляла основу пополнения офицерского корпуса. Сдав несложный экзамен на юнкера, дворяне поступали на службу где уже через несколько лет могли получить офицерский чин. Унтер-офицеры по набору, для той же цели (получения офицерского чина) должны же были прослужить 10-18 лет в качестве унтер-офицера, сдать сложный экзамен и пройти испытательный срок в один год [\[23\]](#).

Известный советский историк П.А. Зайончковский писал о низком качестве подготовки офицерского состава в дореформенный период [\[24, с. 29\]](#). Это проблема касалась не только второй, но и первой категории. Зайончковский П.А. пишет по этому поводу: **«Объем знаний общеобразовательных предметов, получаемых в кадетских корпусах, был очень невысок, а качество преподавания находилось на крайне низком уровне, что объяснялось общим состоянием просвещения в дореформенную эпоху и определенной его направленностью»** [\[24, с. 30\]](#). Объем, непосредственно, военных знаний в профильных учреждениях был чрезвычайно мал, а акцент делался на строевой подготовке. Это приводит к тому, что большая часть офицерской прослойки после выпуска не была осведомлена о специфике службы. Стоит отметить, что даже при столь существенных проблемах, в вооруженных силах продолжали сохраняться традиции Суворова и Кутузова. Как справедливо отмечает, сам П.А. Зайончковский: **«из учебных заведений выходили не только «герои» смотров и плацов, но и подлинные герои – герои Севастополя»** [\[24, с. 31\]](#).

Сравнительно полная система чинопроизводства в России была введена с установлением конскрипции в период реформаторства Милитина Д.А. До этого в императорской армии пользовались принципом, заложенным еще Петром I. Естественно, что по мере развития государства и военной науки, он значительно расширялся и дополнялся новыми положениями и пунктами. В Пруссии строгая и эффективная система чинопроизводства была сформирована в 1808 году (и с того периода сильно не изменялась). Во Франции схожие преобразования прошли в 1838 году. А в Австрии лишь в 1866 году.

В основу чинопроизводства Петра I был положен принцип личностных заслуг, что позволяло пробиться многим талантливым и способным офицерам, в независимости от происхождения [\[66, с. 35\]](#). Уже с периода «Дворцовых переворотов», реформы Петра I в этой области начинают дополняться. К середине XIX века это приводит к излишней бюрократизации и нагромождению всей системы чинопроизводства. Многие положения, буквально, были взаимоисключающими [\[31, с. 267\]](#). Императрицами Анной Иоанновной и Екатериной II в эту систему был внедрен фактор, что негативно сказался на качестве всего офицерского состава в дальнейшем – принцип повышения по «старшинству и достоинству» [\[54\]](#). Он привел к значительному увеличению коррупции в системе чинопроизводства. Фактически получить дальнейшее повышение без чьего-либо покровительства или связей было почти невозможным. Это положение привело к серьезному недовольству прослойки офицеров, что не принадлежали к знатным домам и не имели покровителей [\[9, с. 73\]](#).

Проблемы в системе чинопроизводства не были особенностью Русской императорской

военной машины, а были характерны в той или иной степени для всех европейских армий XIX – начала XX в. Во Франции офицер мог получить штаб-офицерский чин лишь после 40 лет [63, с. 98]. В Германской армии обер-офицер чтобы получить чин капитана или ротмистра должен был прослужить 14-16 лет, а для получения штаб-офицерского – 20-25 лет [42, с. 183]. В Великобритании и вовсе существовала вплоть до конца XIX в. порочная практика покупки офицерских чинов, что привела к полному вымыванию профессиональных военных кадров в офицерском корпусе.

Американский историк Р. Рииз в своей работе «The Imperial Russian Army in Peace, War, and Revolution, 1856–1917» выдвинул тезис об отсутствии в России, накануне Крымской войны офицерского корпуса как профессиональной военной организации. Аргументацию своей точки зрения, автор начинает с того, что офицеры Русской императорской армии определяли свои личные и корпоративные интересы не как военной структуры, а как социального класса [76, с. 28]. В качестве доказательной базы Р. Рииз приводит данные исследований Джона Киипа и П. Зайончковского по этому вопросу. Джон Киип пишет о том, что общественный климат в России не способствовал формированию горизонтальных связей среди офицеров [79, с. 232]. Помимо этого, он отмечает, что сама идея отсутствия в дореволюционной России такого явления как офицерского корпуса не нова. Она берет свое начало еще в XIX веке и связано с наблюдениями Шедо-Ферроти писавшего об отсутствии у русских офицеров того что французы называют «esprit de corps».

Р. Рииз пишет о высоком уровне конфликтности в офицерской среде русской императорской армии: конфликт между потомственными дворянами и личными дворянами, богатыми и бедными, дворянами и не дворянами [76, с. 30]. Из доказательств он также приводит выдержку из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого:

«Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов аристократ, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного; для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин аристократ, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом, и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов аристократ, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово аристократ. Зачем подпоручик Зобов так принужденно смеется, хотя ничего нет смешного, проходя мимо своего товарища, который сидит с штаб-офицером? Чтобы доказать этим, что, хотя он и не аристократ, но все-таки ничуть не хуже их. Зачем штаб-офицер говорит таким слабым, лениво-грустным, не своим голосом? Чтобы доказать своему собеседнику, что он аристократ и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает руками и подмигивает, идя за барыней, которую он в первый раз видит и к которой он ни за что не решится подойти? Чтобы показать всем офицерам, что, несмотря на то, что он им шапку снимает, он все-таки аристократ и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в аристократах не нуждается, и т. д., и т. д., и т. д.» [67].

На первый взгляд, мнение американского историка можно представить, как попытку принижения и умаления офицерского корпуса в России, что отлично ложится в рамках современного русофобского дискурса в мире. Однако при более детальном рассмотрении вопроса он приобретает несколько иную грань. Описанная Р.Риизом высокая конфликтности в офицерской среде русской императорской армии середины XIX

в. отчетливо коррелирует с общими закономерностями и проблемами социально-экономического развития империи. Подтверждения этого встречается и в работах отечественного историка П.А. Зайончовского [24],[25],[26],[27].

Приведем несколько примеров демонстрирующие конфликты в офицерской среде из воспоминаний участников Крымской войны:

«К сожалению, в их убеждениях тайной пружиной был эгоизм. Удачное сражение из города устранило их от славы, которая досталась бы севастопольским начальникам, а Вревский за тем и приехал, чтобы составить себе славу боевого генерала; ему мало было репутации умного и полезного кабинетного администратора» [\[60, с. 43\]](#).

«Не могу умолчать, как я был поражен лично увидевши образ жизни интенданских чиновников, которые собирались в кружек, начинали кутить и играть в азартные игры, так что пред каждым субъектом на зеленом столе образовывались большие кучки золота, которые часто переходили от одного субъекта к другому; при этом происходили между ними разные недоразумения и крики, но до драки не доходило» [\[55, с.50-51\]](#).

«Из того письма, где я тебе описывал Меньшикова, видно, что я правду говорил: он не годится в полководцы, скупердяй, – верно, весь род такой, доказательство Суза, – сухой саркаст, отъявленный эгоист – это ли полководец. Как он запустил администрацию, все сообщения, всю медицинскую часть. Это ужас! И взамен, что же сделал в стратегическом отношении? Ровно ничего. Делал планы, да не умел смотреть за исполнением их, потому что ему не доставало уменья на это; он не знал ни солдат, ни военачальников; окружил себя ничтожными людьми, ни с кем не советовался; – ничего и не вышло» [\[53, с. 115\]](#)

«И действительно, если нижние чины никогда не нарушали чинопочитания и субординации, то начальники частей часто уклонялись от точного исполнения приказаний, и чем выше были они в чинах, тем более считали они себя в праве своеизвольничать во имя высших соображений. Князь Мешьшиков не без основания говорил, что у него в Крыму были генералы, могущие командовать частями, но ни одного не было, который умел бы повиноваться» [\[8, с. 213\]](#).

Р. Рииз отмечает, что подобная проблема была характерна не только для России, но и Великобритании и Пруссии. После Крымской войны Д.А. Милютин в рамках военной реформы попытался разрешить эту проблему путем: 1) увеличение числа военных учебных заведений 2) повышение сложности экзаменов 3) расширение социальной прослойки офицерского состава путем увеличения в нем представителей рабочего класса.

Проблема военного образования, когда большинство офицеров было плохо осведомлено о военном деле и практически не имело боевого опыта отчетливо проявилась в годы Крымской войны. Вместе с этим вскрылись еще одни болезные точки, связанные с офицерским корпусом – пассивность генералитета и неясность в формулировках приказов.

Николая I уделял особое внимание развитию военного образования [\[11, с. 90\],\[13, с. 1\],\[12, с. 11\]](#). В годы его правления, фактически, происходило полное формирование системы военного образования в Российской империи на иностранный (современный) манер. Однако, как отмечает генерал-майор Генерального Штаба Н.П. Глиноецкий первые 20 лет этого процесса характеризуются значительными трудностями и постоянными

кадрильными преобразованиями учебных программ [13, с. 38-39]. Из недостатков этого периода автор относит и чрезмерное увлечение строевой подготовкой [13, с. 46-47]. Процесс создания централизованной, современной системы является сложным и длительным, в силу чего благие начинания Николая I были завершены лишь в эпоху «Великих реформ».

В выпуске Военного сборника от 1896 года была опубликована статья «Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне» [17]. В ее рамках автор разобрал битву при Верте, произошедшую в годы Франко-Прусской войны (1870-1871). Для прусской армии это сражение из великой победы чуть не превратилось в катастрофическое поражение. Как отмечает автор, причиной тому стала пассивность командующего армией и неясность приказов, данных генеральным штабом [17, с. 66]. Ровно эти же проблемы преследовали русскую армию в Крыму на протяжении всей Крымской войны.

В Альминском сражении главнокомандующий военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, генерал-адъютант А.С. Меньшиков выбрал изначально верную и правильную позицию. С.В. Ченнык в своей работе справедливо отмечает, что в этой битве А.С. Меньшиков выбором места сражения предвосхитил описанную генерал Гельмутом фон Мольтке «Фланговую позицию» [71, с. 34]. Позиция русских войск не позволяла флоту противнику за счет удаленности побережья, оказывать поддержку своим силам. А сухопутные части неприятеля были вынуждены атаковать противника в лоб, под шквальным огнем артиллерии или совершать длительные обходные маневры. Вероятнее всего, по замыслу А.С. Меньшиков русская армия должна была держа оборону, остановить наступление противника и воспользовавшись достигнутым успехом перейти в контратаку. Однако изначальный замысел с треском провалился, и русская армия не сумела удержать позицию дольше 4-х часов. Причиной тому было несколько:

1) Пассивность как самого главнокомандующего, так и его подчиненных. Русские офицеры были полностью привязаны к собственным позициям и отказывались пользоваться преимуществами маневрирования. Сам главнокомандующий не озабочился проблемами снабжения и организации тыловой части из-за чего в гуще сражения многие солдаты остались без боеприпасов.

2) Неясность в формулировках приказов и задач для офицерского состава. Кавалерия и вовсе не поучаствовала в сражении, хотя могла быть использована для того чтобы оттянуть часть вражеских сил.

3) «Тактическая безграмотность» командного состава. Отсутствие грамотного взаимодействия между пехотой и артиллерией (исключением являются события на Большом редуте), акцент на лобовых штыковых атаках, игнорирование солдат, вооруженных штуцерными винтовками, использование устаревшей линейной тактики ведения боя.

Все эти проблемы преследовали русскую армию и в Инкерманском и Чернореченских сражениях. Остановимся подробно на последней болевой точке Николаевской военной системе – тактике войск.

Линейная тактика была разработкой прусских военных деятелей конца XVIII – начала XIX ст. Она представляла собой тактическую конфигурацию войск в сомкнутые построения в несколько (или одну) линий. В рамках линейной тактики от солдат и офицеров требовалось автоматическое выполнение команд и полное исключение

инициативы, как таковой. Таким образом войска в механическом способе добивались сплочение боевых порядков армии.

В первой половине XIX века проходила активная разработка концепта «глубокой тактики». Апологетом в этом направлении была Франция. Формирование «глубокой тактики» началось еще в революционной французской армии. Свой окончательный вид она приобрела благодаря реформам Наполеона I [\[5, с. 102\]](#). Эффективность новой тактики в сочетании с изменениями принципов комплектования, организации и обучения армии, была ярко продемонстрирована в ходе Наполеоновских войн.

В Российской империи разработкой «глубокой тактики» в войсках занимались П.Румянцев, А. Суворов, М. Кутузов. Вот как ее описывал П.А. Зайончковский:

«Глубокая» тактика предусматривала такой боевой порядок, при котором каждое воинское соединение эшелонировалось в глубину, в результате чего оно обеспечивалось своим собственным резервом. Кроме того, создавался особый подвижной резерв, располагавшийся также в глубине. Различным видам боя соответствовали различные построения: огневому — рассыпной строй, атаке — колонна..... Если в условиях линейной тактики требовалось лишь автоматическое выполнение команды, то в «глубокой» это заменялось приказом, требующим разумного выполнения» [\[24, с. 32\]](#).

Разработки великих русских полководцев предвосхитили реформы прусского ландвера, позволившие им одержать победу над французской военной машины. Однако должного развития эти идеи в дореформенной армии не получили. Вместо этого составители военных уставов 20-50-х годов пытались соединить положения линейной и глубокой тактики. Попытка объединить эти взаимоисключающие системы, была изначально обречена на провал. В результате военным ведомством были разработаны пять основных боевых порядков, на случай основных типовых ситуаций, что могли возникнуть в бою. Это приводит к естественному результату – уничтожению инициативы офицеров как таковой, поскольку вместо анализа текущей ситуации, они опирались исключительно на опубликованные порядки.

Акцент на «линейном учении» можно объяснить господствующими в русской императорской армии «Гатчинскими традициями», благодаря представителям Гольштейн-Готорпской династии (Павел I, Александр I, Николай I и Александр II) [\[57, с. 27\]](#). Русские императоры первой половины XIX века пытались активно перенести в русскую армию основные достижение и достоинства прусской военной системы. С одной стороны, адаптация передовых разработок, позитивно зарекомендовавших себя в других армиях, несет в себе лишь «положительный аспект». Однако слепое копирование, что было предпринято Павлом I вносит лишь серьезное деструктивное начало во всю вооруженную систему. К сожалению, в результате военного реформирования Александра I и Николая I закрепился лишь самый негативный аспект прусской военной системы – «прусская муштра». Она ставило перед собой цель подготовить солдат не к боевым условиям, а приданнию войскам красиво внешнего эффекта при парадах и смотрах [\[24, с. 33\]](#),[\[5, с. 106\]](#).

Стрельбе уделялось катастрофически мало внимания. Историк А. Керновский пишет, что на стрельбу в год отводилось всего 6 патронов на человека [\[33, с. 282\]](#). О незначительном количестве патронов, выделяемых для обучения стрельбе пишет и П.А. Зайончковский [\[24, с. 33\]](#). О проблемах с огневой подготовкой войск пишут в своих

воспоминаниях лица причастные к армии того периода. Так в воспоминаниях Давыдова присутствует следующий эпизод:

«После нескольких уроков с унтер-офицером, мы с Самарным полюбопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять, и к удивлению, нашему, узнали, что он, до малейших подробностей знающий все искусство метания, ружьем никогда не стрелял, да и не приходилось пробовать, ибо зарядов не выдавали для приучения к стрельбе...» [\[15, с. 46\]](#)

О упомянутых выше проблемах пишет, и автор «Из записок севастопольца»:

«Солдаты заботился только о том, что от него требовали – это чистота, выправка, темпы, но то что-то было действительно необходимым для войны, как «стрельба в цель», представлялась ему как прихоть начальства, поскольку многим отсутствием навыков стрельбы на смотрах сходила с рук... для него она представляла своего рода наказание поскольку на нее отводились часы, предназначенные для отдыха и смотрела на все сквозь пальцы...» [\[28, с. 1585\]](#)

Вместо стрельбы, на подготовку к которой выделялось время, предназначенное для отдыха, солдат тренировали на парады. Для того чтобы добиться эффекта, когда штык, остается монолитным (не колеблется при движении), а само ружье звенит при демонстрации тренировочных приемов, многие командиры шли на умышленную порчу снаряжения (ослабление винтов у винтовки) [\[33, с. 282\]](#).

О необходимости практической подготовки и стрельб с боевыми патронами писали еще дореволюционные авторы. Приведем отрывок из Военного сборника от 1911 г.:

«Чтобы поднять этот отдел подготовки, необходимо прежде всего перенести тактику, т.е. боевые приемы, на стрельбища и обратить их из больших тиров для стрельбы в цель в стрелковые участки для решения тактических задач с боевыми патронами. Дело это, конечно, нелегкое и требует больших затрат, но в данном случае цель оправдывает средства для ее достижения... Нашего солдата труднее научить многому, чем немца, француза и, быть может, даже японца. Но он несомненно обладает способностью понимать требования прямо на деле, по возможности, без отвлеченностей» [\[41, с. 3-4\]](#).

Стоит справедливо отметить, что о низком уровне огневой подготовки в пехоте было известно высшему руководству, накануне Крымской войны. В 1852 г. была проведена инспекторская проверка, по итогам которой государю-императору был предоставлен рапорт инспектора стрелковых батальонов генерал-лейтенант Рамзая со следующим содержанием [\[5, с. 110-111\]](#):

Шаги	Личный состав	Процент попадания (число попавших)
Батальонный состав застрельщиков в цепном порядке		
600	240	42 % (100 чел.)
800	-	48% (105 чел.)
1000	-	36 % (86 чел.)
1200	-	34 % (81 чел.)
Унтер офицеры и отборные стрелки		
600	80	70% (50 чел.)
800	-	40% (35 чел.)
1000	-	57% (46 чел.)

1200	-	48% (38 чел.)
Отборная команда		
400	64	70% (45 чел.)
500	-	64% (41 чел.)
600	-	45% (29 чел.)
800	-	42% (27 чел.)

С вопросам подготовки личного состава тесно связаны еще две проблематики Николаевской военной системы – это униформа и военное производство.

Советский историк Зайончковский П.А. в одной из своих работ писал о тяге представителей Романовых (за исключением Александра III) к изменениям в форме военнослужащих [25]. В своей основе они имели во-многом отрицательный характер, усложняя жизнь как военным в практическом аспекте, так и создавая дополнительную нагрузку текстильной промышленности.

Униформа Николаевской армии была предназначена исключительно на эффектный внешний вид при проведении смотров. Однобортные темно-зеленые мундиры были длиннее предшествующих двубортных. В пехоте были введены высокие сапоги. Кивер с султаном был заменен на каску прусского образца. Этот предмет обмундирования продержался 30 лет. Каска выглядела красиво, но не была удобна при походах. Кроме того, военное ведомство не переняло чехол на каску из-за чего кожа ссыхалась от высокой температуры [33, с. 277].

Военное производство страдало от экономической отсталости империи и эксплуатации устаревших технологических инструментов (крепостной труд). Все производство огнестрельного и холодного оружия осуществлялось тремя основными заводами: Тульским, Ижевским и Сестрорецким. Все эти предприятия были оснащены первоклассным, на тот период, оборудованием, и обеспечены первоклассными оружейными специалистами. Однако основная проблема кроится в эксплуатации крепостного труда, что приводило к низкой производительности фабрик и высокому проценту брака. Приведем несколько цифр.

Тульский оружейный завод был наиболее производительным предприятием. В 1855 году по приказу императора он сумел произвести 106 тысяч экземпляров нарезного оружия [47, с. 136]. Согласно планам военного ведомства оружейные заводы должны были производить в районе 100 тысяч винтовок в год. На Тульский завод приходилось изготовления 63 тысячи из них [47, с. 133]. По отчетам военного управления, удалось добиться лишь цифры в почти 90 тысяч винтовок и пистолетов в год [30].

Сестрорецкий оружейный завод должен был производить от 30 до 40 тысяч экземпляров стрелкового оружия в год. Вместо этого производительность предприятия составляла в диапазон от 1-й до 6-и тысяч винтовок [48, с. 366]. И лишь к 1859 году удалось добиться цифры в 12 тысяч винтовок [48, с. 366]. При этом само производство отличалось чрезвычайной дороговизной поскольку расходы на инфраструктуры и штат были предназначены для производства 30-40 тысяч ружей [48, с. 376].

На Ижевском заводе ситуация была несколько лучше. На момент 1858 года, предприятие должно было производить 27 тысяч ружей, из которых на деле изготавливалось 18 тысяч [48, с. 381]. Стоимость одной винтовки была в районе 17 рублей [48, с. 382], что было

дешевле чем на Сестрорецком заводе (26-27 рублей за винтовку) [\[47, с. 376\]](#).

Военное производство из-за эксплуатации крепостнического труда страдало от высокого процента брака. При изготовлении боеприпасов процентов бракованных снарядов доходил до страшной отметки в 60-80 процентов [\[59, с. 128\]](#). О высоком проценте брака в военном производстве было известно еще до начала Крымской войны. В 1847 г. генерал-лейтенант Н.О. Сухозанет и член Комитета об улучшении штуцеров и ружей полковник Б.Г. Глинка провели инспекцию на Тульском оружейном заводе [\[58, с. 229\]](#). По ее результатам были сделаны выводы о значительно браке в производстве ружей и необходимости перехода от ручного труда к механическому. Для этой цели они предлагали закупить у французского арсенала Шательро соответствующее оборудование [\[58, с. 229-230\]](#). Революция 1848 г. и ухудшение русско-французских отношений с приходом к власти Наполеона III привело к временной приостановке переговоров с арсеналом Шательро.

Не лучшая ситуация была и с производством артиллерийских орудий. Правительство Российской империи, до начала Крымской войны, уделяло недостаточном внимания артиллерийским заводам. В 1848 году вместо запланированных 572 орудий было произведено лишь 61 [\[24, с. 23\]](#). Изготавливать артиллерийской вооружение приходилось и на арсеналах в Санкт-Петербурге, Брянске и Киеве. Но состояние их не удовлетворяло современным стандартам производства вооружения. Многие пушки отличались низким качеством и нередко разрывались при стрельбе [\[24, с. 23\]](#).

В Николаевской военной системы, существуют два основных исключения из описанных выше проблем – Артиллерийский и инженерная служба, а также Кавказский корпус. Известный зарубежный исследователь военной истории XIX в. А. Ситон в своей работе «*Russian army of Crimea*», при общей негативной оценки подготовки и эффективности русских войск в Восточной войне, отмечает высокий, передовой уровень развития инженерной и артиллерийской службы:

«Артиллерия долгие годы занимает почетное место в русском военном наследии. Ее офицеры, как и инженеры, как правило, имели лучшее образование и более компетентных генералов чем в других родах войск.... » [\[77, с. 19-20\]](#).

Крымская война стала вооруженным конфликтом, выявившим многие серьезные недостатки русской военной организации первой половины XIX в. Боевые действия (полевые сражения) в Крыму продемонстрировали значительное отставание Российской империи как в социально-экономическом развитии, так и в отношении военной мысли. Использование устаревшей тактики ведения боя, отсутствие взаимодействия между генералами (в том числе из-за высокой конфликтогенности в офицерском корпусе), слабая подготовка обер-офицерского и штаб-офицерского состава, слабая организация системы снабжения – все это причины поражений русской армии в Крыму. Однако мужество, героизм, стойкость русского человека в сочетании с гением отдельных представителей военной отрасли (Липранди П.П., Нахимов П.С., Корнилов В.А. Тотлебин Э.И. и др.) не привели к ожидаемому союзникаминому разгрому русской армии в Крымской войне. Справедливо отметить, что союзные армии страдали от столь же серьезных проблем, связанных, как и с материально-техническим обеспечением войск, общим и частным управлением боевых сил, низким качеством подготовки рядового состава к сражениям с европейскими армиями. После Крымской войны начались фундаментальные изменения как экономической, так и военной системы Российской империи. Реформы военного министра Д.А. Милютина (1861-1881 гг.) сумели исправить

многие недостатки военной системы Николаевской эпохи, модернизировав русскую армию к стандартам передовых европейских армий, сочетая при этом дух Суворова-Руменцевской школы.

Обобщая весь спектр проблем связанных с Николаевской армией, уместно привести цитату уже упомянутого, в рамках работы Степанова П.И.:

«Грустное впечатление вывез я из Крыма. Сколько храбости, самоотвержения погибло от нерешительности, полумер, ошибок! Сколько людей погибло даром от злоупотреблений, воровства, беспорядков! Сколько денег растратчено на ветер, без пользы. Слава богу, что этим еще кончилось! И что могло остаться в памяти об этой войне – кроме соболезнования о нашем сильном, могучем русском царстве без цели, без уважительных причин растратившем свои силы? Что скажет история, конечно, основанная не на реляциях? Не на русский народ, не на солдат падает обвинение. Русский человек весь вылился в этой войне; он шел на бой, не понимая за, что он будет драться, но шел по безграничному высокому чувству покорности Государю и честно исполнил долг свой, дрался стойко и храбро, умирал хладнокровно! Конечно, не на войска падет обвинение; несправедливо и то, чтобы одно обучение армий, отставшее от перемен и улучшений в французский войск, было причиной наших неудач в Крыму; штуцера и развернутый фронт дали перевес неприятелю только в Альминском сражении; в остальных делах теснота на полях сражения уравновешивала действие стрелков.... Где же искать причины военных неудач, откинув в сторону политику? В нашей нерешительности, в самоуверенности, неясности предположений, в полумерах, в недостатках способных военных начальников и главное – в непростительном эгоизме, распрах и личностях между собой» [\[61, с. 50-51\]](#)

Библиография

1. Агеев В.В. Особенности формирования кадрового состава русской армии в эпоху «плац-парада» (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27).
2. Алилуева Н. Итоги и последствия для российской империи по окончанию Крымской войны 1853-1856 г. // Материалы национальной научно-практической конференции научно-педагогических работников и аспирантов, приуроченной к 20-летию гуманитарно-правового факультета. Воронеж, 2021.
3. Арбузов Е. Воспоминания о компании на Крымском полуострове в 1854-1855 гг. // Военный сборник. Год семнадцаты. №4, апрель 1874.
4. Айрапетов О. Крымская война. Популярный очерк. М.: REGNUM, 2017
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973.
6. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877
7. Взгляд на обучение стрельбе масс пехоты // Военный сборник. Год Семнадцатый. №4, апрель 1874.
8. Васильчиков В.И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова // Русский архив, 1891. Кн.6.
9. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
10. Гаврилов С.В. Особенности интендантского снабжения в Русской армии в первой половине XIX века // Военно-исторический журнал. №1, 2009.
11. Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом. СПб.: Типография И. Генералова. 1904.

12. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений 1770-1910. М., 1910
13. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882.
14. Гольц Кольмар фон дер. Вооруженный народ/Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время. СПб: Воен.тип., 1886.
15. Давыдов В. Самарин-ополченец // Русский архив. №5, 1877
16. Деникин А.И. Путь русского офицера. E-book.
17. Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне // Военный сборник. Год тридцать девятый. №7, июль 1896.
18. Донерт Э., Найбуэр Х. Русские цари. 1547-1917. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
19. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя в 3-х Т. СПб, 1900.
20. Егоров В.И. Наш XVIII век. Военный сборник. М.: Арт-Волхонка, 2014.
21. Жеребкин М. Крымская война: уроки на сегодня и завтра // Успехи современной науки и образования. №6. Т.4, 2016.
22. Зайончковский А. М. Восточная Война 1853-1856. СПб.: Полигон, 2002.
23. Зайончковский А. М. История русской армии. Т.3. E-book.
24. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. Изд-во Московского Университета, 1952.
25. Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120418015708/http://august-1914.ru/zayonchkovsky2.html> (дата обращения 11.07.2022).
26. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОССПЭН, 1998.
27. Заойнчковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетия, 1881-1903. М.: Мысль, 1973.
28. Из записок севастопольца // Русский архив. №12, 1867.
29. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // СБ.РИО Т.98. С.366-367; Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907.
30. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880), т. 2, СПб., 1880, прилож. 28
31. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в Русской Армии // Военный сборник. Год тридцатый. №4, апрель 1887.
32. Кепель О.В., Хабибрахманов И.Р. Правовые основы формирования кадрового состава русской армии во второй половине XVIII века // Вестник военного университета №2, 2020.
33. Керновский А. История русской армии: 1770-1881. Смоленск: Русич, 2004.
34. Керновский А. История русской армии. Т.2. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/kernovskiy1/05.html> (Дата обращения 31.08.2022)
35. Ковалев К.С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3.
36. Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999.

37. Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича, 1796–1801 // Русская старина. 1877. Т. 18.
38. Махов С. Крымская война: пороки британского войска. Режим доступа: <https://warspot.ru/13827-krymskaya-voyna-poroki-britanskogo-voyska> (дата обращения 23.06.2022)
39. Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб.: Сенат. тип., 1904.
40. Михайлов А. А. Первый бросок на юг // Военная литература. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/mihaylov_aa2/01.html (дата обращения 04.07.2022)
41. Огородников Ф. Тактическая подготовка пехоты // Военный сборник. Год Пятьдесят четвертый. № 4, апрель 1911.
42. О быте офицеров германской армии // Военный сборник. № 1, январь 1894.
43. О быте офицеров германской армии // Военный сборник № 2, февраль 1894.
44. О чинопроизводстве и пенсиях // Военный сборник. Год Сорок Первый. № 3, Март 1898.
45. Офицерские вспомогательные капиталы // Военный сборник. Год тридцатый. № 1-2 январь, 1870.
46. О назначении пенсии из инвалидного капитала // Военный сборник № 2, февраль 1894.
47. Оружейные заводы в России // Военный сборник. № 9, сентябрь 1861.
48. Оружейные заводы в России // Военный сборник. № 10, октябрь 1861.
49. О чинопроизводстве и пенсиях // Военный сборник. Год Сорок Первый. № 3, Март 1898.
50. Об обществе потребителей в войсках // Военный сборник. № 12, Декабрь 1887.
51. Панчулидзе С.А. Значение военных реформ Павла I // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004.
52. Пенской В.В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории № 7, 2001.
53. Пирогов Н.И. Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854-1855 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907.
54. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3265.
55. Раков В.С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853-1856 гг. Евпатория: Типография М.Л. Мурованского, 1904.
56. Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до настоящего времени: в 2 т. М., 1897. Т. 2
57. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.: Военгиз, 1928.
58. Сергиевский И.А. Русско-французское военно-техническое сотрудничество во второй половине XIX века на примере арсенала Шательро // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды десятой Международной научно-практической конференции. СПБ:ВИМАИВиВС, 2021.
59. Степанов В.Л. Крымская война и экономика России // ВТЭ № 1, 2018.
60. Степанов П.И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. Год сорок восьмой. № 9, сентябрь 1905.
61. Степанов П.И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. Год сорок восьмой. № 12, декабрь 1905.
62. Суитман Дж. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М.: Эксмо,

- 2011.
63. Сурин В.И. Современный французский офицер // Военный сборник №5, 1911.
 64. Татарников К.В. Материалы по истории русского военного мундира 1730-1801: Сборник документов. Т.И. М., 2009.
 65. Татарников К.В. Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т.II.
 66. Терехин А.М. Чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить // Военно-исторический журнал. №2, 2017.
 67. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Режим доступа: https://librebook.me/sevastopolskie_rasskazy/vol1/3 (дата обращения 05.07.2022)
 68. Трещев В. Цена офицера. Режим доступа: <https://warspot.ru/11095-tsena-ofitsera> (дата обращения 23.06.2022).
 69. Хренов М. М. Военная одежда русской армии. М.: Воениздат, 1994.
 70. Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты Российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017.
 71. Ченнык С.В. Альма. Севастополь: Ченнык С. В., 2011.
 72. Шапиро Б.Л. Русская конница в эпоху Фридриха Великого: культурный конфликт или диалог культур? // Человек и культура. 2019. № 1. С. 41-56. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28891 URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=28891
 73. Шендрикова С.П. Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX– XX веков. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011.
 74. Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007.
 75. Юркевич Е.И. Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796-1801 гг.): Анализ и оценки // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы Международной военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2016.
 76. Reese R. R. The imperial Russian army in peace, war, and revolution, 1856-1917. University Press of Kansas, 2019.
 77. Seaton A. The Russian army of the Crimea. Osprey, 1973.
 78. Kagan F.W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.
 79. Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon, 1985.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В своё время выдающийся литературный критик В.Г. Белинский как-то заметил: «Русская история есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика». И действительно за тысячелетнюю историю нашей страны можно отметить и героические и драматические события, активно обсуждаемые и сегодня, при чем не только профессиональными историками, но и публицистами. В ряду этих событий находится и Крымская война, которую иногда, подчёркивая ее важность, именуют не иначе как «нулевая мировая война». Ее значения как для русской армии, так и для всего общества очень велико, в связи с чем представляется важным обратиться к ее проблемным зонам.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является военная организация Российской империи накануне Крымской войны. Автор ставит своими задачами рассмотреть причины поражения русской армии в этой войне, проанализировать различия военной системы России и других стран, в частности Пруссии, а также показать степень эффективности военного производства.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится ««последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать достоинства и недостатки русской армии в эпоху Николая I.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент прежде всего следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 80 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников стоит отметить различные воспоминания, нормативно-правовые акты, а также отдельные исторические труды эпохи XIX в. Из используемых исследований укажем на труды Л.Г. Бескровного, А.М. Зайончковского, С.В. Волкова, в центре внимания которых различные аспекты организации и деятельности русской армии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как военной историей, в целом, так и Крымской войной, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «к главным причинам поражения Российской империи в войне относят техническое отставание русских войск от зарубежных армий», однако гораздо важнее выявить основные проблемы военной системы России. В работе показано, что «боевые действия (полевые сражения) в Крыму продемонстрировали значительное отставание Российской империи как в социально-экономическом развитии, так и в отношении военной мысли». Среди причин поражений русской армии автор справедливо отмечает «использование устаревшей тактики ведения боя, отсутствие взаимодействия между генералами (в том числе из-за высокой конфликтогенности в офицерском корпусе), слабая подготовка обер-офицерского и штаб-офицерского состава, слабая организация системы снабжения».

Главным выводом статьи является то, что «Крымская война стала вооруженным конфликтом, выявившим многие серьезные недостатки русской военной организации первой половины XIX в.»

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, обобщает широкий массив источников, вызовет читательский интерес, а ее

материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации.

Англоязычные метаданные

Judicial complaints about the activities of magistrates of the Yakut region in the late XIX – early XX centuries

Savvinov Pavel Olegovich

Junior research associate, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

677027, Russia, Republic of Yakutia, Yakutsk, Petrovsky str., 1

✉ pavel_savvinov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is Judicial complaints about the activities of magistrates of the Yakut region in the communicative space of the Yakut District Court at the end of the XIX – beginning of the XX century. The object of the study is the communicative practice associated with the development of legal proceedings in the Yakut region above the specified period. In the article, the author analyzed judicial complaints against the activities of magistrates and their consideration in the Yakutsk District Court. The study is based on the methodological principles of the frontier modernization approach of I.V. Berezhnikov, which is used to analyze the peripheral regions of the Russian Empire. As a tool of cognition, the comparative historical method is used, which allows to reveal the cause-and-effect relationships and patterns of the historical process. For the first time, the article undertakes a special study of judicial complaints against the activities of magistrates in the communicative space of the Yakut District Court, which is understood as a system of diverse communicative connections arising between various communication participants. The author comes to the conclusion that complaints about the activities of magistrates played an important role in the communicative space of the Yakut District Court during the period under review as a channel of communication between society and the judiciary, which was regulated by the Judicial Statutes of 1864. Appeals of the accused, defendants to the judiciary acted as a communicative channel through which feedback was carried out, through which the Yakut district court could supervise the activities of magistrates. The Yakutsk District Court considered incoming complaints against magistrates regardless of the severity of the accused's crime.

Keywords: appellate court, district court, communication channel, jurisdiction, Judicial Statutes, writ of error, plaintiffs claim, complains of lingering, complaint, Yakut Oblast

References (transliterated)

1. Arkhipova A.I. K voprosu o vvedenii instituta mirovykh sudei v Yakutskoi oblasti (konets XIX v.) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2012. № 1 (2). S. 112–117.
2. Grigorovich A. Vremennye pravila o primenenii sudebnykh ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri, s izlozheniem osnovnykh pravil Sibirskogo obshchego Uchrezhdeniya i Polozheniya ob inorodtsakh i tekhnologicheskikh ustanovkakh, na kotorye sdelany ssyldki v stat'yakh Vremennykh pravil: rukovodstvo dlya otpravlyayushchikhsya na sluzhbu v Sibir' po sudebnomu vedomstvu. – M., Tip. N.I. Pastukhova, 1897. 170 s.
3. Krivokora E.I. Kommunikativnoe prostranstvo kak strategicheskii integriruyushchii mekhanizm organizatsionnoi sistemy // Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad. 2011. № 7. S. 14–19.

4. Kuras T.L. Irkutskii okruzhnoi sud (1897-1918 gg.): obshchaya kharakteristika // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2006. № 2 (29). S. 91-97.
5. Uchrezhdenie sudebnykh ustanovlenii // Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. — B. m. [1864]. S. 1-165.
6. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva // Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. — B. m. [1864]. S. 1-163.
7. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva // Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. — B. m. [1864]. S. 1-65.
8. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS (Ya)) F. F-192. Op. 11. D. 113.
9. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 5. D. 132.
10. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 5. D. 142.
11. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 11. D. 166.
12. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 5. D. 292.
13. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 5. D. 293.
14. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 10. D. 1223.
15. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 10. D. 1563.
16. NA RS (Ya) F. I-192. Op. 2. D. 2369.
17. Fedorov V.I., Boyakova S.I. Obshchestvenno-politicheskaya situatsiya i natsional'no-demokraticeskoe dvizhenie // Istorya Yakutii: v 3 t. T. III. Novosibirsk: Nauka, 2021. S. 39-52.

Fundamentals and factors of deployment in the United States in 1913-1917 Naval construction

Usatiuk Dmitrii

PhD in History

Associate Professor, Department of History, N. F. Katanov Khakassky State University

655017, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin str., 92/1, office 310

 sibdims@yandex.ru

Abstract. The article examines the rationale and practical content of measures to increase the US Navy in 1913-1917. The main attention is focused on the ideological and organizational foundations of the strategy of the American leadership regarding the role of naval power as a factor in ensuring national interests. The design and implementation of the strategy are considered in the context of the reaction of the administration of President W. Wilson to the course and nature of the block confrontation in Europe, to the development of the international situation during the period of US neutrality in the First World War. The research is based on the application of the principles of historicism and scientific objectivity. The theoretical and methodological basis of the study was a systematic approach. On the basis of a comprehensive study of legislative acts, statistical data, official accounting documents and sources of personal origin, along with the materials of well-known historical research, the totality of factors that caused the deployment of naval construction in 1913-1917 was identified, the content and scale of measures to increase the US Navy were determined and evaluated. As a result, it is concluded that by the time the United States entered the war against Germany, the role of the Navy in ensuring the implementation of foreign policy tasks was determined, but the goals of the quantitative and qualitative state of

the US Navy for real participation in the resolution of the conflict were not achieved.

Keywords: naval construction, foreign relations, Anglo-American relations, military readiness, Navy, U.S. foreign policy, defence policy, Woodrow Wilson, World War I, U.S. neutrality

References (transliterated)

1. Arkhiv polkovnika Khauza. Pod red. Ch. Seimura. / Pers angl. M., 1937-1944. 4 t. T. 1. M., 1937.
2. Arkhiv polkovnika Khauza. Pod red. Ch. Seimura. / Pers angl. M., 1937-1944. 4 t. T. 2. M., 1937.
3. Papers relating to the foreign relations of the United States, with the address of the president to Congress December 7, 1915. Washington: Government Printing Office. 1924.
4. Annual Reports of the Navy Department for the Fiscal Year 1915. Washington: U.S. Government Printing Office, 1916.
5. Annual Reports of the Navy Department for the Fiscal Year 1916. Washington: Government Printing Office, 1917.
6. Baker N.D. America at war. / Ed by F. Palmer, vol.1: 1914-1917. New York: Dodd-Med. C°, 1931.
7. Combs J.A. American Diplomatic History: Two centuries of changing interpretations. Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1986.
8. Craig Lee A. Josephus Daniels: His Life and Times. Chapel Hill: UNC Press Books, 2013.
9. Daniels J. The Wilson Era. Years of War and after. 1917-1923. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1946.
10. Daniels J. Our navy at war. Washington, D.C.: Pictorial Bureau. 1922.
11. Grenville J.A., Yong G.B. Politics, strategy and American diplomacy. Studies in Foreign Policy 1873-1917. New Haven & London: YaleUniv. Press, 1966.
12. Love R. W. History of the U.S. Navy: Volume 1 (1775-1941). Mechanicsburg, Pennsylvania: Stackpole Books, 1992.
13. March F. A. History of the World War: An Authentic Narrative of the World's Greatest War. Philadelphia, Chicago, Toronto: The United States Publishers of the United States and Canada. 1919.
14. Schulzinger R.D. American Diplomacy in the 20th century. N.Y.: OxfordUniv. Press, 1994.
15. Seymour Ch. American Neutrality. 1914-1917. Essays on the Causes of American Intervention in the World War. New Haven: YaleUniv. Press, 1935.
16. The Growth of the American Republic / S.Morison, H.Commager, W.Lenchtenburg. Vol.2. N.Y. Oxford Univ. Press, 1980.
17. The Statutes at Large of the United States of America, from December, 1915, to March, 1917, Concurrent Resolutions of the Two Houses of Congress, and Recent Treaties, Conventions, and Executive Proclamations. Washington: Government Printing Office. 1917. Vol. XXXIX, Part 1.
18. US Ship Force Levels. 1886-present / The Naval History and Heritage Command (NHC). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html> (data obrashcheniya 09.05.2023)

Formation and Development of the Doctrine of Rule of Law in English Legal Thought

Mikhailov Anton Mikhailovich □

PhD in Law

Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

117279, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Trade Union, 93, sq. 59

✉ antonmikhailov@hotmail.com

Abstract. The subject of the study is the English constitutional doctrine of the rule of law, taken in the historical evolution of its understanding by leading authoritative lawyers and thinkers starting with H. de Bracton and ending with A.V. Dicey and modern British constitutional law jurists. The article presents both positivist and non-positivist interpretations of the doctrine. Particular attention is paid to the classical interpretation of the doctrine of the rule of law in the work of A.V. Dicey "Introduction to the Study of Constitutional Law" (1885): the main meanings of the concept are revealed and critical remarks set out in the British legal thought of the XX century are presented. The article concludes with a brief summary of the modern understanding of the doctrine of the rule of law in the contemporary legal literature.

The novelty of the research is that for the first time in Russian jurisprudence, the historical reconstruction of the formation and development of ideas that make up the content of the doctrine of the rule of law is revealed. Special attention is paid to the contribution to the development of this legal doctrine by such jurists as J. Fortescue, E. Coke, S. Rutherford, J. Locke, A.V. Dicey. In addition, attention is paid to the distinction between interpretations of the concept by lawyers of the positivist and non-positivist legal thought. Critical understanding of A.V. Dicey's teaching on the rule of law and modern interpretations of the concept are presented for the first time in the Russian legal literature.

Keywords: parliamentary sovereignty, legal order, A V Dicey, discretionary power, history of legal thought, legal positivism, English jurisprudence, Rule of Law, equality before the law, legality

References (transliterated)

1. Chirkin S.V. Britanskaya model': uroki parlamentarizma // Razdelenie vlastei: uchebnoe posobie. / Otv. red. M.N. Marchenko. M.: Yurait, 2004. S. 100.
2. Svyatovets O.A. Problemy korolevskoi vlasti v traktate Genri Braktona «O zakonakh i obychayakh Anglii» // Pravovedenie. 1997. № 4. S. 44.
3. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy. / Pod. red. akad. V.M. Koretskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1961. S. 154.
4. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 14th ed. London: Pearson, 2007. P. 95.
5. Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya / Per. s angl. 2-e izd, M.: Izd-vo MGU, 1998. S. 26–27.
6. Foma Akvinskii. Summa teologii. T. IV: Pervaya chast' Vtoroi chasti. Voprosy 68–114. / Per. s lat. / Pod red. N. Lobkovitsa, A.V. Appolonova. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM»,

2012. S. 338.
7. Pokrovskii I.A. Estestvenno-pravovye techeniya v istorii grazhdanskogo prava. SPb.: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1909. S. 21.
 8. Ueid E.S., Fillips D.D. Konstitutsionnoe pravo / Pod red. Krylov S.B.; Per. s angl. Nikiforov A.S.; Vstup. st.: Moldavskii Z.I. M.: Inostr. lit., 1950. S. 61.
 9. Grabar' E. Rimskoe pravo v istorii mezhdunarodno-pravovykh uchenii: Elementy mezhdunarodnogo prava v trudakh legistov XII – XIV vv. Yur'ev, Tipografiya K. Mattisena, 1901. S. 43.
 10. Extracts from the argument of Sir Robert Berkeley, Justice of the King's Bench // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Third edition, revised / Selected and edited by S. R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 116.
 11. Tomsinov V.A. Common Law v yuridicheskoi konstruktsii gosudarstvennogo stroya Anglii pervykh desyatiletii XVII veka // «Forging a common legal destiny». Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 21.
 12. Fishel' E. Gosudarstvennyi stroi Anglii. / Per. s angl. P.M. Tseidlera. SPb.: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 1862. S. 31.
 13. Tsvaigert K., Ketts Kh. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2-kh tt. Tom. I. Osnovy. / Per. s nem. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2000. S. 78.
 14. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. V 2 t. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. M.: Airis-press, 2004. S. 382.
 15. Archer P. Angliiskaya sudebnaya sistema. / Per. s angl. L.A. Vetvinskogo. Pod red. i s predisl. B.S. Nikiforova. M.: Inostr. lit., 1959. S. 37–38.
 16. Mackay R.A. Coke – Parliamentary Sovereignty or the Supremacy of the Law? // Michigan Law Review. Jan., 1924, Vol. 22. №3. P. 218.
 17. Coke E. Commentary upon Littleton. / ed. by Ch. Butler, 18th ed., Legal Classics Library, 1985.
 18. Palamarchuk A.A. Tsivil'noe pravo v rannestyuartovskoi Anglii: instituty i idei / otv. red. S.E. Fedorov. SPb.: Aleteiya, 2015. S. 92.
 19. Coke E. Part Eight of the Reports // The selected writings and speeches of Sir Edward Coke / Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 1. P. 275.
 20. Holland T.E. The Elements of Jurisprudence. 12th ed. Oxford: Clarendon Press, 1916. P. 37.
 21. Boyer A.D. «Understanding, Authority, and Will»: Sir Edward Coke and the Elizabethan Origins of Judicial Review // 39 Boston College Law Rev. 43 (1998), <http://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol39/iss1/2>
 22. Rutherford S. Lex, rex, or the Law and the Prince: A Dispute for the Just Prerogative of King and People. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. P. 246.
 23. Marshall J.L. Natural Law and the Covenant: The Place of Natural Law in the Covenantal Framework of Samuel Rutherford's Lex, Rex. Westminster Theological Seminary, Philadelphia, 1995.
 24. Gardiner S.R. History of the Great Civil War. L., 1898. Vol. 3. P. 392.
 25. Khaiek F.A. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki. / Per. s angl. B. Pinskera i A. Kustareva. Pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISEN, 2006. S. 147–148.
 26. Kistyakovskii B.A. Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe). Lektsii B.A.

- Kistyakovskogo, chitannye v Moskovskom kommercheskom institute v 1908/1909 akademicheskому godu // Kistyakovskii B.A. Filosofiya i sotsiologiya prava. / Sost., primech., ukaz. V.V. Sapova. SPb.: RKhGI, 1998. S. 548.
27. Bradley A.W., Ewing K.D., Knight C.J.S. Constitutional and Administrative Law. 16th ed. London: Pearson, 2014. P. 78.
28. Kross R. Pretsedent v angliiskom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. S. 44 – 50.
29. Lloid D. Ideya prava. Repressivnoe zlo ili sotsial'naya neobkhodimost'? / Per. s angl. M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumasheva. Nauch. red. Yu.M. Yumashev. M.: «Yugona», 2002. S. 296.
30. Hale M. The History of the Common Law of England. / ed. by C. M. Gray. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 45.
31. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In 4 vols. Vol. I. Cavendish, 1766. P. 69.
32. Lokk Dzh. Soch. V 3 t. / Red. i sost., prim. A.L. Subbotin. Per. s angl. i lat. Yu.M. Davidson, E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov, N.A. Fedorov, i dr. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1988. T. 3. S. 263.
33. Salmond J.W. Jurisprudence or the Theory of the Law. London: Stevens & Haynes, 1902. P. 52.
34. Brown W.J. The Austinian Theory of Law. Being an Edition of Lectures I, V, and VI of Austin's «Jurisprudence», and of Austin's «Essay on the Uses of the Study of Jurisprudence» with Critical Notes and Excuses. London, John Murray, Albemarle Street, 1906. P. xi.
35. Iering R. f. Tsel' v prave // Izbrannye trudy. V 2 t. T. I. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2006. S. 306.
36. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. / Vstop. st. I.Yu. Kozlikhina. SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskii tsentr Press», 2004. S. 361.
37. Marks K. K evreiskomu voprosu // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. S. 398.
38. Daisi A.V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliiskoi konstitutsii. / Per. s angl. O.V. Poltoratskoi. Pod red. P.G. Vinogradova. M., 1905. S. 227.
39. Denning A.T. What Next in the Law. London: Butterworths, 1982. P. 5.
40. Caenegem R.C. van. Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 24–25.
41. Romanov A.K. Pravovaya sistema Anglii: Ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Delo, 2002. S. 62.
42. Mikhailovskii I.V. Ocherki filosofii prava. Tom I. Tomsk, Izdanie knizhnogo magazina V.M. Posokhina, 1914. S. 603.
43. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Uchebnik dlya VUZov. / Pod red. M.V. Baglaya, Yu.I. Leibo, L.M. Entina. M.: Norma, 2000. S. 402.
44. English Public Law. / Ed. by D. Feldman. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 7.
45. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2nd ed. Vandenhoeck u. Ruprecht, 1967. S. 431 – 467.
46. Slapper G., Kelly D. The English Legal System. London, New York: Routledge, 2012. P. 23.
47. Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England Concerning the

- Jurisdiction of Courts. L., 1644. P. 36. URL:
lawlibrary.wm.edu/wythepedia/library/CokeFourthPartOfTheInstitutesOfTheLawsOfEngland1644.pdf
48. Wade E.C.S. & Bradley A.W. Constitutional and Administrative Law. 11th ed., L., 1994. P. 758.

The effect of "memory aberration" in M.T. Kalashnikov's memoirs about the Great Patriotic War.

Borovkov Dmitrii

PhD in History

Associate Professor of the Department "Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History" of the "Ural State University of Railway Transport"

66 Kolmogorova str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620034, Russia

 dpalochkinskij@yandex.ru

Abstract. The object of the work is the memoirs of the famous Russian designer-gunsmith M. T. Kalashnikov about his participation in the battles of the Great Patriotic War in 1941. The author subjects fragments of M. T. Kalashnikov's memoirs of various publications to comparative analysis. The key publications are "Notes of the designer-gunsmith" in 1992 and "Kalashnikov: the Trajectory of Fate", published in 2007. In addition, the text of the designer's memoirs is compared with documentary sources: combat documents of the 108 tank division, in which M.T. Kalashnikov served at the time of his participation in the battles. The author also provides a review of literature and research on the military biography of M.T. Kalashnikov. The author concludes about the serious chronological distortion that M. T. Kalashnikov made when describing his participation in the battles. The designer himself clearly indicated in his memoirs that he spent at least several weeks at the front in September and October 1941. The analysis of the documents clearly shows that the participation of M.T. Kalashnikov in the battles was actually reduced to two days of fighting: August 30 and 31, 1941. In addition, a comparison of the texts of memoirs of different publications revealed noticeable discrepancies between them. Some of these discrepancies could only have been made deliberately. In addition, the historiographical review revealed the following: the authors who worked on the biography of M.T. Kalashnikov earlier were aware of this phenomenon. However, no one carried out a detailed source analysis of the designer's memoirs, and no attempts were made to explain these distortions. At the same time, the author of the work notes that a detailed analysis of the memoirs of M.T. Kalashnikov has yet to be carried out and the information potential of this source cannot be considered exhausted.

Keywords: Ermakov 's Mobile Group, Soviet tank troops, Battles near Trubchevsk, The trajectory of fate, Notes of the gunsmith's designer, Great Patriotic War, Roslavl-Novozybkovskaya operation, Biography of Kalashnikov, memoirs of Kalashnikov, Kalashnikov

References (transliterated)

1. Budko A.A., Zhuravlev D.A. Istorya odnogo raneniya // Zashchita i bezopasnost'. 2012. № 2 (61). S. 2-3.
2. Vydra O. V. Mikhail Timofeevich Kalashnikov - legendarnyi konstruktor i izobretatel' // Obshchestvennye nauki v sovremennom mire: politologiya, sotsiologiya, filosofiya, istoriya: Sbornik statei po materialam XXIX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 10 yanvarya 2020 goda. Tom 1 (22). – Moskva: Obshchestvo s

- ogranichennoi otvetstvennost'yu «Internauka», 2020. – S. 15-18.
3. Gavrenkov A. A. Boevye deistviya voisk Bryanskogo fronta pervogo formirovaniya (14 avgusta – 10 noyabrya 1941 g.). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Bryansk, 2014 g. 249 s.
 4. Grakhov V. P., Zhilin S.A. Kalashnikov – imya iz budushchego // Rektor VUZa. – 2019. – № 5. S. 22-23.
 5. Dembritskii N. P. «My obyazany razgromit' Guderiana»: nastupatel'naya operatsiya Bryanskogo fronta 30 avgusta – 12 sentyabrya 1941 goda // «Voenno-istoricheskii zhurnal». 1999. № 1. S.14-21.
 6. Evdokimov A. M. Mikhail Kalashnikov – chelovek i sud'ba // Zashchita i bezopasnost'. 2019. № 1 (88). S. 46.
 7. Elkhova A. A. Istorya velikogo oruzheinika: M.T. Kalashnikova // Perelomnye momenty v istorii: lyudi, sobytiya, issledovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Velikogo: v 3 t. Tom 2. Sankt-Peterburg, 2022. S. 596-599.
 8. Izobrazhenie avtomata Kalashnikova na gosudarstvennoi simvolike / A. V. Pepelyaev, V. V. Glebov, I. E. Filin, L. A. Kusakin // My pomnim, my gordimsya: Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, Omsk, 15 maya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei K. V. Kostina. – Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2020. S. 188-192.
 9. Il'in S. Yu. Rol' avtomata Kalashnikova v mirovoi istorii // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya navykov obrashcheniya s avtomatom (karabinom) u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara, Ryazan', 28 oktyabrya 2021 goda / Pod obshchei redaktsiei A. G. Malysheva. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2021. S. 85-91.
 10. Isaev A. V. Neizvestnyi Kalashnikov // Tsifrovaya istoriya. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UoL48b2PLdM&t=1358s&ab_channel (data obrashcheniya: 12.10.2021).
 11. Kalashnikov M. T. Zapiski konstruktora – oruzheinika. M.: Voenizdat. 1992. – 301 s.;
 12. Kalashnikov M. T., Kalashnikova E. M. Kalashnikov: traektoriya sud'by. M.: Dom «Vsy Rossiya», 2007. – S. 640 s.
 13. Klopotenko A. G., Malyakshina T. V. Issledovanie roli avtomata Kalashnikova v mirovoi istorii // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya navykov obrashcheniya s avtomatom (karabinom) u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara, provodimogo v ramkakh XIII ezhegodnogo turnira imeni M. T. Kalashnikova po strel'be iz avtomata (karabina), Ryazan', 11 sentyabrya 2019 goda / pod obshch. red. S. M. Smoleva. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. S. 44-48.
 14. Muravlev A. S. Mikhail Kalashnikov. Voronezh: Maks-Print, 2015. 380 s.
 15. Renkel' A. A. Kalashnikov: chelovek i avtomat // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. – 2014. – № 12. S. 22-24.
 16. Sait muzeino-vystavochnogo kompleksa strelkovogo oruzhiya im. M.T. Kalashnikova. URL: <https://museum-mtk.ru/armourers/kalashnikov/biography> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
 17. Saligova M. L. Velikii izobretatel' luchshego v mire avtomata - M.T. Kalashnikov //

- Russkaya voennaya istoriya: sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny i pamyati Mikhaila Timofeevicha Kalashnikova. – Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2014. S. 151-155.
18. Serzhant, vooruzhivshii ves' mir // Voenneye znaniya. – 2014. – № 1. S. 33-34.
 19. Sil'nikov M. V. Mikhail Kalashnikov. Zhizn' i sud'ba // Zashchita i bezopasnost'. – 2009. – № 3(50). S. 8-10.
 20. Sil'nikov M. V. Kalashnikov chelovek-legenda // Zashchita i bezopasnost'. 2019. № 1(88). S. 2-5.
 21. Uzhanov A. E. Mikhail Kalashnikov. M.: Molodaya gvardiya, 2009. 438 s.
 22. Forum poiskovikov «Bryanskii front» URL: <https://bryanskfront.mybb.ru/viewtopic.php?id=458> (data obrashcheniya: 11.06.2023).
 23. TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF, f. 202, op.5, d.17, l. 31-32.
 24. TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF, f. 3055, op. 1, d. 3, l. 3 – 17.
 25. TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF, f. 3195, op. 0000001, d. 0002, l. 8, 10.
 26. TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF, f. 3195, op.0000001, d.0002, l. 30.
 27. Chumak R. N. AK-47. Istoryya sozdaniya i prinyatiya na vooruzhenie Sovetskoi armii. SPb.: Atlant, 2021 g. 600 s.
 28. Shpilyanskii E. M. Kalashnikov Mikhail Timofeevich 1919 – 2013 // Klinicheskaya gerontologiya. – 2016. – T. 22, № 11-12. S. 81-84.
 29. Shuv'e R. I., Kazmirschuk E. K. Brend Kalashnikov v aspekte mezhkul'turnoi kommunikatsii // Inostrannye yazyki: Materialy 57-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii, Novosibirsk, 14-19 aprelya 2019 goda. – Novosibirsk: Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 50-51.
 30. Glantz, David M. Barbarossa derailed: the battle for Smolensk, 10 July - 10 September 1941: [4 vol. study]. Vol. 2: The German advance on the flanks and the third Soviet counteroffensive, 25 August - 10 September 1941. – Solihull, West Midlands: Helion, 2012. – 620 s.
 31. Kalashnikov Encyclopaedia: A set of three books / Cor Roodhorst. – Hardbound, 2015.

The Russian Army on the Eve of the Crimean War: Between Myth and Reality

Ilyichev Anton Vladimirovich

Junior researcher, Museum of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol

299020, Russia, Sevastopol, General Ostryakov Ave., 250-V, sq. 11

 ilichev-toni@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of the military system of the Russian Empire in the years of the reign of Nicholas I. The subject of the study is the military organization of the Russian Empire in the middle of the XIX century. The object of the study is the Russian army in the Crimean War (1853-1856). The focus is on the organization of the armed forces of the Empire, the training of enlisted and officers, logistics and pensions, as well as military production in the middle of the XIX century. Traditionally, in Russian historiography, the main drawbacks of the military system were called the technical lag of the Russian Empire from the

European armies and the serfdom structure of the domestic power. During the study of the topic, it was revealed that the issue of armament was not the fundamental reason for the defeat of the empire in the conflict. Soldiers recruited according to the recruitment system could not equivalently resist European armies based on a system of conscription or voluntary recruitment. The difficult conditions of service in the army of the Russian Empire in the XIX century, led to the complete depletion of the reserve stock, which was clearly manifested in the years. The Crimean War (1853-1856). In combination with significant shortcomings in the training of private and officer, this led to the absolute hegemony of the Allied army in field battles. Many of these problems were known to the highest military and political leadership of the country, which initiated a number of military reforms to correct them. Nicholas I failed to implement these changes before the outbreak of the Crimean War. Already after the conflict, under the leadership of the Minister of War Milyutin D.A., within the framework of the "Great Reforms of the 1860s", many of these problems were resolved to one degree or another. The study is of a general nature, and this topic requires further detailed study of each of the aspects mentioned in the work.

Keywords: Military industry, Military education, Description, Recruitment system, Military affairs, Paul I, The Crimean War, Nicholas I, The Russian Empire, Russian Army

References (transliterated)

1. Ageev V.V. Osobennosti formirovaniya kadrovogo sostava russkoi armii v epokhu «plats-parada» (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) // Vestnik Voennogo universiteta. 2011. № 4 (27).
2. Alilueva N. Itogi i posledstviya dlya rossiiskoi imperii po okonchaniyu Krymskoi voiny 1853-1856 g. // Materialy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov i aspirantov, priurochennoi k 20-letiyu gumanitarno-pravovogo fakul'teta. Voronezh, 2021.
3. Arbuzov E. Vospominaniya o kompanii na Krymskom poluostrove v 1854-1855 gg. // Voennyi sbornik. God semnadtsaty. №4, aprel' 1874.
4. Airapetov O. Krymskaya voyna. Populyarnyi ocherk. M.: REGNUM, 2017
5. Beskrovnyi L.G. Russkaya armiya i flot v XIX veke. M.: Nauka, 1973.
6. Bogdanovich M.I. Vostochnaya voina 1853-1856 godov. SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1877
7. Vzglyad na obuchenie strel'be mass pekhoty // Voennyi sbornik. God Semnadtsatyi. №4, aprel' 1874.
8. Vasil'chikov V.I. Sevastopol'. Zapiski nachal'nika shtaba Sevastopol'skogo garnizona knyazya V. I. Vasil'chikova // Russkii arkhiv, 1891. Kn.6.
9. Volkov S.V. Russkii ofitserskii korpus. M., 1993.
10. Gavrilov S.V. Osobennosti intendantskogo snabzheniya v Russkoi armii v pervoi polovine XIX veka // Voenno-istoricheskii zhurnal. №1, 2009.
11. Galenkovskii P.A. Vospitanie yunoshestva v proshlom. SPb.: Tipografiya I. Generalova. 1904.
12. Grekov F.V. Kratkii istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii 1770-1910. M., 1910
13. Glinoetskii N.P. Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii General'nogo shtaba. SPb.: Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882.
14. Gol'ts Kol'mar fon der. Vooruzhennyi narod/Sochinenie ob ustroistve armii i obraze

- vedeniya voiny v nashe vremya. SPb: Voen.tip., 1886.
15. Davydov V. Samarin-opolchenets // Russkii arkhiv. №5, 1877
 16. Denikin A.I. Put' russkogo ofitsera. E-book.
 17. Deistvitel'noe znachenie samostoyatel'nosti v komandnoi sisteme na voine // Voennyi sbornik. God tridtsat' devyatyi. №7, iyul' 1896.
 18. Donert E., Naibuer Kh. Russkie tsari. 1547-1917. Rostov n/D.: Feniks, 1997.
 19. Dubrovin N.F. Iстория Крымской войны и обороны Севастополя в 3-х Т. SPb, 1900.
 20. Egorov V.I. Nash XVIII vek. Voennyi sbornik. M.: Art-Volkhonka, 2014.
 21. Zherebkin M. Krymskaya voyna: uroki na segodnya i zavtra // Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya. №6. T.4, 2016.
 22. Zaionchkovskii A. M. Vostochnaya Voina 1853-1856. SPb.: Poligon, 2002.
 23. Zaionchkovskii A. M. Iстория russkoi armii. T.3. E-book.
 24. Zaionchkovskii P.A. Voennye reformy 1860-1870 godov v Rossii. Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 1952.
 25. Zaionchkovskii P.A. Vysshee voennoe upravlenie. Imperator i tsarstvuyushchii dom. Rezhim dostupa: <https://web.archive.org/web/20120418015708/http://august-1914.ru/zayonchkovsky2.html> (data obrashcheniya 11.07.2022).
 26. Zaionchkovskii P.A. Russkii ofitserskii korpus nakanune Pervoi mirovoi voiny // P.A. Zaionchkovskii (1904-1983 gg.): Stat'i, publikatsii i vospominaniya o nem. – M.: ROSSPEN, 1998.
 27. Zaoinchkovskii P.A. Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletiya, 1881-1903. M.: Mysl', 1973.
 28. Iz zapisok sevastopol'tsa // Russkii arkhiv. №12, 1867.
 29. Istoricheskoe obozrenie voenno-sukhoputnogo upravleniya s 1825 po 1850 god // SB.RIO T.98. C.366-367; Predislovie // Tsareubiistvo 11 marta 1801 goda: Zapiski uchastnikov i sovremennikov. SPb., 1907.
 30. Istoricheskii ocherk deyatel'nosti voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadtsatipatile blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855-1880), t. 2, SPb., 1880, prilozh. 28
 31. Istoricheskii ocherk razvitiya ofitserskikh chinov i sistemy chinoproizvodstva v Russkoi Armii // Voennyi sbornik. God tridtsaty. №4, aprel' 1887.
 32. Kepel' O.V., Khabibrakhmanov I.R. Pravovye osnovy formirovaniya kadrovogo sostava russkoi armii vo vtoroi polovine XVIII veka // Vestnik voennogo universiteta №2, 2020.
 33. Kersnovskii A. Iстория russkoi armii: 1770-1881. Smolensk: Rusich, 2004.
 34. Kersnovskii A. Iстория russkoi armii. T.2. Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/05.html> (Data obrashcheniya 31.08.2022)
 35. Kovalev K.S. Voennye reformy Pavla I v otsenkakh istorikov i memuaristov // Vestnik TvGU. Seriya «Iстория». 2016. № 3.
 36. Kukharuk A.V. Deistvuyushchaya armiya v voennykh preobrazovaniyah pravitel'stva Nikolaya I. Diss. na soiskanie uch. step. kand. ist. nauk. M.: MGU, 1999.
 37. Lebedev P. S. Preobrazovateli russkoi armii v tsarstvovanie imperatora Pavla Petrovicha, 1796-1801 // Russkaya starina. 1877. T. 18.
 38. Makhov S. Krymskaya voyna: poroki britanskogo voiska. Rezhim dostupa: <https://warspot.ru/13827-krymskaya-voyna-poroki-britanskogo-voyska> (data obrashcheniya 23.06.2022)
 39. Miloshevich N. S. Iz zapisok sevastopol'tsa. SPb.: Senat. tip., 1904.

40. Mikhailov A. A. Pervyi brosok na yug // Voennaya literatura. Rezhim dostupa: http://militera.lib.ru/h/mihaylov_aa2/01.html (data obrashcheniya 04.07.2022)
41. Ogorodnikov F. Takticheskaya podgotovka pekhoty // Voennyi sbornik. God Pyat'desyat chetvertyi. №4, aprel' 1911.
42. O byte ofitserov germanskoi armii // Voennyi sbornik. №1, yanvar' 1894.
43. O byte ofitserov germanskoi armii // Voennyi sbornik № 2, fevral' 1894.
44. O chinoproizvodstve i pensiyakh // Voennyi sbornik. God Sorok Pervyi. №3, Mart 1898.
45. Ofitserskie vspomogatel'nye kapitaly // Voennyi sbornik. God trinadtsaty. №1-2 yanvar', 1870.
46. O naznachenii pensii iz invalidnogo kapitala // Voennyi sbornik №2, fevral' 1894.
47. Oruzheinye zavody v Rossii // Voennyi sbornik. № 9, sentyabr' 1861.
48. Oruzheinye zavody v Rossii // Voennyi sbornik. № 10, oktyabr' 1861.
49. O chinoproizvodstve i pensiyakh // Voennyi sbornik. God Sorok Pervyi. №3, Mart 1898.
50. Ob obshchestve potrebitelei v voiskakh // Voennyi sbornik. №12, Dekabr' 1887.
51. Panchulidze S.A. Znachenie voennykh reform Pavla I // Imperator i Generalissimus: Sbornik statei k 250-letiyu so dnya rozhdeniya Imperatora Pavla I i 275-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Suvorova. SPb., 2004.
52. Penskoi V.V. Armiya Rossiiskoi imperii v XVIII v.: vybor modeli razvitiya // Voprosy istorii №7, 2001.
53. Pirogov N.I. Sevastopol'skie pis'ma N.I. Pirogova 1854-1855 g. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1907.
54. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. V. № 3265.
55. Rakov V.S. Moi vospominaniya o Evpatoriili v epokhu Krymskoi voiny 1853-1856 gg. Evpatoriya: Tipografiya M.L. Murovanskago, 1904.
56. Russkaya voennaya sila. Iстория развития военнога dela от начала Руси до настоящего времени: в 2 т. М., 1897. Т. 2
57. Svechin A. A. Evolyutsiya voennogo iskusstva. Tom II. M.: Voengikh, 1928.
58. Sergievskii I.A. Russko-frantsuzskoe voenno-tehnicheskoe sotrudnistvo vo vtoroi polovine XIX veka na primere arsenala Shatel'ro // Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy desyatoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPB:VIMAIViVS, 2021.
59. Stepanov V.L. Krymskaya voina i ekonomika Rossii // VTE №1, 2018.
60. Stepanov P.I. Sevastopol'skie zapiski 1854, 1855 i 1856 godov // Voennyi sbornik. God sorok vos'moi. №9, sentyabr' 1905.
61. Stepanov P.I. Sevastopol'skie zapiski 1854, 1855 i 1856 godov // Voennyi sbornik. God sorok vos'moi. №12, dekabr' 1905.
62. Suitman Dzh. Krymskaya voina. Britanskii lev protiv russkogo medvedya. M.: Eksmo, 2011.
63. Surin V.I. Sovremennyi frantsuzskii ofitser // Voennyi sbornik №5, 1911.
64. Tatarnikov K.V. Materialy po istorii russkogo voennogo mundira 1730-1801: Sbornik dokumentov. T.I. M., 2009.
65. Tatarnikov K.V. Russkaya armiya vremen Ekateriny Velikoi: vzglyad iznutri // Iстория военнога dela: issledovaniya i istochniki. 2012. T.II.
66. Terekhin A.M. Chrez chin nikogo ne zhalovat', no poryadkom chin ot chinu vozvodit' // Voenno-istoricheskii zhurnal. №2, 2017.
67. Tolstoi L.N. Sevastopol'skie rasskazy. Rezhim dostupa:

- https://librebook.me/sevastopolskie_rasskazy/vol1/3 (data obrashcheniya 05.07.2022)
68. Treshchev V. Tsena ofitsera. Rezhim dostupa: <https://warspot.ru/11095-tsena-ofitsera> (data obrashcheniya 23.06.2022).
69. Khrenov M. M. Voennaya odezhda russkoi armii. M.: Voenizdat, 1994.
70. Tselorungo D.G. Ofitsery i soldaty rossiiskoi armii epokhi Otechestvennoi voiny 1812 goda: Sotsial'nye portrety i sluzhba. Borodino, 2017.
71. Chennyk S.V. Al'ma. Sevastopol': Chennyk S. V., 2011.
72. Shapiro B.L. Russkaya konnitsa v epokhu Fridrikha Velikogo: kul'turnyi konflikt ili dialog kul'tur? // Chelovek i kul'tura. 2019. № 1. S. 41-56. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28891 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28891
73. Shendrikova S.P. Mastera stseny v istorii teatral'nogo iskusstva Kryma XIX- XX vekov. Simferopol': DIAIPI, 2011.
74. Yurkevich E. I. Voennyy Peterburg epokhi Pavla I. M., 2007.
75. Yurkevich E.I. Obmundirovanie russkoi armii v tsarstvovanie imperatora Pavla I (1796-1801 gg.): Analiz i otsenki // Istorya voennogo kostyuma: ot drevnego mira do nashikh dnei. Materialy Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii. SPb.: SPbGUPTD, 2016.
76. Reese R. R. The imperial Russian army in peace, war, and revolution, 1856-1917. University Press of Kansas, 2019.
77. Seaton A. The Russian army of the Crimea. Osprey, 1973.
78. Kagan F.W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.
79. Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462-1874. Oxford: Clarendon, 1985.